

Михаил Болле

Мой Демон

Не всегда письма от незнакомцев, пришедшие по электронной почте, оказываются спамом. Посланники провидения знают все необходимые адреса...

Когда три молодых актера согласились сыграть в спектакле, посвященном последним дням жизни Пушкина, они не знали, сколь дьявольский пасьянс разложил режиссер. Возможно, записки пушкинских современников помогут героям в игре с Тенью поэта...

*Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...*
А. С. Пушкин

Пролог

Санкт-Петербург, Васильевский остров, 1837 год

Было хмурое и морозное январское утро. За ночь улицы Северной столицы обильно замело снегом, вдоль домов и заборов высились немалые сугробы. К утру ночная метель сменилась мелкой, но колкой поземкой. Изредка налетающие порывы ветра с омерзительным скрипом раскачивали вывески магазинов.

Рабочий район Васильевского острова просыпался намного раньше аристократического Невского проспекта, поэтому едва рассвело, как на улицах показались первые прохожие. Они прятали лица в высоко поднятые воротники, с удивлением поглядывая на одинокого всадника в военной серой шинели, чей вороной конь с трудом пробирался сквозь сугробы, высоко вздымая тонкие ноги в белых «чулочках». Издалека могло показаться, что его копыта вязнут не в снегу, а в болотной трясине.

Очередной порыв ветра оказался такой силы, что вороной коротко всхрапнул, а всадник, лицо которого закрывал плотный шарф до самых глаз, негромко выругался по-французски: «Merde!» Кое-как добравшись до оружейной мастерской известного на всю округу мастера Федора Михайлова, всадник резко натянул поводья, торопливо спешил к крыльцу и подозрительно огляделся по сторонам.

Затем привязал коня к ближайшему столбу, достал из притороченной к седлу сумки скромный армейский ранец и решительно толкнул дверь. Сразу за ней начинались ступени, ведущие в полуподвальное помещение мастерской, где царил полумрак и явственно ощущался запах металла.

Спустившись вниз, незнакомец равнодушным взглядом окинул кирпичные стены, увешанные всевозможным кузнечным инструментом – щипцами разной величины, гвоздодерами, молотками и т.п. При этом он слегка поежился – несмотря на то что в покосившейся печи весело трещали дрова, а единственное и весьма узкое окошко под самым потолком было законопачено паклей, в помещении было довольно холодно.

– Ну как, готово? – с заметным французским акцентом обратился гость к хозяину, не теряя времени на приветствие и не снимая с лица шарф.

– Все готово, ваше благородие, – подобострастно откликнулся мастер, приземистый и

коренастый мужик с седоватой бородой, напоминающей растопырившийся веник. – Как изволили сами заказывать.

– Давай мне сюда.

Федор склонился над низким рабочим столом и достал из скрипучего выдвижного ящика кольчугу, выполненную из особых металлических пластин, плотно пригнанных друг к другу. Посетитель взял ее, потряс в воздухе и недовольно цокнул языком, будто мысленно примеряя на себя работу мастера.

– Да вы не волнуйтесь, ваше благородие, – поспешно заверил бородач, потирая ладони о замасленный кожаный фартук. – Вещь надежная, не подведет. На мое качество ишло ни от кого жалоб не поступало.

– А как бы они могли поступить, если бы твоя кольчуга подвела? – усмехнулся посетитель и тут же прищурился: – Говорил ты кому-нибудь об этом заказе?

– Упаси Бог! Мы же договаривались.

– Смотри, борода, это дело тайное, тут и головы можно не сносить...

– Дак ведь не знает никто, святыми угодниками клянусь! – И мастер истово перекрестился.

Незнакомец аккуратно сложил кольчугу и спрятал ее в ранец, после чего достал из-за пазухи толстую пачку ассигнаций. Отсчитав несколько новеньких купюр, он положил их на стол, а остальные убрал обратно. Федор осторожно взял в руки деньги, пересчитал их заскорузлыми пальцами и, после недолгой паузы, неуверенно заявил:

– Но ведь тут больше, чем мы условились.

– Это тебе от заказчика столько назначено, чтобы ты всю оставшуюся жизнь язык за зубами держал.

– Уговор, ваше благородие, дороже денег будет, – даже обиделся мастер.

– Вот и хорошо. А теперь прощай.

Проводив гостя до самого выхода, Федор низко поклонился и дождался, пока тот взлезет на коня, двинется прочь. Затем, шурясь от назойливых снежинок, покачал головой, перекрестился и негромко промолвил:

– Ну, дай-то Бог, чтобы моя кольчужка кого от смерти спасла...

Глава 1

Санкт-Петербург, остров Декабристов, 2004 год

Тихий январский день был щедро украшен медленно падающим пушистым снегом. Нерадивый дворник лениво скреб лопатой тротуар, неподалеку от входа в отделение милиции, рядом с которым стоял черный «мерседес» представительского класса с работающим двигателем. Через какое-то время дверь двухэтажного здания распахнулась, и оттуда вышел коротко стриженный мужчина в темном полупальто. За ним следовал сильно небритый молодой человек, ссутулившийся и обхвативший себя обеими руками так, словно его тряс озноб. Он был высок, худощав и при этом отличался той благородной аристократической красотой, которой так славятся нерадивые потомки вырождающихся дворянских родов, позволяющей им вести самый беспутный образ жизни и при этом вызывать самое живое сочувствие – особенно от представительниц прекрасного пола.

Стоило им подойти к машине, как распахнулась задняя дверца, и из салона выбрался солидный джентльмен лет пятидесяти, в очках и галстуке. Заметно оробев при его виде, молодой человек виновато пожал плечами и забормотал:

– Я не виноват, дядь Гера, ей-богу, не виноват... Это менты все подстроили! И барыгу из меня сделали, и наркоту подложили. Честное благородное слово...

Вместо ответа, мужчина ударил юношу в лицо с такой силой, что тот отлетел в сугроб.

– Значит, так, Никита, я вытаскиваю тебя последний раз. Слишком дорого мне стоят твои поганые развлечения. Забудь мой номер и больше мне не звони.

Пока обескураженный протезе вытирал окровавленные губы и отряхивался от снега, джентльмен со своим помощником сели в «мерседес» и укатили.

Глядя вслед удаляющейся иномарке, юноша презрительно покачал головой и прошипел:

– Вот сука! Крутого из себя строишь? А давно ли таким стал?

– Так что, Герман Петрович, – тем временем поинтересовался помощник, сидя рядом с шефом на заднем сиденье, – вас теперь действительно больше не подзывать, если Никита все-таки позвонит?

Герман Петрович призадумался, беззвучно побарабанил пальцами рук по коленям, а затем тихо ответил:

– Да ладно, подзывай. Кто еще пацану, кроме меня, поможет? Двух лет не прошло, как он один остался, а уже так опустил...

– Так ведь сам в этом виноват!

– Это да, но ведь и я его отцу стольким обязан... Может, он сейчас с того света смотрит на меня одобрительно... Кстати, куда мы едем?

– В порт, разбираться по поводу арестованного груза.

– Что за жизнь? Кругом одни аресты... Слушай, а кто меня мог так подставить?

– Не знаю, Герман Петрович, – пожал плечами помощник и тут же поправился: – Пока не знаю, но мы это обязательно выясним.

– Чует мое сердце, что это мой заклятый друг Кукольник... Ну да ладно, эта гнида еще свое получит!

Проснувшийся поутру Никита долго не мог понять: почему так мучительно ноет его правая рука, и лишь с большим опозданием сообразил, что ее придавило тяжелое бедро спящей рядом Лизы. Бесцеремонно отпихнув спящую возлюбленную, он принялся яростно растирать абсолютно онемевшую руку, стремясь побыстрее восстановить кровообращение.

Затем, добившись желанного покалывания в уголках пальцев, надел стеганный домашний халат – незаменимая вещь в сыром и холодном климате Петербурга! – и отправился на кухню варить кофе. Пепельница была заполнена окурками, стол – заставлен пустыми бутылками, а из динамиков стереосистемы негромко и медленно, будто расплавленный воск, текла странная восточная музыка. Мурлыкая что-то под нос, Никита перелил содержимое турки в чашку и сел за стол, локтем освободив себе место. Затем взял лежащую на столе длинную тонкую трубку и достал из кармана халата завернутый в фольгу маленький шарик гашиша. Развернув фольгу и зарядив трубку, Никита поспешно закурил и блаженно закатил глаза.

...Негромкая, удивительно тягучая музыка медленно обволакивала сознание, незаметно проникая в самые потаенные его глубины. Казалось, что эта музыка льется из самого центра Вселенной, передавая своими гармоничными созвучиями таинственный и невыразимый в словах смысл. Глубокое дыхание наполняло грудь, расслабляло тело, колебало и постепенно размывало твердое ядро «я», выводя его из-под власти жестких рамок пространства и времени. Медленно исчезали все телесные ощущения, кроме одного – захватывающего дух ужаса перед самой чудовищной в мире бездной, которая звала к себе мощно и властно.

Никита погрузился в эту бездну и оттуда медленно воспарил в беспредельной пустоте. В ней не было никаких ориентиров, никаких звезд, огней или звуков – и все же его не оставляло чувство, что он приближается к цели своего таинственного путешествия. Постепенно темнота стала рассеиваться – и вот уже все залил белый, теплый и ласковый свет, с которым можно было говорить как с другом, если бы этому не препятствовало одно неизъяснимое чувство – он и сам был этим светом! Времени и пространства уже не существовало, а свет стал внезапно твердеть и холодеть, после чего явилось ощущение невероятной враждебности, словно бы повеяло тлетворным дыханием смерти...

Невероятным усилием воли не на шутку испуганный Никита заставил себя вынырнуть из медитативного состояния. Над чашкой кофе струился легкий ароматный дымок,

незаметно смешиваясь с дымком гашиша. После того как шарик прогорел окончательно, Никита осторожно, чтобы не обжечь распухшие после вчерашнего удара губы, отпил два глотка и принялся листать бульварный журнал. Одурманенный разум с трудом поддавался контролю, мешая своему хозяину сосредоточиться даже на мелочах. Но это чувство было хорошо знакомо Никите, и он с наслаждением воспринимал все странные, искажающие реальность вольности дурмана.

Да если бы не было этих странных видений, то кто бы тогда и зачем принимал наркотики? Когда безумно устаешь от мира реалий, то так хочется поскорее купить себе билет в мир иллюзий...

Рассеянное внимание Никиты привлекла страница журнала с изображением Пушкина, также облаченного в стеганый красный халат. Статья носила весьма патетическое название: «Россия – единственная страна в мире, которая не прекращает скорбеть по своим поэтам». Заинтересовавшись, Никита взял журнал в руки и углубился в чтение. *«...Дантес был влюблен в жену Пушкина. И это очень не нравилось его усыновителю, голландскому посланнику барону Геккерену. Подлый старик был недорастом, а потому начал ревновать красавца Дантеса. Чтобы поссорить его с Натальей Гончаровой, Геккерен сплетничал напрадую и даже пустил в ход анонимные письма. Итог его интриг хорошо известен. Что касается вынужденного убийцы величайшего поэта России, то он не раз говорил, что готов кровью смыть свое невольное преступление, и даже просил Николая разжаловать его в солдаты, послать на Кавказ. Однако государь, не желая слушать никаких объяснений, приказал Дантесу немедленно покинуть Россию...»*

Когда Никита в очередной раз поднес чашку к губам, лежащая на столе трубка радиотелефона подмигнула ему зеленым глазком и заиграла «Турецкий марш».

– Алло?

– Привет, Никитос, это я!

– А, Серж... Ну и как вы с Наташкой себя после вчерашнего чувствуете?

– Я – блюю, как фонтан, а Наташка стонет и умоляет дать ей яду. Я предложил ей минет, так чуть не убила, сумасшедшая... Впрочем, все это пустяки, по сравнению с тем, что тебя наконец-то отпустили.

– Да уж... Почти трое суток в этом КПЗ парился. Старый Новый год мимо пролетел, щетиной оброс, словно какой-нибудь Малахов... А ты чего звонишь в такую рань?

– Хочу рассказать нашему новоявленному гламурному телеведущему, что потом было.

– Когда – потом? – вяло спросил Никита.

– Когда мы от тебя свалили. Короче, приезжаем домой, и Наташка первым делом включает автоответчик... Все ждет звонка от своего гребаного импресарио.

– Покороче можно?

– Можно. Дождалась-таки звонка, правда не от импресарио. В общем, мы получили приглашение принять участие в спектакле! Мало того, я буду играть Пушкина, а она – Наталью Гончарову!

– Ну и когда кастинг? – поинтересовался Никита, откинувшись на спинку стула.

– Послезавтра вечером! – торжествовал приятель.

– Ну, я за вас рад...

– Охотно верю, хотя по голосу этого не скажешь.

– Отвяжись, дурак! – Никита был слишком слаб, чтобы вступать в дружеские препирательства.

– Но и это еще не все! – напористо продолжал Сергей.

– А куда же больше?

– Помреж сказал, что спектакль пройдет только один раз, зато платят целых три штуки баксов!

– Теперь я рад за вас вдвойне!

– И вновь хотелось бы верить, да тон неубедителен... Ладно, перезвоню позднее, когда мы все оклемаемся.

Никита выключил телефон и задумчиво глянул на лежащий перед ним журнал...

С чашкой кофе в руках он направился в спальню, когда-то считавшуюся родительской. Из окон гостиной и кабинета просторной четырехкомнатной квартиры, выходящих на Английскую набережную, открывался превосходный вид на противоположный берег Невы, где торчал знаменитый шпиль Петропавловской крепости. Не раз и не два Никита думал о том, что начинать строительство города надо с какого-нибудь прекрасного сооружения, способного стать его символом – собора, арки, монумента, – но никак не с убогой казармы, увенчанной вязальной спицей!

За прошедшее после заказного убийства родителей время в квартире Никиты значительно поубавилось ценных предметов и даже мебели – наркотики нынче дорого стоят. Проходя по коридору мимо зеркала, он задержался, чтобы причесаться. Задумчиво водя массажной щеткой по своим светло-волнистым волосам, Никита не мог не выплеснуть копившееся на протяжении всего разговора раздражение:

– Это просто бред какой-то... На роль Пушкина его, видите ли, пригласили! Тоже мне Качалов...

Затем состроил рожу, вернул щетку на подзеркальник и прошел в спальню. Здесь его ожидало едва ли не самое чудесное зрелище на свете – а именно полуобнаженная брюнетка, разметавшаяся во сне по широкой постели. Руки были широко раскинуты, а изящная ножка Лизы игриво высывалась из-под одеяла, которое, словно бы само не желая скрывать таившуюся под ним красоту, уже сползло почти до самой талии. Казалось, лизни ее бархатное тело по бедру – и тут же ощутишь на губах свежий привкус клубники со взбитыми сливками.

При этом яркие губы чуть заметно шевелились, а веки под тонкими черными бровями слегка подрагивали, словно бы эта юная Афродита что-то рассматривала во сне или вела приятную беседу.

Никита хотел было прикрыть свою возлюбленную, но поленился наклоняться. Вместо этого он уселся за компьютер. Войдя в Интернет, Никита бегло просмотрел свою почту, в которой за последнее время, проведенное им в КПЗ, скопилось немало различных сообщений. Одно из них его особенно заинтересовало: *«Уважаемый господин Барский Н. К.! Имею честь предложить вам роль Жоржа Дантеса в спектакле «46 часов до дуэли» на условиях, которые мы обговорим позже. В случае интереса к данному проекту прошу вас незамедлительно связаться со мной. С уважением, Алексей Владимирович Воронцов»*.

В качестве контакта был оставлен e-mail отправителя: 46hours@mail.ru. Никита набрал на клавиатуре ответ, отправил его Воронцову, вертанулся в кресле, щелкнул пальцами и громко позвал:

– Алло, Лизуля! Хватит спать, лежебока чертова! Ты знаешь, что мне предлагают роль Дантеса?

Девушка лениво заворочалась, окончательно свалив с себя одеяло. Оставшись обнаженной, но нимало этого не смущаясь – да и грех было бы стесняться такой наготы! – Лиза села на кровати, зевнула и, с трудом разлепив заспанные глаза, взглянула на Никиту.

– Чего ты там бубнишь? – по-прежнему сонно пробормотала она.

– Вчера, ровно в полночь, на мой адрес явилось приглашение сыграть роль Дантеса. А Сержу с Наташкой оставили на автоответчике приглашение на роли Пушкина и Гончаровой. Хотя лично я им бы и роли слуг не доверил... Ну и как тебе все это?

– Если это не чья-то дурацкая шутка, то может быть весьма интересно... – Снова зевнув и лениво поправив разметанные по плечам волосы, Лиза лукаво посмотрела на Никиту и вдруг добавила: – Ну и долго ты будешь сидеть, как неродной? Мы что, сегодня обойдемся без секс-зарядки?

Никита воспринял этот вопрос как призыв и одним прыжком очутился в постели. После этого немедленно началась веселая возня, сопровождаемая смехом, нежными поглаживаниями и даже игривыми укусами...

Глава 2

Несмотря на многочисленные реставрационные работы, осуществленные в Питере за последние годы, город был по-прежнему заполнен ветхими дореволюционными зданиями, подлежащими или немедленной реставрации, или сносу. Такие дома чем-то напоминают призраки великой эпохи, получившей название «Серебряный век русской поэзии». И сколько еще простоят эти дома-привидения – никому не ведомо.

Но что об этом говорить, если даже спустя шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны некогда побежденные немцы приезжают в Северную столицу России, чтобы снимать на кино пленку разрушенный Берлин сорок пятого года! Эх, явился бы дух Петра на празднование трехсотлетия основанного им города да посмотрел бы на то, что содеяли с его «твореньем» неблагодарные потомки!

Время близилось к полуночи, когда к одному из таких домов-привидений, окруженному изрядно проржавевшим металлическим забором и, как нарочно, расположенному близ Волковского кладбища, подъехала подержанная «корейнка». За рулем, аккуратно поворачивая то вправо, то влево, сидел смуглый, черноволосый и скуластый парень. Весь его облик, а особенно разрез глаз наводил на мысль о далеком прошлом, в котором яростные азиатские победители упоенно насиловали русоволосых пленниц прямо на пороге их жилищ, залитых кровью сражавшихся до последнего мужей...

Рядом со смуглолицым потомком завоевателей, держа руку на его плече, сидела эффектная шатенка. На заднем сиденье, периодически подшучивая над своими друзьями, которыми, разумеется, были Сергей и Наталья, покуривал довольный Никита. Он был так возбужден предстоящим приключением, что даже проигнорировал просьбу девушки «выкинуть, наконец, свою чертову сигарету!». Впрочем, ароматный запах женских духов настойчиво пробивался сквозь ментоловый дым.

Едва не уткнувшись в сугроб, машина притормозила около высоких ворот. Актеры по очереди вышли наружу и осмотрелись, а Наталья пока осталась сидеть в салоне. Плохо освещенная «улица разбитых фонарей» навевала печальную тоску. Где-то далеко, неизвестно где, точно запертая в сарае свинья, почуявшая свою близкую смерть, скрипела стрела ржавого крана.

– Неужели это здесь? – выкинув сигарету в снег, первым удивился Никита.

Сергей глянул на листок бумаги, который он держал в руке, и утвердительно кивнул:

– Ну да. Воронцов сам сказал, что это находится в старом здании, которое готовится под снос.

– Чушь какая-то... А может, он шизофреник или маньяк какой-нибудь? И в подвале этого милого особняка нас уже ждут крюки для мясных туш и бензопила для их разделки?

– Не говори ерунды! Ты же видишь – возле дома уже кто-то стоит.

Действительно, сквозь щели в заборе были видны три фигуры, топтушиеся перед закрытой дверью.

– Ну и что? – спросил Никита и оптимистично добавил: – Они будут первыми в очереди на разделку, а мы – вторыми.

Тем временем Наталья вылезла из машины и подошла к молодым людям, с ходу сообщив:

– Ох, что-то не нравится мне это место!

– Да бросьте вы паниковать! – снова успокоил друзей Сергей. – Может, это перформанс какой продвинутой. Пошли!

Никита потянул за цепь, служившую ручкой, и ворота со скрипом приоткрылись. По узкой тропинке, протоптанной между высокими сугробами, опоясывавшими здание по всему периметру, друзья подошли к обшарпанному парадному, освещенному одинокой лампочкой, медленно раскачивавшейся на ветру. Возле запертой двери стояла девушка в голубой куртке и два молодых человека.

– Добрый вечер, – первым поздоровался Никита. – Это здесь спектакль готовится?

– Наверное, здесь, – кивнула девушка и тут же представилась: – Меня, кстати, Марина зовут. А это мои друзья и коллеги – Олег и Андрей.

– А мы – Никита, Сергей и Наташа.

– И вы тоже получили письма?

– Ну да, – за всех троих ответил Сергей и в свою очередь поинтересовался: – Долго вы тут стоите?

– Минут десять.

– А стучать не пробовали? – И Сергей решительно забарабанил кулаком по двери, на которой висела табличка «Камерный театр-студия Жизненная Школа Драматургии». Чуть ниже кнопкой была приколота записка «Собеседование состоится в 00.00».

Сзади послышался хруст снега, на который все дружно оглянулись. К подъезду подошла еще одна девушка, на вид – немного постарше Марины и Натальи, но гораздо менее симпатичная. В ее худом и губастом лице было что-то цыганское. Она поздоровалась и быстро познакомилась со всеми присутствующими, представившись Евгенией.

Тем временем неугомонный Сергей продолжал стучать в дверь. При этом, ввиду присутствия девушек, а также благодаря врожденной деликатности и французской спецшколе ругался он исключительно на языке Бальзака и Дюма. Наконец, когда ему все это надоело, он широко развел руками и вернулся на родной язык, громогласно заявив:

– Ну полная фигня!

В эту минуту ветер, гонявший колкие снежинки, утомился. Все произошло мгновенно, как это обычно бывает в американских фильмах ужасов, где за какой-нибудь миг разбушевавшиеся стихии делают свое разрушительное дело, не встречая никакого сопротивления, – и тут же вновь наступает затишье, обозначающее лишь одно – приближение еще одной бури, но с уже гораздо более плачевными последствиями.

Как только ветер стих, за дверью послышался лязг засовов, и она отворилась. Яркий свет ударил в глаза актерам. На пороге стоял крупный, представительный, седовласый мужчина лет пятидесяти, одетый в белоснежный костюм и красную бабочку. Окинув взглядом собравшихся, он спросил низким баритоном:

– Все в сборе? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Вот и прекрасно! Заходите.

«Вот черт! – невольно подумалось Никите. – Однако этот дядя изрядно смахивает на моего покойного отца, – вот только усов не хватает! А вдруг это представитель какой-то неизвестной мне ветви рода Барских? Иначе откуда бы он вообще узнал о моем существовании?»

Господин последним зашел внутрь, сорвав записку о собеседовании и сунув ее в карман. Заперев дверь, он повел ожидавших его молодых людей вниз по грязной лестнице. Там, где находилось небольшое полуподвальное помещение камерного театра, было ослепительно светло – горели яркие театральные прожектора, чей свет отражался от белых стен. В скромном зале всего на двадцать посадочных мест стояло четыре ряда солидных кресел, обитых красной кожей. На каждом из них белела программка с надписью «46 часов до дуэли». Напротив сцены располагался старинный письменный стол – один из тех немногочисленных столов, которые чудом уцелели во время блокады, избежав прожорливых топок. Стол был освещен старой зеленой лампой и завален бумагами, а рядом с ним стояло плетеное кресло-качалка.

– А здесь классно, – шепнула Наташа Сергею, поймав в ответ довольную улыбку жениха.

Что касается самой сцены, то на ней полукругом располагались восемь стульев, а позади каждого из них – вешалка с женским платьем или мужским костюмом эпохи Пушкина. На сиденьях семи стульев, спинки которых украшали таблички с фамилиями ПУШКИН, Н. ГОНЧАРОВА, Е. ГОНЧАРОВА, д'АНТЕС, ДАНЗАС, д'АРШИАК, ДОЛГОРУКАЯ, были аккуратно положены белые конверты и вручную сшитые листы с текстом пьесы, отпечатанные на допотопной машинке. Никита сразу обратил внимание на вешалку, стоявшую позади стула с табличкой «д'АНТЕС», на ней висел старый зеленый

мундир с красным воротником, правый рукав которого был изодран и хранил следы запекшейся крови. Что бы это значило?

На крайнем слева стуле, сгорбившись, сидел мужчина лет сорока, одетый в рясу священника, на вешалке позади него висели только длинные деревянные четки. При этом он выглядел так, словно бы не мылся и не брился как минимум неделю. Его помятое, испитое лицо, какое бывает у долго «непросыхающих» людей, совершенно отчетливо выдавало в нем определенный тип российского интеллигента. Как известно, в России бывает только два вида интеллигенции – спившаяся или спивающаяся. Данный псевдосвященник явно относился к первому типу.

– Ну-с, господа актеры, занимайте соответствующие места, – предложил господин в белом костюме, а сам тем временем устроился за письменным столом, сев сбоку и опершись на него локтем.

Поскольку раздеться он им не предложил, приглашенные актеры, как были, в куртках и дубленках, расселись по своим местам, предварительно взяв в руки конверты.

– Для начала позвольте представиться, господа актеры, – продолжал распорядитель. – Я – ваш режиссер, и зовут меня Алексей Владимирович Воронцов. О моей творческой биографии я распространяться не буду, да вряд ли она вас заинтересует. К сожалению, мы живем в очень циничное время, когда подавляющее большинство населения интересуют не собственные деятели культуры, а портреты заграничных президентов. Небольшую галерею таких портретов каждый из вас держит сейчас в руках. Разумеется, я не хочу обижать никого из присутствующих, но почему-то уверен... Впрочем, перейдем к делу. В конвертах лежит аванс, по тысяче долларов каждому. После единственного премьерного показа вы получите еще по две тысячи.

На лицах «господ актеров» появилось приятное оживление, а кое-кто даже не удержался заглянуть в конверт, чтобы проверить его содержимое. Правда, открыто пересчитывать полученную тысячу никто не посмел.

– Времени у нас совсем мало, – продолжал информировать Воронцов, – поскольку спектакль должен состояться десятого февраля, в день смерти Пушкина. Такова воля господина, заказавшего и оплатившего наше единственное представление.

– Простите, а о чем, собственно, спектакль и кто автор пьесы? – поинтересовался Никита.

– Автор пьесы – я. В ней говорится о предсмертных страданиях поэта и одолевавших его искушениях. Кроме того, особое внимание я уделю весьма скользкому положению Дантеса. Оригинальность моего сюжета состоит в том, что сначала мы видим умирающего Пушкина и проживаем вместе с ним два последних дня, после чего, в самом конце пьесы, вновь переносимся на место дуэли, где Дантес делает свой роковой выстрел. Выстрел должен произойти не около пяти вечера, как это было на самом деле, а ровно в два часа сорок пять минут пополудни, когда Пушкин скончался.

– А почему вам захотелось сделать спектакль именно про умирающего Пушкина? – захотела уточнить Наташа. – Почему не про живого и полного сил?

– Во-первых, потому, что эти предсмертные часы – едва ли не самые драматичные мгновения его недолгой жизни; во-вторых, моя пьеса показывает поэта в постоянной борьбе с его истинным предназначением, которая не прекращалась даже на смертном одре.

– Извините за нескромный вопрос, но кто спонсор? – спросила Марина, сидевшая на стуле с табличкой «Долгорукая».

На этот вопрос режиссер ответил не сразу. Сначала он пристально посмотрел на девушку, потом записал что-то в лежавшей перед ним тетради и поежился от холода.

– Моя дорогая княгиня Долгорукая! – излишне церемонно начал он. – Я был бы рад ответить на ваш вопрос, но, к сожалению, и сам не ведаю, кем был нанят.

– Меня, кстати, зовут Мариной.

– О нет, в пределах этого театра никаких настоящих имен! – строго приказал Воронцов. – Обращаемся друг к другу только по именам персонажей!

– Но почему? – воскликнули сразу трое актеров.

– По своему прошлому опыту я убедился, что это немало способствует вашему скорейшему вхождению в образы. Кроме того, для этих же целей каждая репетиция будет проходить в костюмах и с отключенными мобильными телефонами. За звонок, прозвучавший во время репетиции, будут штрафовать на сто долларов. Так что не забывайте отключать... Да, к вашему сведению, – костюмы взяты напрокат из музея, поэтому обращаться с ними нужно очень бережно! Всем понятно и все согласны?

– Требуется бережного обращения и при этом хочет, чтобы на каждую репетицию надевали музейные костюмы, – негромко изумился Сергей, но его услышали только Никита и Наталья. – Ну и фрукт!

Остальные, уже оттаявшие с мороза актеры дружно закивали. И лишь невымытый и небритый, в рясе священника, остался недвижим. Складывалось впечатление, что он находится в состоянии прострации и вообще ничего не осознает. Сидевшая рядом с ним Евгения, которой, как самой некрасивой, досталась роль жены Дантеса, тоже была неподвижна. Казалось, она пришла сюда не играть, а размышлять, точнее – думать какую-то тяжелую и неотступную думу, которая не давала ей покоя ни днем ни ночью.

– Что касается репетиций, – добавил Воронцов, – то проходить они будут поздними вечерами, поскольку днем я занят в других проектах.

– Вы еще что-то ставите? – спросил актер по имени Олег, выбранный на роль виконта д'Аршиака.

– Можно сказать и так. Хотя это проект будущего, а я никогда не любил загадывать, – несколько туманно пояснил режиссер.

– А в каком театре? – чисто по-женски полюбопытствовала Наташа.

– В том же самом, в котором вы имеете честь находиться.

– А вы не могли бы объяснить смысл его названия? – задал вопрос Андрей, которому предназначалась роль Данзаса.

– Нет, не мог бы. Во-первых, театр этот не мой, во-вторых, я никогда над этим не задумывался. Вероятно, здесь подразумевается, что в театре мы все учимся жизни. Или, наоборот, что театр учится у жизни непредсказуемости драматических поворотов судьбы. Какие еще вопросы?

– Вы еще не представили нам этого полупочтенного господина, – морща нос, заявила Марина, тыкая наманикюренным пальчиком в сторону псевдосвященника. – Не хочу знать о нем ничего настоящего, но каково его сценическое имя?

– Называйте его отец Петр и отнеситесь к нему с должным почтением.

– Почтением?

– Ну, или уважением, если хотите. Во избежание ваших поверхностных суждений сразу назову причину для уважения – в его нынешнем состоянии играть протоиерея Петра Песоцкого будет весьма непросто, – категорично заявил режиссер, поднимаясь на сцену и раздавая актерам тексты ролей. – Итак, на сегодня вечер вопросов и ответов закончен. Прошу каждого внимательно изучить текст своей роли, а завтра явиться на репетицию к десяти часам вечера. И постарайтесь без опозданий! Насчет отключения мобильных я вас уже предупредил...

Актеры начали подниматься со своих мест, но тут Воронцов вдруг провел ладонью по лбу, словно бы смахивая несуществующие капельки пота, перевел дыхание, а потом быстро заговорил снова:

– Да! Чуть не забыл самое главное. Во-первых, ни о какой фото- или видеосъемке репетиций и самого спектакля речи быть не может. Во-вторых, все билеты на премьеру давно распределены, поэтому забудьте свои просьбы о контрамарках для родных и знакомых. В этом зале всего двадцать мест, поэтому здесь соберутся только личные друзья спонсора.

– А мы, получается, нечто вроде крепостных актеров в домашнем театре какого-то богатого бармалея? – не удержался язвительный Сергей, но тут же вынужден был прикусить

язык, нарвавшись на ледяной взгляд и холодный вопрос режиссера:

– Вас что-то не устраивает, господин Пушкин?

Вовремя сообразив, что утвердительный ответ может стоить ему уже полученного аванса, Сергей отрицательно покачал головой.

– Прекрасно, в таком случае я продолжу. Итак, в-третьих, если вы собираетесь получить вторую часть гонорара, то вам категорически запрещается вступать в какие-либо отношения с нашим спонсором, который может появиться здесь еще до премьеры. Все понятно?

– Насчет спонсора понятно, – жалобно протянула Наташа, – но почему нельзя пригласить мою маму? Она еще не пропустила ни одного моего спектакля. А что, если мы принесем из дома стул и она где-нибудь посидит в уголочке?

– Это абсолютно исключено, – сухо заявил режиссер. – Никаких мам или иных родственников. Кроме того, будьте же профессиональной актрисой, а не членом школьного драмкружка! Рано или поздно вы начнете ездить на гастроли, и вашей маме поневоле придется пропускать ваши спектакли. Да что я вас, собственно, уговариваю? Вы пришли сюда работать за деньги. И если вас что-то не...

– Нет-нет, – торопливо заявила Наталья. – Я очень польщена предложенной мне ролью.

– Ну, то-то же. Итак, все свободны. До завтра.

Пятеро актеров двинулись к выходу, только «отец Петр» и Никита не последовали их примеру. Однако если «священник» по-прежнему продолжал сидеть на своем месте, то молодой актер приблизился к режиссеру и негромко заговорил:

– Знаете, Алексей Владимирович, мои друзья постоянно рассылают свои фотографии во всевозможные актерские агентства...

– Я не думаю, что их стоит за это винить, – дружески улыбнулся Воронцов.

– Да-да, разумеется, но ведь я-то этого не делаю!

– И напрасно, мой дорогой Жорж! С вашей модельной внешностью играли бы героев-любовников на сцене и наслаждались бы жизнью за ее пределами.

– За пределами жизни? – удивился Никита.

– За пределами сцены.

– А, понятно... Однако я хотел спросить о другом.

– Если смогу – охотно отвечу.

– Откуда вы или этот таинственный спонсор, уж не знаю точно, про меня узнали и почему захотели взять именно на роль Дантеса?

Режиссер внимательно посмотрел на Никиту, но тут в разговор неожиданно вмешался «священник». Выйдя из транса, он слегка качнулся вперед и скрежещущим, как у старинного патефона, голосом сообщил Никите следующее:

– Молодой человек, я играю в этом спектакле уже двенадцать лет подряд, но даже мне неизвестно – кто и каким образом нас нанимает. А вы требуете ответа у режиссера, узнавшего об этом театре неделю назад и находящегося в точно таком же положении, как и вы сами.

– Вот вам и ответ, – снова улыбнулся Воронцов, беря со стола какую-то брошюру. – Кстати, что вам известно о Дантесе, кроме того, что он ухаживал за Натальей Николаевной и убил ее мужа?

Никита пожал плечами и натянуто улыбнулся.

– Тогда возьмите эту книгу и, прежде чем приступить к работе над ролью, хорошенько изучите подробности жизни вашего персонажа. Быть может, после этого спектакля и в вашей судьбе наступят перемены, к которым нужно подготовиться заранее.

Последняя фраза, сказанная режиссером в весьма мажорной тональности, еще больше озадачила Никиту. Ему, естественно, ничего не оставалось делать, как поблагодарить, взять брошюру и броситься догонять друзей.

В мужском туалете ночного клуба сильно пахло моющими средствами и мочой. Вода в

унитазе содрогалась от низких басов громкой музыки, доносившейся с танцпола. Один из писсуаров давно треснул, и теперь из его бока постоянно сочились вода, создав на полу грязную лужу. Все стены были безжалостно разрисованы неизвестными молодыми людьми, явно возмнившими себя гениями в стиле граффити. Видимо, поэтому они всюду носили с собой баллончики с аэрозольными красками.

Никита заперся в одной из тесных кабинок вместе с худым барыгой по кличке Лука. Тот был известен в кругах местных наркоманов как человек нечестный, зато в принципе способный достать любые наркотики и в любых дозах. Сейчас он поставил ногу на унитаз, задрал штанину и достал из носка завернутую в целлофановый пакетик дозу кокаина.

– Вот, дядя... На сегодня это весь кокс, что у меня есть.

– Но ты же обещал больше! – едва сдержался Никита, жадно хватая пакет.

– Я помню, но меня самого подставили. Поверь, дядя, на слово – последнее отдаю.

– Что за гребаная жизнь...

– Короче, будешь брать или нет?

– А куда я денусь, Лука! – И Никита полез за деньгами. Расплатившись, он тут же развернул пакетик, бережно высыпал кокаин на тыльную сторону ладони и глубоко втянул его каждой ноздрей.

Затем они поочередно вышли из кабинки и так же поочередно покинули туалетное помещение. Когда Никита подошел к барной стойке, сидевшая на высоком стуле Лиза тут же повернулась к нему и непринужденно поинтересовалась:

– Все о'кей?

– У меня всегда все о'кей.

– И это говорит человек, лишь вчера вышедший из ментуры!

– Заткнись, да? – сухо попросил Никита, на что девушка, нисколько не обидевшись, тут же предложила:

– Ладно, я помолчу, а ты допивай, и давай поедем.

– Куда еще?

– Хочу затащить тебя в одно классное место.

– В какое?

– К одному пушеру. Ну к Даниилу, я про него тебе как-то рассказывала. У него сегодня день варения.

– Сегодня не могу, у меня завтра репетиция. Надо пьесу прочесть и роль поучить.

И тут Никите вспомнился один нюанс из недавней беседы с режиссером. Сначала тот сообщил собравшимся: «Автор пьесы – я сам», однако потом «отец Петр» сказал про него следующее: «... Вы требуете ответа у режиссера, узнавшего об этом театре неделю назад». Из сопоставления двух этих фраз выходила странная штука: то ли Никита чего-то не понял, то ли один из этих господ попросту лжет...

– Какая еще репетиция?

– Я же тебе рассказывал про спектакль, где мне дали одну из главных ролей. Ну, Дантеса, ты что, не помнишь?

– Да, кажется, что-то припоминаю, – наморщила лоб Лиза. – Хорошо, а когда ты теперь вообще сможешь куда-нибудь вылезти?

– Пока не знаю.

– Ты же сам хотел на тусовку с морем «кокоса» и островом группенсекса!

– Да и сейчас хочу, однако надо зубрить роль. Еще книжку какую-то про Дантеса режиссер подсунул.

– Значит, ты предлагаешь мне одной ехать к Даниилу?

Никита посмотрел в потолок, наклонился к Лизиним волосам, понюхал их и шепнул ей на ухо:

– Ну уж нет...

Глава 3

...Может быть, было преувеличением хотя бы на минуту опечалиться за судьбу народа, из недр которого вышла могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова, грациозный гений Пушкина...

П. Я. Чаадаев

Жорж Шарль Дантес, полуфранцуз-полунемец, предки которого происходили из Ирландии, родился 5 февраля 1812 года в Комор-Эльзасе в семье барона Жозефа Конрада Дантеса, владельца крупного имения, депутата французского парламента. Здесь же получил первоначальное образование, затем продолжил его в Бурбонском лицее в Париже. Как свидетельствовали современники, школяром Дантес был посредственным и уж литературой точно не интересовался, зато явно обладал какой-то врожденной способностью нравиться всем с первого взгляда. Краткое резюме жизни этого французского искателя приключений известно всем из хрестоматийного стихотворения Лермонтова. Какую информацию на самом деле содержат возмущенные строчки о смерти поэта, зубрящие это стихотворение школьники обычно не задумываются.

*И что за диво? Издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока.*

В 1829 году Дантес принят в военную школу Сен-Сир, однако вскоре ему пришлось покинуть ее, так как во время Июльской революции 1830 года находился в составе войск, защищавших Карла X.

После изгнания короля и прихода новой власти Жорж Шарль Дантес, сын французского дворянина, поставил крест на карьере, решил уехать из Франции и отправиться на поиски счастья в другую страну.

В кармане Жоржа лежало несколько рекомендательных писем, причем одно из них было от самого прусского принца Вильгельма. С деньгами дело обстояло совсем плохо. Проезжая через Германию, Дантес простудился и слег. На его счастье, в этот момент в маленький немецкий городок заехал голландский посланник Якоб (Луи) Ван Геккерен (Heskerene). Он, человек весьма богатый, познакомился с Дантесом, восхитился красотой белокурого юноши и начал за ним ухаживать. Причем, как говорили злые языки, не только как за немощным пациентом.

В результате этих ухаживаний в Россию они прибыли вместе. Вот как писала об этом газета «Санкт-Петербургские ведомости» в октябре 1833 года: «Пароход «Николай I», совершив свое путешествие в 78 часов, 8 октября прибыл в Кронштадт с 42 пассажирами, в числе которых был и королевский нидерландский посланник барон Геккерен». Разумеется, что о никому не ведомом спутнике барона ничего не сообщалось. А ведь именно этому эльзасскому дворянину, выпускнику военной школы в Сен-Сире, убежденному роялисту и неудачливому пажу герцогини Беррийской Жоржу Шарлю Дантесу, суждено было сыграть самую роковую роль в жизни Пушкина!

В Петербурге Геккерен нанимает для Дантеса учителей, и вскоре молодому барону фортуна улыбается вторично. В мастерской художника Брюллова Жоржа замечает сам император Николай Павлович, которому вначале нравится красивая фигура молодого француза, а затем и его убеждения, поскольку Дантес оставался преданным сторонником Бурбонов. На военную службу в Кавалергардский полк Дантес попадает прямо офицером по личному распоряжению монарха, несмотря на дурно выдержанный экзамен. Кроме прочего, внимая к бедности Дантеса, государь лично назначает ему от себя ежегодное негласное пособие.

Князь А. В. Трубецкой вспоминал, что «в 1834 г. император Николай собрал однажды офицеров Кавалергардского полка и, подведя к ним за руку юношу, сказал: «Вот вам товарищ. Примите его в свою семью... Этот юноша считает за большую честь для себя служить в Кавалергардском полку; он постарается заслужить вашу любовь и, я уверен, оправдает вашу дружбу».

«Гвардия ропщет», – заметил по этому поводу Пушкин, пока еще не имевший никаких причин не любить Дантеса.

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы...

Рекомендация императора обеспечила неизвестному и небогатому французу, от которого поначалу отказались даже родственники из знатного рода Мусиных-Пушкиных, весьма выгодное положение в придворном Петербурге. Его охотно принимали влиятельные вельможи.

«О том, как вел себя Дантес в петербургском обществе, есть довольно противоречивые свидетельства. Кто-то называл его «неразвитым и необразованным», кто-то – развратником, а кто-то – остроумцем и хорошим товарищем. Дескать, в полку его все любили, поскольку он неплохо фехтовал, отлично сидел в седле, владел оружием и вообще был компанейским в доску. В чем сходятся все воспоминания, так это в огромном успехе Дантеса у дам высшего света, причем, по слухам, даже у самой государыни Александры Федоровны, которой он приходился троюродным племянником! Разумеется, молодой француз, только и думавший что о блестящей карьере, к которой стремился всеми возможными способами, отличался весьма распущенным нравом. В частности, будущую супругу свою Екатерину Гончарову он как-то раз принял в неглиже...»

За окном падал легкий снег. В квартире было прохладно. Никита, сидевший по-турецки на стуле, что было не совсем удобно при его росте, закрыл иллюстрированную брошюру, имевшую несколько двусмысленное название «*Не мог щадить он нашей славы?*», и внимательно посмотрел на выцветший портрет Дантеса, помещенный на поистрепавшейся от времени обложке. Молодой усатый кавалергард в роскошном мундире высокомерно и, можно даже сказать, нагло взирал из прошлого на нашего героя. Никита надул щеки, помассировал виски, а затем подумал: «Пальнул паренек один раз – и прославился во веки веков. Круто вписался в историю, нечего сказать...»

Как видим, размышления нашего героя текли в том же русле, что и горестные раздумья несчастного поэта Рюхина из «Мастера и Маргариты». Тот, правда, обвинял в случайной и незаслуженной славе жертву Дантеса: «Вот пример настоящей удачливости... Все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Повезло, повезло! Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец, и раздробил бедро, и обеспечил бессмертие...»

Когда Никита снова взглянул на портрет Дантеса, то его взгляд вдруг показался ему не самоуверенно-наглым, а бесстрашно убежденным в своей правоте. Более того, наш актер внезапно ощутил, что Дантес уже не вызывает у него прежней резкой антипатии. Напротив, ему захотелось обелить его в собственных глазах, чтобы по-настоящему войти в образ персонажа, которого стоит если не полюбить, то хотя бы понять, чтобы сыграть без всякой фальши.

Вскоре Никита вспомнил, что давно собирался позвонить дяде Гере. Кое-как изогнувшись, он взял со стола телефон, набрал номер Германа Петровича и воодушевленно поздоровался:

– Привет, дядя Гера!

– Только не говори, что у тебя опять проблемы, – сурово предупредил псевдородственник.

– Нет-нет! Напротив! У меня все как нельзя лучше!

– Такое заявление настораживает меня еще больше, чем банальная просьба вытащить из ментовки.

– Прости, дядь Гера, но то была роковая ошибка. Сейчас совсем другая тема.

– Хотелось бы верить. Так что на этот раз?

– На этот раз меня пригласили в театр играть роль Дантеса.

– Кого?

– Ну, приколы! Ты что? Не знаешь, кто такой Дантес?

– Обнаглел, засранец? Ты меня экзаменовать вздумал?

– Да нет, вовсе нет. Просто я чертовски рад сообщить, что встал на путь исправления...

– Играя всяких негодяев? – с неожиданной для него иронией поинтересовался Герман Петрович, и на этот раз Никита не нашелся что ответить. – Ладно, а что хоть за театр?

– Малоизвестный.

– Понятно. Хорошие актеры начинают с Малого, плохие – с малоизвестного.

– Ну ладно, чего уж ты так на меня наезжаешь, – слегка приобиделся Никита. – Кстати, за один премьерный показ они готовы заплатить мне пять штук баксов.

Ради того, чтобы поразить покровителя величиной собственного успеха, он даже увеличил свой гонорар на целых две тысячи!

– Отлично!

– Еще бы! Они мне уже авансом две штуки выплатили! – продолжал хвастаться актрисе Барский.

– Ну что ж, я искренне рад за тебя. Пора уже самому начинать зарабатывать деньги. Не все же на меня надеяться.

– Дядь Гера! Со временем я все верну!

– Об этом я тебя не просил. Для меня важно, чтобы сын моего лучшего друга, земля ему пухом, не оказался на самом дне. Усек?

– Усек...

– А если будут задерживать вторую часть гонорара – сразу звони мне.

– Да я и сам разберусь. Не маленький.

– А вот этого как раз мутить не надо. Доверь это дело профессионалу.

– Заметано.

– «Заметано»! Не говори как уркаган, тебе это не к лицу. Актер все-таки. Все, отбой, сейчас мне не до тебя...

Никита повесил трубку, будучи очень доволен состоявшимся разговором. Значит, дядя Гера на него не сердится, а потому он вновь может рассчитывать на его могучее покровительство!

Герман Петрович Пономарев был крепким, осанистым пятидесятилетним мужчиной с крупным, тяжеловесным, волевым лицом, делавшим его похожим на популярного эстрадного певца не первой молодости. Это сходство еще более усиливала мужественная ямочка на подбородке. Обладателя такого подбородка и властных манер хозяина жизни трудно было представить себе впадшим в отчаяние в безвыходной ситуации.

Друзья и партнеры по бизнесу уважительно величали его Бароном, хотя в милицеских сводках он проходил как Пономарь, поскольку получил эту кличку еще в молодости, во время одной из своих первых ходок на зону.

По жизни Пономарь отличался хладнокровием и не страшился никаких угроз, что было вполне объяснимо. Во-первых, человека, еще в советские времена прошедшего мордовские колонии строгого режима, не так-то легко запугать; во-вторых, занимаясь сначала криминальным, потом полукриминальным и, наконец, вполне легальным бизнесом, он столько раз сталкивался со всевозможными наездами, что научился сохранять хладнокровие в любых обстоятельствах. Кроме того, он был слишком уверен в себе, чтобы поддаваться панике. Перефразируя слова одного ясновельможного польского пана, произнесенные в адрес собственных холопов, можно сказать, что Герман Петрович придерживался

аналогичного принципа: «врагов и конкурентов надо не бояться, а остерегаться».

Утром, выйдя из квартиры и уже собираясь запереть за собой входную дверь, Пономарь вдруг заметил какой-то странный предмет, похожий на мяч для регби или дыню, прислоненный к металлической решетке, отгораживавшей его лестничную площадку от лифта. Оставив дверь открытой, он осторожно приблизился к нему и в первый момент непроизвольно содрогнулся – это была отрубленная человеческая голова с окровавленной шеей и открытыми, остекленевшими глазами. Причем лицом напоминавшая самого Германа Петровича! Будто кто-то казнил его брата-близнеца. Впрочем, испуг и брезгливость быстро прошли, стоило ему присесть на корточки и рассмотреть голову повнимательнее. Она оказалась искусно сделанным муляжом!

– Тьфу, блин, Кукольник! – поднимаясь на ноги и словно бы обращаясь к невидимому собеседнику, громко произнес Герман Петрович. – Что за дешевые понты! Кого ты этим запугать вздумал? – И он презрительно сплюнул, попав кукольной голове на самую макушку.

Кукольник был грузино-чеченский вор в законе Шамиль Ангиллаев, который в далекой молодости закончил Бакинский театральный техникум и какое-то время работал кукловодом в Грозненском детском театре. По иронии судьбы Шамиль родился 21 декабря в грузинском селе Гори, где того же числа, правда на много лет раньше, появился на свет не менее кровавый персонаж – Иосиф Сталин. Мать Шамиля, убежденная грузинская коммунистка, хотела назвать сына в честь своего всемирно известного земляка, но ее муж – настоящий чеченец – был категорически против. И он настоял дать сыну имя Шамиль, в честь легендарного предводителя нахшбандийских мюридов времен большой Кавказской войны 1817-1864 годов. Затем спустя несколько лет в тайне от жены-грузинки отец-чеченец отвел подростка Шамиля к своему знакомому парикмахеру, который совершил традиционное мусульманское обрезание. Происходило это так: вмешательство выполнялось без анестезии, обрезанные листки крайней плоти парикмахер не стал сшивать между собой, кровотечение не остановилось, и рану посыпали древесной золой. Там же в парикмахерской был устроен импровизированный праздник в честь обрезания, который закончился всеобщей попойкой.

Единственное, в чем совпадали желания родителей, – вырастить из своего первенца настоящего лидера. Время шло, и из Шамиля действительно получился предводитель, но только не государственный деятель или партийный лидер, а простой бандит, возглавивший кавказскую группировку, собранную им из многонационального отребья.

Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, Шамиль по-прежнему был верен своему юношескому увлечению и, по слухам, любил проводить досуг за просмотром знаменитого английского сериала «Маппет-шоу».

Еще раз выругавшись, Пономарь уже занес было ногу, чтобы с силой пнуть эту мерзость, но вовремя остановился и призадумался. Врожденная осторожность и приобретенный опыт советовали никогда не делать резких телодвижений, особенно когда сталкиваешься с чем-то неожиданным. Мало ли чего можно ждать от этих зверей! Сколько российских солдат подорвались на всевозможных мини-ловушках, рассчитанных на неистребимое человеческое любопытство. Да и потом, бить ногой по копии собственной морды, пусть даже выполненной из воска, как-то нелепо и неприятно.

Вернувшись в квартиру, Герман Петрович вызвал милицию, сразу предупредив: «Возможно, здесь потребуются саперы».

Обнюхав голову, специально обученная собака показала наличие взрывчатки, после чего все жильцы элитного дома были эвакуированы и за дело взялись специалисты. Поскольку ирландского робота с водяной пушкой применять было нельзя: во-первых, он был устаревшего образца и, во-вторых, надлежало сохранить как можно больше улики и деталей данного заряда, – работа велась вручную, крайне осторожно, и затянулась надолго.

Тем временем Пономарь разъезжал по городу в сопровождении водителя и двух телохранителей, постоянно ожидая звонка. Расчет был прост – даже если Кукольник узнает

из теленовостей, что взрыв не состоялся, все равно не упустит возможности позлорадствовать и наверняка пообещает в следующий раз «сочинить» что-нибудь понадежнее, вроде элементарной автоматной очереди. Оба противника знакомы были давно и успели хорошо изучить психологию друг друга.

Долгожданный звонок раздался лишь под вечер, когда милиция и саперы уехали, а Пономарь вернулся в свою квартиру.

– Ну что, Гера, – с наигранной веселостью поинтересовался хриплый кавказский голос, – палучил мой подарка? Что ж ты нэ взял его в руки, а? Брэзгуешь, дарагой?

– Кончай этот паскудный базар, Нодик, – с ненавистью рывкнул Пономарь, – давай забьем стрелку, и дело с концом!

– Харашо, как скажэш! Гавары где?

– Завтра в полночь на заброшенной стройке газетного комплекса.

– А гдэ этот долбанный комплэкс?

– На Ленинском, 139. По карте посмотришь, – холодно усмехнулся Пономарь и мысленно добавил: «Там я тебя и похороню...»

– Наши рэбята будут там пратки играть, да? – засмеялся кавказец.

– В пейнтбол, – в тон ему отвечал Пономарь.

– Тыхого абязатэлно пришли, павидать хачу! Шустрый такой малшык...

– Будет тебе Тихий, – давая отбой, заверил Герман Петрович.

Весь этот вечер и последующий день он провел у себя дома в телефонных переговорах и встречах, напоминая полководца, готовящегося к решающему сражению...

– ...Они приехали. Тачку оставили на дороге. Это черный джип типа фургон.

– Сколько их?

– Сейчас посчитаю, пусть сначала выйдут. Так, судя по всему, пятеро. Четверо вышли, водила остался. Будьте осторожнее, у них автоматы.

– Слышь, Тихий, начнется пальба – действуй, как договорились.

– О'кей.

Человек, говоривший по мобильному телефону, прятался за деревом возле здания типографии, неподалеку от которого находился вход на территорию известного во всем Питере долгостроя редакционного корпуса – в виде бетонных блоков и кирпичных полустен. Закончив разговор, он остался стоять на месте, внимательно наблюдая за действиями подъехавших кавказцев.

Приблизившись к полусорванным с петель металлическим воротам, один из них – невысокого роста парень лет двадцати пяти, который не слишком могучим телосложением заметно отличался от соратников с крутыми плечами и бритыми затылками, обернулся к остальным и что-то негромко скомандовал.

На стройке царила полная тишина, прерываемая лишь легким скрипом снега и весьма сильным – ржавого строительного крана. По периметру корпуса всюду валялись куски бетона и арматуры, лежали штабеля плит, а из котлована, расположенного слева от заброшенного недостроя, торчали огромные железобетонные сваи.

Первые двое кавказцев сразу метнулись в разные стороны, двое других осторожно двинулись вверх по дороге. В свете полной луны им был отчетливо виден неподвижный силуэт человека, сидевшего на плитах прямо напротив ворот.

– Эй, ты! – негромко окликнул его молодой кавказец. – Чэго там сыдыш? Я тэбэ говорю!

– Подходи ближе, не бойся, – так же негромко отвечал собеседник, произнося эти слова каким-то странным, слегка приглушенным голосом.

– Мнэ тэбя бояца? – возмутился житель гор и, вскинув руку с пистолетом, дважды выстрелил.

Сидевший не шелохнулся, и тогда изумленный кавказец медленно подошел ближе, наклонился к нему и вдруг с диким воплем отшатнулся:

– Да это кукла!

Причем с головой самого Германа Петровича! В тот же момент откуда-то из-за плит раздался одиночный пистолетный выстрел. Кавказец молча рухнул на промерзшую землю, и сразу после этого в темных лабиринтах стройки началась яростная пальба. Она прерывалась короткими сдавленными вскриками и продолжалась не более пяти минут.

Едва загревели выстрелы, как человек, предупредивший о приезде кавказцев, покинул свое укрытие и не спеша направился в сторону джипа, пошатываясь из стороны в сторону и искусно изображая из себя пьяного.

Водитель джипа услышал выстрелы и явно забеспокоился. Открыв дверцу машины, кавказец нервно поглядывал по сторонам, поэтому сразу заметил пьяного, который, спотыкаясь, шел к нему, призывно размахивая сигаретой.

– Слышь, друг, – обратился он к водителю, – огонька не найдется?

– Пашол проч, собака! – злобно отвечал кавказец, но через долю секунды, заметив стремительно мелькнувший пистолет, отчаянно завопил: – Не убивай, брат!

«Пьяный» аккуратно прострелил ему левую сторону груди, после чего одним ловким движением выдернул труп из машины и сел за руль. Когда он уже отъезжал, в воротах стройки показалась странная процессия – шестеро кавказцев несли на руках седьмого, взяв его за ноги и за руки.

Заметив отъезжающий джип, они нестройно загалдели, размахивая руками, но машина, издевательски посигналив фарами, свернула направо и быстро понеслась по пустынной дороге. В пути сидевший за рулем снова достал мобильник и позвонил Пономарю, который с нетерпением ожидал результатов «стрелки».

– Что скажешь, Тихий? – первым спросил Герман Петрович.

– Шеф, там явно была засада! – на удивление спокойным тоном сообщил он. – На стройку вошли четверо зверьков, а вышли шестеро, да еще одного на руках тащили.

– Ты что – один? – тут же переспросил Пономарь. – А где остальные?

– Не знаю, но боюсь, что их положили на месте. Мы, правда, тоже двоих ухлопали, так что счет четыре-два не в нашу пользу.

– Хорошо, хоть не всухую проиграли, – мрачно усмехнулся Пономарь. – Сам сейчас где?

– Еду в трофейном джипе. Что мне с ним делать, шеф?

– Можешь оставить себе.

– Нет, спасибо, я лучше сдам его Афанасию. Охота была ездить на собственном катафалке! Звери же потом его искать будут.

– Ну, как знаешь.

Тем временем в окнах близлежащих к стройплощадке домов уже засветились огни – это разбуженные стрельбой граждане принялись названивать в местное отделение милиции. Растерянные кавказцы какое-то время топтались на месте с трупом на руках, а затем бросили его в снег и разбежались в разные стороны. И вовремя – поскольку вдали уже светил синий проблесковый маячок патрульного милицейского «форда».

Всю оставшуюся ночь милиционеры лазили по заброшенной стройке с фонарями в руках, осматривая следы скоротечного боя и находя трупы боевиков в самых живописных позах и самых неожиданных местах. Один был найден под деревом с ножевым ранением в сердце, его застывшее выражение лица говорило: «Беспредел, в натуре...», второй, сраженный меткой автоматной очередью, распластался прямо на земле в виде звезды, третий свесился простреленной головой со штабеля плит, с бычком, прилипшим к нижней губе, четвертый, и самый толстый, как сарделька на вилку был нанизан на ржавые прутья арматуры. Кроме того, прямо напротив ворот сидел привязанный к бетонному столбу и простреленный в двух местах манекен.

К четырем трупам боевиков славянского происхождения милиционеры приплюсовали два трупа кавказцев, валявшиеся снаружи стройки, после чего картина боя окончательно проявилась.

Стратегический замысел Пономаря, который решил побить противника его же оружием, посадив в качестве приманки на самое видное место манекен, используя восковую голову с копией своего лица, а своих бойцов – в засаду, потерпел решительную неудачу. Разведка Кукольника совершила глубокий обходной маневр – еще до того, как приехавшие на джипе демонстративно вошли через главные ворота, трое других кавказцев перелезли через забор на противоположной стороне стройки и, незаметно прокравшись через всю ее территорию, зашли в тыл противнику. Таким образом, организованная Пономарем засада была сражена на месте, успев произвести лишь один прицельный выстрел, которым был убит простреливший манекен кавказец.

С этого момента, разъяренный столь явным поражением, да еще тем, что его элементарно перехитрили, Герман Петрович стал готовить акцию возмездия.

Глава 4

Никита и Сергей стояли друг против друга, а поодаль, в глубине сцены, расположились их секунданты. Андрей исполнял роль Данзаса – секунданта Пушкина, а Олег представлял виконта д'Аршиака. Все четверо были в театральных костюмах. Священник пристроился в одном из кресел партера, но смотрел не на сцену, а себе под ноги. Его губы медленно и беззвучно шевелились, словно он повторял одно и то же заклинание, оберегающее от геенны огненной. Зато Наташа и Марина, в платьях XIX века, наблюдали за всем происходящим с нескрываемым интересом.

Режиссер восседал за столом в кресле-качалке, периодически смахивая с рукава своего белоснежного пиджака ворсинки и делая недовольное лицо. Когда Дантес-Никита поднял пистолет и прицелился, Воронцов громко захлопал в ладоши и раздраженно заявил:

– Стоп-стоп-стоп. Александр Сергеевич, мы репетируем уже целый час, а ты все никак не можешь понять, кто ты есть на самом деле. Ну что ты, ей-богу, так стоишь?

– Как это – так? – удивился Пушкин-Сергей.

– Да словно коммунист перед расстрелом! Ты же «солнце русской поэзии», а не опальный секретарь горкома образца тридцать седьмого года! Это только авторы революционно-демократической критики объявляли Пушкина законченным атеистом, декабристом и вольнодумцем. Их, что ли, начитался?

– Да нет, Алексей Владимирович, я давно уже ничего, кроме «Спорт-экспресса», не читаю, – окрысился Сергей, но тут же опомнился и, сменив интонацию, спросил: – Но как же мне стоять?

– Как, как... Представь, что твою любимую женщину, «чистейшей прелести чистейший образец», давно преследует ненавистный тебе тип с мелкой душонкой, но смазливой физиономией. И вот ты, будучи человеком гордым, душевно тонким и безумно ревнивым, принимаешь решение вызвать его на дуэль и ухлопать, как куропатку! В данном случае тебе не надо играть великого поэта. Играй ревность любящего мужа. Сумеешь?

– Почему же нет? – даже обиделся Сергей. – Я, может, и сам скоро, как Пушкин, женюсь на бесприданнице, которую уже сейчас безумно ревную. – И он подмигнул сидевшей в зале Наташе, которая тут же состроила гримасу маленькой девочки, обиженной на весь свет.

– Вот и прекрасно, – обрадовался режиссер, – только не идеализируй их отношения.

– В каком смысле?

– Пушкин был натурой сложной и мало кому понятной. Например, любовь к жене не помешала ему заложить у ростовщика ее бриллианты и изумруды. Кстати, сделал он это почти сразу после свадьбы, да так и не выкупил впоследствии.

– Вот так номер! – удивился не знавший этого Сергей.

– А за три дня до дуэли он взял у Шишкина две тысячи двести рублей под залог серебра, шалей и жемчугов, также принадлежавших его жене... Впрочем, хватит этих великосветских сплетен, – спохватился Воронцов и повернулся к Никите: – Так, теперь давай

разберемся с тобой... Ты-то хоть понимаешь, кто ты есть и в кого целишься?

– Конечно понимаю, – с досадой поморщился Никита, – мы с вами это уже обсуждали.

– Значит, плохо обсуждали!

– Но я же стараюсь вести себя цинично... Куда уж более!

– А стоит ли? – неожиданно задумался режиссер. – Давай-ка попробуем представить себе состояние Дантеса. В принципе он был человеком неглупым, поэтому прекрасно сознавал последствия своей дуэли с Пушкиным.

Никита уныло глянул в дуло бутафорского пистолета, опустил его вниз и буркнул:

– Ну и что? Это не помешало ему оставаться марионеткой в руках Геккерена.

– Думаешь? – мгновенно взвился Воронцов. – Да разве смогла бы такая женщина, как Наталья Николаевна, заинтересоваться марионеткой?

– А какая она была женщина? – удивился Сергей. – Принято считать, что не слишком-то умной... Именно поэтому ей и приглянулся столь же недалекий Дантес.

– Не слишком-то умной... – вслед за Сергеем повторил режиссер. Сейчас у него было такое выражение лица, словно бы он испытывал желание сказать нечто важное, выдать некую историческую тайну, известную только ему одному. Однако подобные колебания продолжались недолго. Так и не решившись сообщить ничего сокровенного, Воронцов выдал собравшимся давно известный исторический факт: – Наталья Николаевна свободно владела четырьмя языками и хорошо разбиралась не только в живописи и музыке, но также в математике. Кроме прочего, она считалась лучшей шахматисткой Петербурга! А кто из вас, современных бездельников, хорошо знает хотя бы два языка и способен внятно объяснить, что такое бином Ньютона? Вот то-то же! Ну и кто тут получается «не слишком умен»? Что касается ее интереса к Дантесу...

– Она не столько им интересовалась, сколько пыталась отомстить мужу за вечное безденежье и непрерывное блядство! – неожиданно перебил Никита. – Да ведь сам Пушкин даже не пытался ничего скрывать! Зачем в самый день свадьбы он признался новобрачной, что она – его сто тринадцатая любовь?! А если бы Наталья Николаевна в ответ сообщила, что он у нее далеко не первый, как бы Александр Сергеевич, интересно, отреагировал, а?

– Стоп-стоп-стоп, – решительно захлопал режиссер. – Мы совершенно ушли от темы. Давай лучше, мой дорогой Жорж, вспомним, что произошло сразу после кончины поэта. Да петербургская публика хотела растерзать не только семью Дантеса, но даже врачей, что лечили Пушкина! Хотя врачи, терзавшие раненого клизмами и пиявками, тут были совершенно ни при чем – в те времена еще не умели лечить таких ран на дому... Кстати Дантес, несмотря на все свои дальнейшие успехи на государственном поприще, за всю оставшуюся жизнь так и не нашел успокоения.

– Это только красивая легенда, – продолжал упорствовать Никита. – Не верю я, что он так уж раскаивался... Тем более что одной из причин дуэли было несомненное желание прославиться. И уж если не в веках, то хотя бы среди своих современников и друзей-гомосеков.

– А с чего ты взял, что Дантес был педерастом? – прищурился Воронцов.

– Прочел статью в журнале, да и вашу брошюру тоже, где написано, что однополчанин и друг Дантеса князь Трубецкой говорил о сослуживце так: «За ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккереном или Геккерен жил с ним...»

– Какая выборочная память... – двусмысленно подметила Евгения.

– Я тоже когда-то читал, – вспомнил Сергей, решив поддержать друга, – что гомосексуальные отношения с Геккереном ложились грязным пятном на репутацию Дантеса и могли испортить его успешную карьеру. Поэтому он избрал жену Пушкина предметом своих гнусных домогательств, чтобы ни у кого не было оснований сомневаться в его сексуальных предпочтениях.

– А мне кажется, что от природы он вообще был двухстволкой, – заявил Олег.

Воронцов посмотрел на него с явным недоумением, поэтому «д'Аршиак» тут же пояснил: – Я имею в виду, что Дантес мог заниматься сексом с представителями обоих полов сразу, причем с одинаковым наслаждением.

– Понятно... – усмехнулся режиссер, – значит, по-вашему, величайший поэт России пал жертвой зловещего заговора иноземных педерастов?

Актеры переглянулись, а Никита пожал плечами:

– А разве это недостойная цель для составления заговора?

– Хорошо, – медленно и с расстановкой начал Воронцов, – я не собираюсь снимать обвинения с Геккеренов, но задумайтесь сами над очень простым фактом: когда Наталья Николаевна и Дантес познакомились в 1835 году, то обоим исполнилось по двадцать три года, и при этом он был самодовольным красавцем, а она – писаной красавицей. Если бы в те времена проводили конкурсы красоты, то она, несомненно, стала бы «миссис Россия-1835». Да и француз ее стоил, поскольку своей ловкостью и авантюризмом напоминал д'Артаньяна. Разве они не могли понравиться друг другу? У Nathalie, – тут режиссер произнес ее имя с подчеркнутым французским прононсом, – имелся тридцатишестилетний муж, который, несмотря на посвященные ей стихи, превратил свою «богиню» в машину для деторождения, словно простую деревенскую бабу. Кроме того, он часто уезжал из дома и в своих поездках старался не пропускать ни одной юбки. Что касается Дантеса, то у него ситуация была еще хуже – сорокатрехлетний и весьма ревнивый любовник! Ну и как было этим юным ровесникам не полюбить друг друга? Могу даже предположить, что их взаимная любовь вспыхнула с первого взгляда.

– Взаимная? – отчего-то удивилась Наташа.

– Да-с, моя душечка, именно так оно и было.

– Должно быть, сам Пушкин знал или, по крайней мере, догадывался об этих чувствах, – предположила Марина, – иначе зачем ему было писать в «Онегине»: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна...»

– «Онегина» он написал за пять лет до прибытия Дантеса в Россию, – поправил ее Сергей.

– В таком случае, – продолжала упорствовать Марина, – он заранее предчувствовал будущее, вот и...

– При чем здесь предчувствия? – прервал ее Никита. – Молоденькая Натали тоже встряхалась во французика, словно какая-нибудь гризетка. Именно это известие об ее моральной, а не физической измене доконало Пушкина. Он схватился за пистолет, поскольку понял, что по-настоящему никогда не был любим своей женой.

– В том, что вы говорите, есть какое-то святотатство, – не сдержавшись, гневно воскликнула Наташа.

– Возможно, вы правы, однако самое главное состоит в другом! – поддержал ее режиссер.

– В чем это? – спросил Никита, явно увлекшись обсуждаемой темой.

Воронцов приблизился к Никите вплотную, взял за плечи и, внушительно заглянув в глаза, медленно произнес:

– Они оба были ведомы дьяволом! Пушкин был открыт для черта за свои грехи, поэтому тот и решил его судьбу на Черной речке. Но для этого дьяволу нужен был человек, ненавидевший гениального поэта. Им-то и оказался иностранец Дантес. Он идеально подходил на эту роль, поскольку из-за своей зависти и распутства был открыт черту не меньше своей жертвы!

– Что значит «открыт черту»? – не понял Никита. – Это какая-то аллегория?

– Нет, мой друг, никакой аллегории. А теперь что касается тебя. – И режиссер повернулся к Сергею. – Пуля Дантеса не убила Пушкина сразу потому, что на то была Божья воля. Господь дал ему еще два дня жизни, чтобы тот, будучи соблазнителем чужих жен, игроком и дуэлянтом, верующим не столько в Бога, сколько в приметы и предсказания, достойно подготовился к своему уходу на небеса!

После этого возникла пауза, во время которой Воронцов поднял голову и глубоко вздохнул, издав при этом странный звук, похожий на рычание. Затем он заговорил снова:

– Сорок шесть мучительных часов, чтобы исповедаться, причаститься и заявить, что он хочет умереть христианином и поэтому всех прощает. Причем за два этих страшных дня дьявол дважды искушал Пушкина, однако тот ему не поддался.

– Вы имеете в виду известный случай, когда врачи забыли дать поэту болеутоляющее, и он хотел застрелиться, чтобы избавить себя от боли? – спросила Наташа.

– Да, ты права. А во втором случае его друг Константин Данзас, – и Воронцов ткнул пальцем в Андрея, кивнувшего в ответ, – предложил себя в качестве мстителя. Но поэт ответил так: «Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином». Судя по дальнейшим событиям, дьявол, мечтавший увидеть Пушкина в аду, был безумно расстроен после его вознесения в рай! Сатана никак не мог успокоиться и мстил даже столетие спустя. Его верноподданные большевики закрыли храм во имя Спаса Нерукотворного Образа, где отпевали Пушкина, уничтожили иконостас и сожгли церковный архив. Мало того, в самом храме сначала устроили клуб для танцев, а в тридцать седьмом году организовали «приемный пункт» ГУЛАГа. Прямо через бывший алтарь арестованных уводили во внутренний двор на расстрел! А после войны, опять же по настоянию дьявола, там разместили институт «Гидропроект», чьи туалеты были устроены в алтаре и ризнице!

– Кажется, теперь я понимаю, что именно мне нужно выразить в момент выстрела, – сказал Никита и повернулся к Сергею.

– И что же?

– Ненависть к уродливой обезьяне, которой, по зловещей иронии судьбы, досталась в жены самая красивая женщина России! И непереносимое желание убить эту самую обезьяну, освободив свою возлюбленную от ее жадных и сладострастных объятий.

При этих словах Воронцов негодуяще посмотрел на Никиту. Однако он сразу же совладал с собой, ибо то был человек, не привыкший проявлять своего истинного отношения к актерам. Он слишком хорошо понимал, что нарушил бы этим свои планы и в дальнейшем не смог бы пользоваться среди молодых людей непререкаемым авторитетом.

– Но эта обезьяна, как ты ее называешь, вовсе не собиралась умирать без боя! – вместо режиссера возмутился за своего персонажа Сергей. – Вы забыли о том, что на счету Пушкина было свыше ста дуэлей, и даже ходили слухи, что он застрелил семерых!

– Не сто, а всего двадцать одна, – возразил Никита.

– А сколько было дуэлей на счету у Дантеса? – неожиданно спросил режиссер, однако так и не получил никакого ответа. – Ладно, – добавил он наигранно беспечным тоном, – на сегодня репетиция окончена! Все свободны.

Затем он метнул пронзительный взгляд на почти постоянно молчавшую Евгению и быстро удалился, оставив свое пальто и портфель лежащими на кресле возле стола.

– Во-первых, не сто и не двадцать одна, а всего пятнадцать дуэлей было у Пушкина, причем только четыре из них реально состоялись, поскольку остальные закончились примирением сторон, – тихо произнес «священник», когда вслед за режиссером зал покинули все актеры, и теперь уже никто не мог его слышать. – Во-вторых, единственный из участников тех дуэлей, кто пострадал, был сам Пушкин. Ведь четвертая-то дуэль была с Дантесом. И наконец, в-третьих, для нас всех вовсе не это важно, как мне кажется, молодые люди...

Что касается Дантеса, то на его руках действительно была чужая кровь. Мало кто знает об одной его дуэли еще на родине, во Франции. А ведь оказался его противник поудачливее – и величайший поэт России мог бы дожить до самой старости!

Глава 5

Париж, площадь Вогезов, 1830 год

...В тот солнечный весенний день у Дантеса не было никаких тревожных предчувствий, когда все неожиданно и грубо оборвалось. Тогда его возлюбленной была баронесса де Мерикур. Роскошная белокожая брюнетка с длинными волнистыми волосами, с узкой талией и широкими бедрами, дочь священника, в пятнадцать лет сбежавшая из дома и с тех пор ведущая жизнь авантюристки, была на три года старше своего юного любовника. Особенно Жоржа возбуждало в баронессе золотое колечко с камушком в интимном месте, заманчиво блестящее сквозь густую лужайку волос.

Вернувшись с прогулки и пообедав, они поднялись в номер гостиницы на площади Вогезов, напоминавшей своей безупречной квадратной формой внутренний двор монастыря. Баронесса прилегла отдохнуть, а Жорж сел в кресло, держа в руках книгу. Это был изданный много лет назад, в те времена, когда при французском дворе царило всеобщее увлечение таинственным Востоком, перевод знаменитого произведения классической японской литературы – «Записки у изголовья».

– Хочешь послушать, что писала одна японская придворная дама по прозвищу Сэй-Сёнагон, которая жила семь веков назад при дворе императора Итидзэ?

– О чем? – задумчиво поинтересовалась баронесса.

– О том, как любовник должен поутру уходить от своей возлюбленной и как не должен. Ты будешь меня слушать?

– Да, конечно.

– Так вот, полный сожаления, он медлит подняться с любовного ложа и, тяжело вздыхая, восклицает: «О, как бы я был счастлив, если бы утро никогда не настало!» Незаметно одеваясь, он нежно шепчет своей подруге то, что не успел сказать ночью. Наконец, тихо выскальзывая из дома, говорит преисполненным глубокой печали голосом: «О, как томительно будет тянуться день!»

А вот пример того, как он не должен себя вести. Вскрикивает как ужаленный и поднимает шумную возню, начиная одеваться. Ползает на четвереньках в поисках того, что разбросал накануне, да еще восклицает при этом: «Куда, черт возьми, это могло запропасться?» С грохотом падают вещи, пока наконец не найдено то, что он ищет. И вот тогда, облегченно вздыхая, он говорит своей даме: «Ну, я пошел!» Забавно, правда?

Баронесса не успела ответить, потому что за дверью послышались тяжелые шаги, звон оружия – так эфес сабли звякает о ствол ружья – и громкие мужские голоса. Она приподнялась на локтях, а потом резко, одним прыжком соскочила с кровати. Дантес захлопнул книгу и тоже поднялся. В тот момент, когда в дверь загрохотали каблуками сапог, он уже искал пистолеты.

– Именем его величества!

Дантес выпрямился, вопросительно взглянул на баронессу и опустил пистолет.

– Мы ни в чем не провинились, поэтому нам нечего опасаться! Наверное, они ошиблись номером...

Де Мерикур пожала плечами, и тогда Дантес, расценив это как знак согласия, направился к двери.

Стоило ему открыть, как его тут же грубо оттеснили в сторону, и комнату заполнили синие полицейские мундиры. Среди полицейских был один офицер и один штатский в высокой шляпе, напудренном парике и черном плаще.

Именно этот высокий человек, с тонкими чертами аристократа, мгновенно вызвал крайнюю неприязнь Дантеса, который заподозрил в нем одного из потомков дворян-эмигрантов, вернувшихся во Францию только после реставрации монархии.

– Вот она, эта авантюристка, по которой давно плачет гильотина! – напыщенным тоном изрек этот человек, указывая на побледневшую баронессу.

– Ваше имя? – строго спросил полицейский офицер.

– Баронесса де Мерикур.

– Именем его величества объявляю вас арестованной!

– За что?

– За хищение драгоценностей у герцогини де Монмеррай, отравление виконта де Шарни и множество других злодеяний, полный список которых вам огласят в суде!

Все это время Дантес, оттесненный в угол полицейскими, стоял молча, но теперь не выдержал.

– Позвольте, сударь! – срывающимся от волнения голосом воскликнул он, пытаясь приблизиться к офицеру. – Здесь какое-то нелепое недоразумение. Я хорошо знаю эту даму и готов за нее поручиться!

– А вы кто такой?

– Наверное, ее любовник или сообщник, – предположил штатский, с ненавистью глядя на Жоржа, – смею предположить, господин капитан, что вам следует арестовать их обоих.

– Я Жорж Шарль Дантес, дворянин, состоящий на службе у его величества!

– А у вас есть документы, подтверждающие ваши слова?

– Разумеется!

Дантес бросился к дорожному несессеру, но, пока он это делал, полицейские, повинаясь короткому кивку офицера, стали выводить из комнаты баронессу. Дантес растерянно обернулся, успел поймать ее взгляд и заторопился. Достав паспорт, он поспешно протянул его офицеру. Пока тот листал бумаги, Дантес и штатский, задержавшийся в комнате, молча обменивались злыми взглядами.

– Вам повезло, юноша, – наконец изрек офицер, возвращая ему паспорт. – Конечно, я мог бы вас арестовать, поскольку застал в обществе подозрительной особы. Однако не стану этого делать.

– Но что будет с мадемуазель?

– Предоставьте решение этого вопроса королевскому суду.

Четко, по-военному, повернувшись на каблуках, офицер вышел из комнаты. Штатский устремился было следом, но Дантес, яростно кусавший губы, изо всех сил ударил кулаком по столу.

– Минуту, сударь!

– Это вы мне? – самым презрительным тоном поинтересовался штатский, вполборота глядя на Дантеса.

– Вам, черт бы вас побрал!

– И что вам угодно?

– Мне угодно сказать, что вы – мерзавец! Доносить на женщину, кем бы она ни была, – это самый гнусный поступок, который только можно вообразить со стороны француза!

– Мой милый юноша, из того, что вы спали с этой потаскухой, вовсе не следует, что вы можете давать советы, как подобает себя вести графу де Монтиньяку! – До этого штатский говорил иронично улыбаясь, но вдруг не выдержал выбранного тона и, мгновенно вспыхнув, заорал: – Ты мне ответишь за свои слова, щенок!

– И немедленно! – охотно подтвердил Дантес, указывая на ящик, в котором лежала пара пистолетов.

– О, черт, но мы же не можем драться на постоялом дворе, словно подвыпившие извозчики!

– Что же вы предлагаете?

– Отложить нашу дуэль на завтра и провести ее за городом, по всем правилам, в присутствии секундантов.

– Ну нет! – В то время как его противник начал остывать, Дантес, напротив, заполыхал бешеным румянцем. – Вы нанесли оскорбление мне и моей даме, назвав ее «потаскухой», а теперь намереваетесь улизнуть? Мы спустимся вниз, возьмем извозчика и немедленно отправимся в близлежащую рощу. А что касается секундантов, то нам придется обойтись без этой формальности. Вы готовы следовать за мной?

– Я последую впереди вас! – гордо ответил граф де Монтиньяк и медленно шагом покинул комнату.

Дантес только на мгновение задержался, чтобы бросить мимолетный взгляд на смятую

постель, где всего несколько минут назад лежала баронесса. Его сознание, смятенное внезапностью этого чудовищного удара судьбы, отказывалось верить тому, что все кончено... Сунув ящик с пистолетами под мышку, он схватил шляпу, прикрыл за собой дверь и быстро пошел по коридору вдогонку за Монтиньяком.

Наняв извозчика, они доехали до небольшой рощи, тянувшейся вдоль берега Сены. Дождавшись, пока возница развернется и поедет обратно, противники отмерили десять шагов, после чего скинули плащи и шляпы, оставшись в одних камзолах.

– Признаться откровенно, мне жаль убивать столь красивого юношу, – пробормотал граф.

– В таком случае я жду ваших извинений! – гордо вскинув голову, заявил Дантес.

– Вам придется дожидаться их в аду, где вы вскоре окажетесь!

Они разошлись в разные стороны, и каждый встал к тому месту, возле которого лежал его плащ. Граф де Монтиньяк повернулся боком, но Дантес, дрожа от нетерпения, даже не стал этого делать.

Граф поднял руку и прицелился. Жорж еще только поднимал свой пистолет, когда раздался выстрел. Пуля пролетела так близко от его щеки, что он непроизвольно дернул головой. Теперь, когда выстрел был за ним, можно было не торопиться, но возбуждение и злость, полыхавшие в нем, помешали действовать хладнокровно. Он нажал на курок и через секунду, когда дым рассеялся, увидел, что граф, схватившись за плечо и выронив пистолет, продолжает стоять на своем месте.

– Вы ранены?

– Да, черт подери! Вы оказались удачливее...

Возбуждение, горячившее его кровь, словно бы рассеялось вместе с пороховым дымом. Дантес быстро накинул свой плащ, подобрал с земли шляпу и тут увидел, как его соперник качнулся и медленно опустился на одно колено. Он бросился к графу. Левой рукой тот зажимал рану на правом предплечье. Сквозь стиснутые пальцы быстро сочилась кровь, расплываясь на черном рукаве камзола и капая на землю.

– Вам помочь?

– Да, если вы будете так любезны. Надо дойти до дороги и остановить какую-нибудь карету...

– В таком случае обопритесь на меня здоровой рукой, а я обниму вас за талию.

И недавние враги медленно направились в сторону дороги. Граф бледнел прямо на глазах и все сильнее опирался на Дантеса. Ему удалось остановить карету, в которой ехал почтенный буржуа с сильно накрахмаленным кружевным воротником. Через час де Монтиньяк, потерявший по дороге сознание, был внесен на руках слуг в собственный дом, адрес которого он успел дать незадолго до того, как лишился чувств.

А Дантес вернулся в свою гостиницу. Эту ночь он провел без сна, перебирая вещи баронессы, которые остались в их номере, и то и дело смахивая жгучие слезы. Какой внезапный и зловещий конец у его юношеской пассии...

Через день он счел своим долгом навестить графа де Монтиньяка и узнать, в каком состоянии тот находится. Раненый чувствовал себя неплохо – пулю из предплечья уже извлекли, – но был весьма слаб из-за большой потери крови. Он встретил Дантеса очень любезно и даже сообщил ему, что, по его сведениям, мнимую баронессу поместили в городскую тюрьму.

– И поверьте, юноша, что ее арестовали совсем не по моему доносу, – добавил он. – Я согласился присутствовать при ее аресте лишь потому, что знал ее в лицо, поскольку был знаком с ограбленной ею герцогиней де Монмеррай, а несчастный виконт де Шарни вообще был моим другом.

– Что же мне делать? – растерянно пробормотал Дантес.

– Забудьте о ней как можно скорее и никому не рассказывайте о вашем знакомстве. Иначе это может лечь несмываемым пятном на вашу будущую карьеру.

И Дантес благоразумно последовал его совету, отказавшись от мысли навестить

баронессу в тюрьме. Больше он ее никогда не видел, а о том, что она была казнена по приговору суда, узнал только тридцать лет спустя...

Глава 6

Санкт-Петербург, Невский проспект, 1837 год

Ветра не было. Зловещая стая ворон кружилась над заснеженными куполами церкви Спаса на Конюшенной площади, напоминая горожанам своими криками о бренности всего живого. Голландское посольство на Невском проспекте, мимо которого проезжал унылый извозчик на санях, было освещено слабыми лучами январского солнца. У окна второго этажа стоял статный ухоженный мужчина сорока шести лет – барон Луи Борхард де Геккерен. На нем был черный велюровый костюм и шелковая рубашка с широким галстуком. Он имел вид человека благородного и манерами своими располагал к себе. Несмотря на свойственную его нации жизнерадостность, на всем его облике лежала печать глубокой грусти. Задумчивое лицо барона, обрамленное ровной бородой-норвежкой, покрывали едва заметные синие прожилки. Он застыл точно манекен, и лишь иногда его тонкие губы подергивались мимолетной ухмылкой. Выразительные глаза барона не стояли на месте.словно бы находясь под электрическим напряжением, они постоянно бегали в разных направлениях, не желая упустить ни малейшую деталь окружающего мира. Откуда-то издалека, по-видимому из соседнего дома, доносилась едва слышная мелодия. Невидимый пианист играл на рояле Сороковую симфонию Моцарта, знакомую барону с самого детства. Он закрыл глаза и попытался расслабиться, но тут в дверь постучали.

Геккерен вздрогнул, отвернулся от окна и сказал по-французски:

– Войдите.

В гостиную вошел тот самый офицер, который недавно забирал кольчугу из оружейной мастерской Федора Михайлова. Его лицо, как и прежде, до самых глаз закрывал плотный матерчатый шарф.

– Господин барон, я принес вам все, что вы просили, – заявил он с легким поклоном.

– Положите на стол, – тихо велел барон.

Поручик поставил на стол шкатулку, которую держал в руках, и отошел в сторону.

Двигаясь пружинистым шагом, Геккерен быстро приблизился и поднял крышку: внутри шкатулки лежали четыре дульных пистолета. Это были гладкоствольные, крупнокалиберные пистолеты системы Лепажа, с круглой свинцовой пулей диаметром 1,2 сантиметра и массой 17,6 грамма. Они были расположены друг против друга и смотрели дулами в разные стороны.

– Какие из них обладают меньшей убойной силой?

– Те, что слева от вас и имеют изразцы на ручках.

– Очень хорошо. Надеюсь, вы помните о своем обязательстве хранить молчание?

– Разумеется, господин барон.

– Прекрасно. В таком случае вы свободны. Когда вы мне снова понадобится, я свяжусь с вами через Жоржа.

– Всего хорошего, господин барон.

– Кстати, поручик, почему вы все время прячете свое лицо?

– Я был ранен на дуэли и теперь имею уродливый глубокий шрам на щеке, подбородке и шее.

– Ах, эти дуэли... Прощайте, поручик.

Поручик удалился, а Геккерен выложил пистолеты без изразцов, после чего достал из ящика стола конверт, поместил в него несколько купюр, вложил конверт в шкатулку и закрыл ее. Лежавшие на столе пистолеты барон убрал в тот же ящик стола и задвинул его обратно. Затем позвонил в колокольчик и, все так же по-французски, приказал явившемуся на зов слуге:

- Возьмите эту шкатулку и снесите ее в оружейный магазин Куракина.
- Слушаюсь.
- И скажите продавцу, что это предназначается господину... Впрочем, он и сам все знает.
- Будет сделано.

Слуга взял шкатулку и удалился, а Геккерен вернулся к окну, прислонился лбом к ледяному стеклу и замер. Небо совсем затянуло тучами, и город святого Петра погрузился в серый мрак. Звуков рояля больше не было слышно, зато усилившийся ветер пронзительно завывал за окном свою печальную зимнюю мелодию...

Санкт-Петербург, Сенная площадь, 2004 год

Никита, Лиза, Сергей, Наташа и приглашенная по ее инициативе Евгения отрывались на ночной дискотеке по полной программе. Особенно зажигала Лиза, явно находившаяся под воздействием какого-то наркотика. Судя по ее поведению, это был экстази. Когда диск-жокей поставил медленную композицию, четверо друзей переместились за стойку бара, где их ожидала одинокая Евгения, и заказали себе по бокалу пива. Никита с интересом разглядывал стриптизершу, вертевшуюся возле шеста в одних стрингах, а Лиза тщетно пыталась привлечь его внимание, для чего ласкалась к нему самым откровенным образом и шептала на ухо какие-то непристойности. Тем временем Сергей обнял Наташу за плечи и обратился к другу:

- Ну и как тебе сегодняшняя репетиция?
- Все нормально, – не отводя глаз от обнаженной красотки, ответил Никита, – хотя мне кажется, что режиссер несколько преувеличивает роль дьявола в жизни Пушкина.
- В этом ты прав. Пушкина убили не оккультные силы и даже не пуля Дантеса, а все его тогдашнее окружение.
- Это как? – не поняла Наташа.
- А вот так. Он погряз в долгах, его журнал не продавался, а ведь ему надо было кормить четверых детей! Да еще любимая жена благодаря козням Геккерена постоянно давала повод для ревности! Да и с царем отношения были непростые...
- Насчет царя ты не прав, – возразил Никита. – Ведь еще в ноябре тридцать шестого года именно Николай, вовремя оповещенный Жуковским, удержал поэта от дуэли с Дантесом. А когда Пушкин все-таки нарушил данное царю слово, что не будет больше стреляться, то своей дуэлью разорвал связь с помазанником Божьим.
- Что-то ты перемудрил, – улыбнулся Сергей. – Да и выражаешься, как в старинном романе. Впрочем, пусть все решают режиссер и наш таинственный заказчик. Кстати, ты знаешь, что Воронцов не очень-то хотел брать тебя на роль Дантеса?
- Это еще почему? – удивился Никита.
- Он посчитал, что ты недостаточно грешен в жизни, чтобы на сцене изобразить подлинного убийцу поэта.
- Что значит «недостаточно грешен»? Откуда ему известны мои грехи? И откуда ты обо всем этом знаешь?
- Так он сам Наташке сказал.
- Неужели это правда? – И Никита с изумлением воззрился на Наталью, которая нехотя кивнула.
- В общем, да.
- Странно. Он же меня видел всего два раза в жизни! Впрочем, посмотрим, как он заговорит после премьеры. Да я так сыграю Дантеса, что меня раз пять на бис вызовут и цветами завалят!
- Только не вздумай меня затмить! – строго предупредил Сергей. – В конце концов, главным героем должен быть не злодей, а гений!
- Но лишь при условии, что гения сыграет гений!

– Не понял... Это что за наезд?
– Ладно, не обижайся. Просто после твоего последнего выступления относительно «Пушкина-дуэлянта» мне кажется, что мнение Воронцова о тебе сильно изменилось.

– Ты думаешь?
– Уверен. Мне даже кажется, что он едва сдержался, чтобы не влечь тебе пощечину.
– Да уж, достаточно сказать правду, чтобы прослыть хамом, – с большим сожалением в голосе произнес Сергей.

– А я с тобой согласна, – вступилась за жениха Наташа, – поскольку тоже считаю Пушкина заядлым бретером, готовым стреляться из-за любого пустяка. Да вы только вспомните его повесть «Выстрел»! Я почти уверена, что Сильвио, упражнявшийся в стрельбе по мухам, был ему настолько симпатичен, что он наделил его своими чертами характера.

– О нет, любовь моя, – решительно возразил Сергей, поднимая указательный палец, – как раз в этом случае Пушкин списывал с себя беспечного графа, от которого Сильвио получил пощечину.

В этот момент стоявший неподалеку мужчина послал Наташе воздушный поцелуй. Сергей заметил это и сразу насторожился:

– Это еще кто?
– Откуда я знаю? – И девушка равнодушно пожала плечами.
– А с какой стати он шлет тебе поцелуйки?
– Вот именно! – неожиданно захихикала Лиза, первой опустошившая свой бокал. – Лучше бы прислал нам выпивку за свой счет. Хочу шампанского!

– А почему вы решили, что этот поцелуй был послан именно Наташе? – вдруг спросила Евгения, весь вечер незаметно следившая за Никитой.

Этот вопрос застал всех врасплох, и компания друзей удивленно переглянулась.

Было холодно и темно. Свинцовые тучи предвещали полосу непрерывных февральских метелей; одна за другой они заволакивали небо подобно темным знаменам надвигающихся полчищ варваров, которые сметают на своем пути все живое. Тем временем кто-то тихо проник в помещение театра, освещенное только слабым фонарем, горевшим над служебным выходом. Быстро спустившись по ступенькам вниз, этот некто остановился и прислушался, словно хотел узнать нечто важное и нужное. Из-за кулис доносился храп священника, напоминавший своим глухим и прерывистым дыханием шуму изношенного сердца. Все прожектора были выключены, единственным источником света служил маленький зеленый фонарик с надписью «Выход». В руках у незнакомца, одетого во все серое, была старинная шкатулка – та самая, которую барон Геккерен отослал со слугой в оружейный магазин Куракина. Беззвучно подойдя к стулу Дантеса, неизвестный, лицо которого было закрыто шарфом до самых глаз, прятавшихся за черным пенсне, поставил на него свою ношу, затем рукой в лайковой перчатке открыл крышку и достал кольчугу. Аккуратно повесив ее на спинку стула, незнакомец так же тихо удалился, едва не задев за ножку концом шпаги, торчавшей из-под его плаща. В оставленной им шкатулке лежали те самые четыре пистолета, которые поручик принес барону Геккерену в январе 1837 года...

Глава 7

Возле четырех могил в глубине кладбищенских аллей, под молодой заснеженной березкой собралась компания, состоявшая из дюжины хорошо тренированных молодых людей среднего возраста, одетых в короткие кожаные куртки. На некоторых, несмотря на снег и мороз, были демисезонные полуботинки.

Расставив на крошечном, только что вкопанном в землю столике три огромные бутылки водки, они держали прозрачные пластмассовые стаканчики, вопросительно поглядывая на Германа Петровича Пономарева.

– Ну что, братва, помянем наших незабвенных боевых друзей, геройски павших на поле

битвы, – наконец сказал он, поднимая свой стакан. – И поклянемся в том, что, пока хоть один из нас останется жив, он будет мстить проклятым чурбанам из бригады Кукольника.

Произнеся этот мелодраматичный тост, Пономарь первым опрокинул в рот содержимое своего стаканчика.

– Клянемся! – нестройно отвечала «братва», торопливо заглатывая водку.

Затем, не теряя темпа, тут же разлили и выпили по второй, после чего почти все присутствующие закурили и начали вполголоса переговариваться. А Герман Петрович отвел в сторону обычного с виду парня с холодными серыми глазами. Это был тот самый боевик по кличке Тихий, который самым достойным образом вышел из проигранной «стрелки» с кавказцами, уложив их водилу и завладев джипом.

– Ну что? – нетерпеливо поинтересовался Пономарь. – Подумал над моим предложением?

– Подумал, – спокойно кивнул Тихий.

– Берешься?

– Берусь.

– Ну и отлично! – И Герман Петрович похлопал его по плечу. – Как только сделаешь, сразу звони мне... Однако холодновато сегодня... – Он обернулся к братве и помахал рукой: – Ну, вы тут поминайте, только аккуратно. А я поехал домой.

И, сопровождаемый нестройным прощальным ревом, направился к машине, возле которой его ждал водитель-охранник.

Герман Петрович любил свой дом старинной постройки на Садовой улице, в котором прошло его детство, умерли родители и все было абсолютно родным и знакомым, начиная от старых лип во дворе и кончая не менее старой шахтой лифта. Для начала он за свой счет расселил соседей по коммуналке, оставшись единственным хозяином огромной квартиры, в коридоре которой можно было кататься на велосипедах. Затем сделал роскошный евроремонт, обзаведясь всеми обязательными атрибутами: огромной джакузи, тренажерным залом и домашним кинотеатром. Даже сейчас, когда во многих районах Питера быстрыми темпами росли элитные дома, Герман Петрович не собирался никуда переезжать.

Пожалуй, самым существенным недостатком любимого старинного дома был тесный лифт, рассчитанный на трех человек средней комплекции. Войдя в подъезд вместе со своим охранником, Герман Петрович наткнулся на ожидавшую лифт пару – невысокую стройную девушку с кукольным личиком и длинными пепельно-русыми волосами и толстого импозантного мужчину старше пятидесяти лет с черными плутоватыми глазами и небольшой лысиной, открывающей покатый лоб. На первый взгляд они могли сойти за отца и дочь, тем более что разница в возрасте составляла никак не меньше тридцати лет, однако противоречие между славянской внешностью юной блондинки и горбатым кавказским носом ее спутника говорило о другом. Впрочем, Герман Петрович хорошо знал эту девицу, снимавшую квартиру двумя этажами ниже.

– Знаешь, Миша, – обратился он к своему охраннику, который обычно провожал его до входной двери, – вчетвером мы в лифте все равно не поместимся, так что езжай домой. – И он посмотрел на девушку с таким выражением, что та смутилась.

Миша торопился посмотреть очередной матч Лиги чемпионов, поэтому не стал возражать. Дождавшись, пока Пономарь, девушка и ее толстый спутник кое-как разместятся в узкой кабинке лифта, он помахал шефу рукой и радостно устремился на улицу.

Во время подъема все трое молчали. Герман Петрович бросал на девушку красноречивые взгляды, ответом на которые являлось чуть заметное подрагивание ресниц ее скромно потупленных глаз. Впрочем, в его собственных глазах сквозило не столько осуждающее выражение, сколько легкая, всепонимающая зависть человека, отнюдь не утратившего способность отдавать должное девичьим прелестям, однако в силу вполне понятных обстоятельств лишенного возможности сделать это прямо сейчас.

Пономарев жил на пятом этаже, а его попутчики вышли на третьем. Стоило Герману Петровичу оказаться на своей лестничной площадке и, достав ключи, направиться к входной

двери, как он заметил темную фигуру, стоявшую у подоконника, – окно подъезда находилось прямо за шахтой лифта. Это был молодой смуглый парень, одетый во все темное. Он только нырнул рукой за отворот куртки, как Герман Петрович проворно бросился назад. Двери лифта не успели закрыться, однако Пономарев не стал искушать судьбу и поспешно побежал вниз, мысленно проклиная свою беспечность и моля Бога о том, чтобы Миша еще не уехал.

Пономарев шумно пробежал третий этаж, заставив обернуться удивленную блондинку, которая все еще возилась с дверным замком, в то время как нетерпеливый спутник уже сладострастно сопел сзади, запуская свои волосатые лапы ей под шубу. Едва Герман Петрович оказался на лестничном пролете между вторым и первым этажом, как его обогнал спускающийся лифт.

Изрядно запыхавшийся Пономарев резко остановился и уже не столь резво побежал назад, надеясь укрыться в собственной квартире.

А что, если киллер отправил назад пустой лифт, а сам будет преспокойно поджидать его у дверей квартиры?

Пономарев с ходу налетел на блаженствующего толстяка и буквально впихнул его вместе с блондинкой в ее собственную квартиру.

– Простите, господа, но мне нужно срочно позвонить! – захлопывая за собой дверь, заявил он и полез в карман пиджака за мобильным телефоном.

– Ты что хулиганишь? – возмутился было толстяк, однако блондинка что-то зашептала ему на ухо.

Тем временем Герман Петрович быстро набрал номер.

– Алло, Тихий?... Скорее, как можно скорее решай проблему с Кукольниковым, осиноый кол ему в жопу! Только что этот долбаный Карабас-Барабас прислал ко мне марионетку из своего кукольного театра... Нет, все в порядке, даже не ранен... Все, жду!...

Он спрятал телефон в правый карман пальто, с виноватой улыбкой глянул на молча слушавших его разговор толстяка и блондинку и тут же полез в левый карман, достав оттуда плоскую металлическую флягу с коньяком.

– Ваше здоровье, друзья мои!

Театральные прожектора, ярко освещавшие осеннюю аллею, ослепляли стоявших на сцене Сергея и Наташу, которые то шурились, то просто отворачивались от света. Все остальные участники спектакля расположились в зале, режиссер занял свое обычное место за старинным столом. Пушкин-Сергей сделал шаг к Наташе и сказал:

– Таша, ты не справедлива ко мне. Я чист перед тобою, и свидетельством тому любовь моя!

– Не смей меня, Пушкин. Я так устала за эти годы от твоего беспримерного цинизма. Ведь о твоих поступках говорят уже во всеуслышание!

– Я не имею никакого желания вмешивать великосветскую чернь в свои семейные дела, поэтому решительно отказываюсь от разговоров на эту тему.

– Мне тоже нет до них никакого дела, но ты... Ты являешься ко мне по утрам в пьяном виде и норовишь забраться в постель, рассказывая при этом о «чудесной ночи», проведенной в обществе вульгарных особ женского пола.

– Ты становишься невыносима. – С этими словами Сергей отвернулся от Наташи.

– Нет! Это ты делаешься невыносим! – истерично выкрикнула она. – Знаешь, когда я читала твои пародии на молитвы, написанные тобой во время южной ссылки, то надеялась, что это можно оправдать юношеским максимализмом! Но теперь понимаю, как я заблуждалась! Твоя сущность – это эгоизм и цинизм, не допускающие ничего святого!

– А ты бы хотела выйти замуж за святого? Да еще с крылышками за плечами?

– Не богохульствуй, Александр! Ты и так безмерно грешен, чтобы лишний раз гневить Всевышнего. Открыто ухаживая за Смирновой, а потом за Свистуновой, ты вынуждал меня страшно ревновать. И только поняв наконец твою истинную сущность, я сделалась равнодушна и привыкла к твоей неверности. Хотя сама всегда оставалась тебе верна...

Наташа отвернулась и подошла к березе. После небольшой паузы Пушкин-Сергей заговорил первым, сделав это проникновенно и задумчиво:

– Ташенька, ты имеешь полное право считать, что моя ветреность препятствует мне сделаться человеком глубоко нравственным. Возможно, так оно и есть на самом деле, поскольку я до сих пор не перестаю восхищаться твоим прирожденным здравым смыслом.

– И, руководствуясь этим восхищением, ты намеренна на балу рассказывать о том, что стихотворение «Мадонна» было посвящено не мне, а совсем другой женщине?

– О боже!

– Я сильно повзрослела с момента нашей первой встречи и теперь многое поняла.

– Например? – с некоторой язвительностью в голосе спросил Пушкин-Сергей.

– Ты никогда не уважал во мне настоящую женщину. Ты лишь восхищался мной, как красивой живой куклой. Всегда хвалил трагический излом моей левой брови, мою тонкую талию, мои изумительные глаза, мой покладистый характер, мою стыдливую скромность...

– Да, я все это хвалил, и буду хвалить до скончания своего века, однако совсем не понимаю, как можно сделать отсюда вывод об отсутствии уважения. Разве восхищение – это не прелюдия к уважению?

– А кто писал моей матушке, что обязанность твоей жены – подчиняться всему тому, что ты себе позволишь?

– Это все пустое! Зато я всегда боготворил тебя!

– Не смеши! Ты меня даже не пытался понять. Вспомни, как в своих первых письмах ко мне ты всячески шутил и издевался над моими попытками сочинять стихи и просил писать тебе только в прозе. Неужели ты не задумывался над тем, как могут задеть твои насмешки чувствительную душу молодой девушки?

– Да, в этом я каюсь... Тогда мне действительно не хватило деликатности. Однако все это в прошлом, а ныне меня терзает мысль, что твоей верности хватит ненадолго, после чего я стану рогоносцем. А что может быть смешнее и презреннее этой породы людей в глазах света? Как тогда жить далее?

– О боже, ты снова за свое! Когда же все это кончится? Когда же ты забудешь этих Геккеренов?

– Теперь меня заботят вовсе не они. С этими негодьями и мужеложцами я бы справился, однако есть один человек, справиться с которым мне не под силу.

– И кто же это?

– Не будь такой наивной или хотя бы не изображай из себя таковую. Нам обоим известно, что император уделяет тебе явное внимание, на которое ты отвечаешь кокетством. Неужто до сих пор ты так и не поняла, почему он произвел меня в камер-юнкера?

– Но как мне вести себя с царем, когда его величеству хочется видеть меня на балах и поиграть в легкий флирт?

Пушкин-Сергей не успел ничего ответить, поскольку в действие вмешался режиссер:

– Прекрасно! Эта сцена отработана, поэтому теперь мы начнем репетировать приход отца Петра.

– Но мне все-таки не совсем ясно, – неожиданно звонко воскликнула Наташа, перебив режиссера, – почему Пушкин, если он действительно боготворил свою жену, не увез ее в Москву, подальше от двора и всех этих Геккеренов?

– Да потому, – с нескрываемой злобой заявил Олег, – что ему, видите ли, дворянская честь не позволяла вмешиваться в жизнь другого человека, покушаясь на его свободу выбора. И это при том, что речь шла о его собственной жене! Он словно бы стоял в стороне и наблюдал за Натали – потонет или выплывет?

– А может, все гораздо проще? – вмешался в разговор Сергей. – И Пушкин всего лишь проверял жену на верность? То есть предоставил ей возможность испытать прочность обещанной под венцом любви!

– Отсюда может следовать только одно, – повернувшись к Сергею, заявила Наташа, почувствовавшая в его вопросе намек на их отношения. – Что он не любил ее

по-настоящему. Ведь любящий человек никогда не станет беспочвенно ревновать и, тем более, проверять любовь ближнего на прочность!

– А я думаю, – предположил Никита, – что он был уверен в своей жене, прекрасно понимая, что ее увлечение Дантесом было всего лишь светской забавой. Он ведь и сам был охотник до подобных забав и даже заставлял жену ревновать, рассказывая всем о них.

– Да этот ваш Пушкин, считавший себя кумиром всего света, был обычным нарциссом с завышенной планкой самолюбия! Никто не оспаривает его гениального писательского таланта, но как человек он был никакой не бретер, а просто истерик, ну а как мужик – типичный сукин сын!

Столь резкое высказывание Олега ошарашило всех присутствующих, за исключением «священника» и режиссера, которые почти одновременно ухмыльнулись. Восприняв эту ухмылку как знак согласия, Олег продолжил:

– Возможно, я слишком резок, но кто со мной поспорит в том, что Пушкину по-настоящему был интересен прежде всего сам Пушкин? А? И стреляться он пошел, защищая свои амбиции, но никак не честь жены.

– Вот здесь ты точно не прав! – решительно возразила Наташа.

– Это почему? И кого ты защищаешь? Человека, который состоял в интимной близости с родной сестрой жены?

– Что?!

– А то! Пушкин, дорогая Наташенька, трахался с Александрой Гончаровой, которая еще с молодости была девицей весьма доступной. Более того, в разговорах с друзьями он даже признавался, что ревновал не столько жену к Дантесу, сколько Александрина к офицерам. Историю надо читать!

– Так-так! На сегодня споров хватит! – отрезвил их режиссер, громко хлопнув в ладоши.

– Это уже не споры! Это самая настоящая клевета! – раскипятилась Наташа, словно бы Олег оклеветал не давно почивших персонажей, а ее собственных родственников.

– К сожалению, здесь я вынужден с вами не согласиться, – покачал головой Воронцов. – То, что заявил виконт д'Аршиак, – тут он кивнул на насупившегося Олега, – это не клевета. Александрина была последней любовью поэта, заслуживающей самого почтительного упоминания. Ее любовь к Пушкину была настолько сильна и, как бы это поточнее выразиться... действенна, что Пушкину стоило бы жениться именно на ней, а не на ветреной Натали. Ведь именно Александрина, или Азя, как ее звали в семье, не ждала от любимого человека никаких мадригалов, зато старалась всячески облегчить ему жизнь. Именно с ней, причем в самую трагическую для себя пору, Пушкин обсуждал свои тайные горести и просил совета. Именно Азя, а не Натали, сумела облегчить поэту самые бурные переживания тридцать седьмого года. При этом ведь и она страдала ничуть не меньше поэта! Короче говоря, мои дорогие, именно Александрина была той самой «мадонной», которую следовало боготворить. А где есть любовь и благоговение, там слово «секс» неуместно. Они любили друг друга и состояли в интимной связи – вот как об этом надо говорить!

– Неужели все это правда? – тихо спросила Наташа.

– Именно это и является малоизвестной правдой о человеке, чья жизнь кажется столь хрестоматийной, – наставительно заметил режиссер, поправляя свою неизменную красную бабочку. – Кроме того, если вы хотите получить ответ на вопрос: отчего Пушкин не увез семью из тогдашней столицы? – задайте себе другой и основательно над ним поразмыслите. Итак, почему в ответ на желание Пушкина, которое он постоянно изъяснял, – спокойно жить в деревне, вдали от царя, света и светских щеголей, Nathalie столь же постоянно отвечала упорным отказом?

Возникла непродолжительная пауза. Актеры недоуменно переглядывались, а режиссер, так и не получив ответа, решительно хлопнул в ладоши:

– Так-с, а теперь репетируем приход отца Петра.

– Подождите, – заторопилась Наташа, чье любопытство так и не было удовлетворено

до конца, – но я, кажется, догадываюсь, почему Наталья Николаевна так упорно хотела остаться в Петербурге. Именно ей, как никому другому, было известно, что Пушкин – прекрасный стрелок и заядлый дуэлянт, готовый драться из-за любого пустяка. Кроме того, она думала, что эта дуэль будет первой в жизни Дантеса. И хотя я не очень в этом уверена, но мне почему-то кажется, что она могла спровоцировать ссору между ним и Пушкиным, чтобы раз и навсегда избавиться от надоевшего и чересчур навязчивого ухажера.

– И тем самым сделать глубоко несчастной свою старшую сестру, которая была за ним замужем и горячо его любила, – невесело усмехнулся Воронцов. – Что-то вы слишком перемудрили, милая барышня. Короче говоря, – и тут он придал своему голосу ту суровую диктаторскую интонацию, которой злоупотребляли многие великие режиссеры, – немедленно прекращаем балаган и возвращаемся к репетиции!

Андрей и Олег, который продолжал что-то бубнить себе под нос, направились менять декорации, а Никита неожиданно тронул за плечо маргинального священника:

– А я ведь вас узнал! Вы – Эдуард Васильевич Донцов, драматический актер из Москвы.

– Ошибаетесь, – глухо буркнул тот. – Меня зовут совсем иначе, и я вообще не актер!

– А кто же вы?

– Дилетант-любитель.

С этими словами он направился к сцене, сопровождаемый недоуменным взглядом Никиты. При этом сам Никита упорно не замечал многочисленных, бросаемых на него исподтишка взоров Евгении, которая то ли пыталась с ним заигрывать, то ли преследовала какие-то иные цели...

Глава 8

Санкт-Петербург, Невский проспект, 1837 год

Всю ночь бушевала метель, поэтому к утру главный подъезд голландского посольства оказался завален снегом. За одним днем светских интриг следовал другой, и так продолжалось долгие месяцы, о которых у барона Геккерена остались самые тяжелые воспоминания. За последнюю осень и зиму он немало всего испытал, но теперь ему казалось, что все пережитое кануло куда-то в безвозвратную вечность, подобно морским волнам под полуночным черным небом: пусть они еще набегают, но все вокруг окутано мраком, и поэтому нельзя разглядеть их очертаний и проследить, где начинают вздыматься их гребни и куда они низвергаются вслед за тем.

Барон сидел в своем кабинете за письменным столом, накинув на плечи шерстяной плед, и перечитывал письмо, написанное им по-французски:

«Милостивый Государь! Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обращаюсь к виконту д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, с просьбой выяснить, точно ли письмо, на которое я отвечаю, исходит от вас. Содержание его до такой степени переходит всякие границы возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности послания. Вы, по-видимому, забыли, Милостивый Государь, что вы же сами отказались от вызова, который сделали барону Жоржу Геккерену и который был им принят. Доказательство того, что я здесь утверждаю, существует, оно написано собственноручно вашею рукою и находится в руках секундантов. Мне остается только предупредить вас, что виконт д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Жоржем Геккереном, и предупредить вас, что встреча не терпит никакой отсрочки. Я сумею позже, Милостивый Государь, научить вас уважению к званию, которым я облечен и которого никакая выходка с вашей стороны оскорбить не может. Остаюсь, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга, барон Геккерен».

Потерев озябшие руки, барон позвонил в колокольчик. Дверь открылась, и на пороге появился дворецкий.

– Пригласите ко мне Жоржа.

– Но его сейчас нет.

– Ничего страшного, я подожду. Пошлите за ним в казармы, он должен быть там.

Дворецкий поклонился и вышел, а барон встал и приблизился к зеркалу, стоявшему позади стола. Недавно он любовался элегантным Жоржем, примерявшим перед этим же зеркалом белый мундир и сияющую как золото кирасу кавалергарда. Поправив собственную прическу и галстук, барон, словно бы обращаясь к вчерашнему отражению, тихо произнес:

– Ах, Жорж, знал бы ты, как страстно я люблю тебя и как сильно ревную к этой глупышке Гончаровой!

Затем, не зная, чем себя занять, барон сел поближе к камину и взял в руки том недавно изданных в Англии воспоминаний еще живых очевидцев Великой французской революции, которую прекрасно помнили его родители...

«Началась весна, и со всех сторон понеслись слухи о голодных бунтах. Король издал несколько указов против спекуляции хлебом, но на улицы уже вышли оборванные, нищие и... пьяные толпы! Есть опасения, что толпы разбойников в лохмотьях и с дубинами вот-вот доберутся до Парижа.

Новости следуют одна ужаснее другой. Семидесятичетырехлетнего старика Фулона, генерального контролера и суперинтенданта, ненавидимого за дороговизну и большие налоги, а больше всего за жестокую фразу, брошенную им в свое время по поводу голодающих, – «Пусть народ жрет траву!» – выдали его же слуги. Разъяренные крестьяне схватили его в окрестностях Парижа, привязали на спину символическую охапку травы, надели на шею гирлянду из крапивы и колючек и в таком виде на веревке привели обратно в город. Он жалобно молил о пощаде, но его подтащили к уличному фонарю, расположенному на углу улицы Ваннери, которая выходит на знаменитую Гревскую площадь, и кое-как повесили. Первые две веревки оборвались под тяжестью тела, – а несчастный старик все продолжал молить своих палачей! – и лишь на третьей веревке казнь свершилась. Но даже после этого, чтобы сполна насытиться местью, его тело волоком таскали по улицам, а голову, набив рот травой, воздели на острие пики!

Испуганная аристократия начала повальное бегство за границу...»

Посланный слуга нашел Дантеса в казармах кавалергардского полка, однако тот выслушал просьбу приемного отца безо всякого энтузиазма. Более того, когда он подошел к лестнице, то вдруг споткнулся и едва не загремел вниз. Эта примета, печально знаменитая еще со времен Юлия Цезаря, круто изменила умонастроение Жоржа.

– Передай барону, что сегодня мне нездоровится, но я обязательно навещу его, как только смогу, – сказал он слуге, после чего надолго задумался.

Сегодняшняя примета напомнила ему другой эпизод. Примерно месяц назад он споткнулся в собственной квартире, наводя порядок накануне прихода своей тайной любовницы.

В тот день он ходил по спальне в одной ночной рубаше и периодически судорожно покашливал. Несмотря на неизменные советы врачей постоянно носить теплое белье, он этого не делал. Его лицо было помято подушкой, но это не портило молодого красавца, а лишь придавало его чертам детскую непосредственность. За последнее время Жорж сильно исхудал и побледнел, что, впрочем, в глазах петербургских дам не только его не портило, но даже придавало особый шарм. И если раньше он был таким упитанным и озорным молодым самцом, то теперь превратился в задумчивого, меланхоличного и весьма романтического героя.

Периодически потягиваясь и зевая, Дантес пытался навести здесь минимальный порядок. Однако чем больше он перекладывал вещи с места на место, тем менее убранный представляла его спальня. Отчаявшись от бесплодности своих усилий, Дантес споткнулся о

ковер и едва не упал.

– Merde! – вскричал он и тут же прикусил язык, услышав за дверью стук каблуков, шорох платья и женщину, разговаривавшую с его прислугой. Дантес судорожно огляделся по сторонам, быстро стащил с себя длинную шелковую рубаху и, чуть заметно усмехнувшись, встал перед комодом абсолютно обнаженным, опершись на него локтем и подбоченившись.

Через секунду в комнату без стука зашла привлекательная молодая особа в шляпе и коротком меховом мантио. Высокая и стройная, она остановилась в дверях, жадно рассматривая нагое мужское тело. Черные глаза ее заметно расширились, а ноздри чувственно затрепетали.

– Так торопилась, что не успела раздеться? – первым заговорил Дантес.

– Так ждал, что не успел одеться? – игриво спросила женщина по-русски, захлопывая за собой дверь.

Дантес сделал удивленное лицо, не поняв смысла вопроса, после чего его гостье пришлось продолжить разговор по-французски:

– Я по тебе очень соскучилась.

С этими словами она бросилась в объятия Дантеса, невольно поежившегося от холодного прикосновения ее запорошенного снегом мантио. Через несколько мгновений из женских глаз полились слезы.

– Я тебя так люблю, – прошептала она, страстно вздыхая.

– Тогда зачем же ты плачешь? Я тоже тебя люблю и скучаю, когда долго не вижу. Раздевайся, любовь моя...

Ни один их поцелуй до этого не был таким откровенным и возбуждающим. Для них, оглушенных собственными вздохами, вдруг наступила томительная сладострастная тишина. И весь мир оказался отгорожен от них призрачно-упругой пеленой времени, по одну сторону которой была холодная петербургская ночь, а по другую – мягкий шелест сбрасываемой одежды, соленые от слез поцелуи да странный уголок неутолимой нежности посреди целого города, заиндеветшего от мороза.

– Милая, я люблю тебя, но не знаю, как сделать так, чтобы мы не расставались...

– Я понимаю, но, может быть, все еще как-то образуется?

– Будем надеяться на это и молить Бога, чтобы он дал нам силы и не лишал надежд...

И вновь трепетание туго натянутых нервов звенит острейшим приливом сладострастия, перемежаемого полустонами-полувздохами. О, это мужское упоение – впитывать то слабые, то громкие стоны любимой женщины! О, эта горячая упругость обнаженного женского тела, открывающегося навстречу обезумевшим поцелуям! О, эти неистовые содрогания посреди мягкого портьерного полумрака, который кажется недолгим приютом двух смятенных душ в ледяном аду! Только великий Эрос способен был дать короткое и неожиданное успокоение, столь необходимое из-за тупых ударов безжалостной судьбы...

– Ты снова плачешь? – первым заговорил Дантес, когда они оба успокоились.

– Нет-нет, что ты? Тебе это показалось...

– Тогда что это за звуки?

– То стон улады...

Дантес удивленно приподнялся и лег на бок, оказавшись на самом краю кровати. Вволю полюбовавшись на красивую грудь своей возлюбленной, он слегка дотронулся мизинцем до налитого упругой спелостью соска и поинтересовался:

– Мне кажется, что они стали больше. Не так ли?

– Не знаю. Может, и так. Тебе виднее.

– Да неужели? – И он продолжил расспросы, нежно проводя ладонью по заметно увеличенному животу. – Ну и как поживает наша картошка? Сильно ли выросла?

– Как видишь, все идет своим чередом. Тем не менее я сильно волнуюсь.

– Ты опять за свое?

– А как быть? Ты и сам знаешь, что мое положение не из завидных...

– Все образуется, любовь моя. И мы обязательно узаконим наши отношения.

Наступила долгая пауза. Любовники смотрели в глаза друг друга с разным выражением: она – с любовью и преданностью, хотя в глубине ее взгляда таились тревога и надежда; что касается Дантеса, то его взгляд был привычно лукав и самоуверен. Так и не найдя в этом взгляде того, что ей так хотелось увидеть, молодая женщина решила сменить тему разговора:

– Ты знаешь, как Пушкин называет Nathalie?

Услышав этот вопрос, Дантес стал сам не свой. Ведь в его душе по-прежнему жила нестерпимая надежда обладать Nathalie, и быть может, это чувство было лучше, нежели само обладание ею. Но Жорж не хотел думать об этом, он, едва сдерживающий свои чувства, резко спросил:

– Как?

– «Моя косая мадонна»!

– Знаю, Коко, знаю... – немного помедлив, ответил Дантес и опечаленно отвел глаза.

Глава 9

Санкт-Петербург, Приморское шоссе, 2004 год

Дачу, принадлежавшую родителям Лизы, так сильно замело, что сугробы почти достигали окон. Со стороны Финского залива потягивало слабым бризом. Единственная тропинка, только что протоптанная гостями, вела к низкому обледеленному крыльцу. Не без труда открыв висячий замок и оставив привезенные с собой вещи в доме, Сергей, Наташа, Никита и Лиза прыгали как зайцы и играли в снежки. Окончательно извозившись в снегу и раскрасневшись на морозе, они зашли в дом.

Полчаса спустя им удалось разжечь высокий французский камин специально приготовленными березовыми поленьями, которые, сгорая, с треском выстреливали искрами, словно бенгальские огни. Пока Никита, присев перед огнем, поправлял кочергой головешки, Сергей разувал Наташу, отряхивая ее шерстяные носки от набившегося в сапожки снега. Деловитая Лиза уже вовсю суежилась по хозяйству, выполняя роль гостеприимной хозяйки дома и готовя романтический ужин при свечах. Для этого ей пришлось открыть высокий сервант, сделанный из черного африканского дерева, и выставить на круглый старинный стол не менее старинную посуду – еще с царскими вензелями.

Наконец все хлопоты были закончены, и настало время первого тоста.

– Давайте выпьем за этот замечательный дом, – первым предложил Серж.

– Завидуешь? – поддела его Наташа, а Никита снисходительно улыбнулся:

– Ничего, старик! Станешь знаменитым актером – и у тебя такой же будет!

– Если вам так нравится мой дом, – здраво заметила Лиза, – то почему бы нам всем не остаться здесь на ночь?

– Увы, детка, – виновато улыбнулся ее дружок, – ты забыла, что у нас что ни вечер – то репетиция.

– И даже пропустить нельзя?

– Да как пропустишь, если мы в этом спектакле главные! – поддержал друга Сергей. – Как говорится в одной старинной французской пословице, без приговоренного казнь не начнут. Нет уж, давайте лучше прикатим сюда после премьеры и останемся на целую неделю. Разумеется, если хозяйка будет не против.

– Еще как не против! – лукаво улыбаясь, подтвердила Лиза. – Попаримся в сауне, а потом голые поваляемся в снегу.

– Я – за! – согласилась Наташа и тут же смутилась от жадного и какого-то чересчур развратного взгляда Никиты, который словно бы предвкушал ее обнаженной.

Тот понял это и отвел глаза, заявив:

– Давайте не будем забегать вперед, а сначала отыграем премьеру. Знаете, что я

обнаружил в Интернете?

– Что ты там обнаружил? – наперебой спросили все трое его собеседников.

– В том типе, который будет играть священника, я узнал одного московского актера по имени Эдуард Донцов и решил кое-что проверить... Так вот, оказалось, что этот самый актер таинственно исчез двенадцать лет назад и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу!

– Ну и что? – первым спросил Сергей.

– А то! Хотя в разговоре со мной он категорически утверждал, что не знает никакого Донцова, в Интернете плавает его фотография. Это он, клянусь тенью отца Гамлета!

– Да пусть себе хранит инкогнито, – благодушно заметил приятель, – а мы лучше выпьем и потанцуем...

Пока он включал музыку, Наташа вдруг ни с того ни с сего вспомнила о Евгении.

– Вот кто меня по-настоящему интересует, – заявила она, – и девушка какая-то странная, и все время как-то загадочно молчит, словно бы знает нечто важное, но не хочет нам об этом поведать. А ведь по пьесе мы с ней сестры, поэтому уж со мной-то могла бы пооткровенничать!

– Когда начнешь репетировать с ней свою сцену, то наговоритесь вдоволь, – вяло заявил Сергей, беря невесту под руку, чтобы вывести ее в центр каминного зала.

– Кстати, а зачем ты приволокла ее с нами в ночной клуб? – спросила Лиза, положив руки на плечи Никите. – Надеюсь напоить и выведать ее тайну?

– Я ее не волокла, – возмутилась в ответ Наталья, – это она сама напросилась, узнав, что мы идем танцевать.

– Возможно, у нее просто нет парня, вот и захотела с кем-нибудь познакомиться, – равнодушно предположил Никита, обнимая Лизу за талию.

– А ты заметил, что она всю ночь не спускала с тебя глаз? – томно прищурившись, поинтересовалась она.

– Конечно заметил, – уверенно кивнул Никита, в первый раз об этом узнавший. – А знаешь, почему она так делала?

– Почему?

– Потому что я неотразим!

– Зато я страшен как черт... или Пушкин, – с улыбкой заявил Сергей, обращаясь к Наталье. – Впрочем, оно и к лучшему – тебе не придется беспокоиться о том, что меня у тебя уведут.

– А если я сама захочу от тебя избавиться? – с весьма кислой улыбкой на устах поинтересовалась она, ловя на себе как бы случайный взгляд Никиты.

– Тогда тебе придется меня тайно отравить или застрелить в спину! – уверенно заявил жених.

Эта шутка вызвала натянутые улыбки у всех присутствующих. Музыка кончилась, и Сергей направился к полке выбирать новый диск. Наташа ему помогала.

В это же время, оставшись посреди зала рядом с Никитой, Лиза плотно прижалась к нему и заговорщически шепнула на ухо:

– Я заметила, что тебе нравится Наташа.

– Ну и что? – так же шепотом спросил он. – Ведь тебе она тоже нравится?

– Очень.

– В таком случае соблазни ее первой, а я потом к вам присоединюсь. Только будь осторожна, чтобы она не разболтала обо всем Сержу. Этот полоумный ревнует ее даже к телеграфному столбу!

– Но ведь он твой друг.

– И что?

– Ты и ему готов рога наставить?

– Это тут ни при чем, – досадливо поморщился Никита. – В конце концов, я же не собираюсь уводить его невесту. Просто мне чертовски хочется узнать ее поближе... Да потом, она сама со мной флиртует – ты же видела.

В этот момент Наталья повернулись к ним обоим, и Никита лукаво ей подмигнул. Она вспыхнула и тут же отвернулась, но Лиза успела заметить, как загорелись ее глаза.

– Только не слишком увлекайся, иначе я тебе такое устрою, – снова шепнула она, больно ущипнув Никиту за руку.

Когда танцы окончательно надоели, присутствующих потянуло на интеллектуальную беседу. Вчетвером они расположились на длинном кожаном диване. Никита лег, положив голову на колени Лизы, а Сергей сел рядом с Наташей и скрестил руки на груди.

– А что такое «новая хронология»? – наморщив лоб, неожиданно заинтересовалась Лиза. – Про нее такие смешные вещи рассказывают...

– Теорию «жидомасонского заговора» знаешь? – первым делом спросил Сергей.

– Ну, в общих чертах...

– Так вот, «новая хронология» – это модифицированная версия данной теории, ее своеобразное продолжение и развитие.

– Объясни поподробнее и попроще, – попросил Никита.

– Согласно теории «жидомасонского заговора», некие «сионские мудрецы» когда-то составили грандиозный план, рассчитанный на много веков вперед, – без особого воодушевления начал рассказывать Сергей, – финальная цель которого – установление мирового сионистского господства. При этом главным препятствием на пути его осуществления якобы является великая Россия. Естественно, что эту самую великую Россию надо всеми способами принизить, а то и изничтожить. Но изничтожить не удавалось, поэтому начиная с XVIII века ее якобы всячески пытаются принизить.

– Как принизить? – спросила Наташа.

– А вот с этим борется «новая хронология». Способ самый простой – надо переписать историю в таком свете, чтобы скрыть от русского народа его истинное величие, внушив ему рабские чувства. На самом деле, – уверяют нас эти новые «хронологические мудрецы», – никакого монголо-татарского ига не было, а была великая российско-татарская империя – Татария Магна, как они вычитали на какой-то средневековой европейской карте. И не было никакого монголо-татарского ига, а Куликовская битва – это всего лишь междоусобная стычка между русскими князьями. Более того, эта империя была самой грандиозной в истории человечества, оставив свой след буквально повсюду. Достаточно сказать, что «хронологи» всерьез уверяют, будто Рим был основан русскими, да и египетские пирамиды, кажется, тоже наши предки построили.

– Но ведь им же около четырех тысяч лет! – удивилась Лиза.

– Это согласно официальной хронологии, – усмехнулся Сергей, – а на самом деле им якобы не более шестисот. Знаете, друзья мои, – с досадой добавил он, – мне довольно скучно пересказывать этот бред, тем более что я не знаю, зачем вам это нужно...

– Продолжай! – вразнобой, хотя и довольно вяло попросили собеседники, и он нехотя повиновался.

– Согласно каким-то там математико-астрономическим псевдорасчетам, основанным на солнечных затмениях, подлинная история человечества якобы короче на целую тысячу лет – то есть четыре года назад нам надо было праздновать не две, а всего лишь тысячу лет со дня рождения Христа. Вообще говоря, метод этих доморощенных «историков» до изумления прост – они находят аналогии между описаниями различных исторических персонажей и событий, после чего немедленно делают вывод об их тождестве. Например, Батый – это, если не ошибаюсь, Батя, то есть Ярослав Мудрый, ну и так далее. Честно сказать, больше всего меня поражают авторы подобной галиматии. Они математики, следовательно, должны были бы мыслить максимально строго и логично – но ничего подобного и в помине нет! Их мышление не просто нелогично, но я сказал бы – алогично и дологично. Если Тамерлан говорил, что действовал как казак, то они тут же делают вывод, что он и был казаком, а следовательно, русским.

– Интересно, что бы они сказали, если бы он сравнил себя с тигром? – улыбнулся Никита.

– Но ведь их же как-то опровергают? – заинтересовалась Наташа.

– Эх, любовь моя! – только и вздохнул Сергей, нежно погладив ее по волосам. – Опровержению поддаются лишь такие теории, которые в принципе допускают существование противоречащих им фактов. То есть настоящая научная теория всегда указывает на факты, которые могут ее опровергнуть! Здесь же для любого противоречащего факта имеется однотипное объяснение: «это – результат целенаправленного переписывания истории в угоду тогдашним идеологическим соображениям». Сказки, знаешь ли, опровергнуть в принципе невозможно – и этим они отличаются от научных концепций. Да вот вам еще один пример – эти господа всерьез уверяют, что никакой Древней Греции и Древнего Рима, какими мы их знаем, не было, и все потому, что до нас не дошли подлинники исторических источников! Более того, в те времена даже живописи якобы не было, поскольку до нас не дошли картины древнегреческих или древнеримских художников.

– Но ведь за столько лет и холсты, и папирусы просто истлеют! – изумилась Лиза.

– Разумеется, – кивнул Сергей. – Но наших «типа историков» ничто не смущает. Им вынь да положь рукопись, написанную самим Платоном или Аристотелем, да еще заверенную графологической экспертизой, а иначе они отказываются верить в существование этих философов или делают их чуть ли не современниками Ньютона. Ну что вас еще интересует?

– Насколько я понял, главная идея этой «новой хронологии»... – начал было Никита.

– Точнее сказать – «хренологии», – съязвил Сергей.

– ... состоит в том, чтобы максимально возвеличить российскую историю?

– Совершенно верно. Россия – родина слонов, Тамерлана, основателей Рима и много кого еще. И эти «хренологи» даже не задумываются над тем, что великую историю России творили эфиопы и грузины, татары и хохлы, евреи и немцы, однако правом на гордость они хотят владеть монопольно!

– Ага, – с наигранной задумчивостью пробормотал приятель. – Ну, тогда мне, кажется, ясен основной мотив данного преступления...

– Какого преступления? – удивился Сергей. – Которое совершают против здравого смысла авторы этой «хренологии»?

– Нет, я говорю об убийстве Пушкина. На самом деле это был жидомасонский заговор с целью лишить Россию ее самосознания...

– И оставить без ничего! – первой уловив иронию в нарочито серьезном тоне своего возлюбленного, воскликнула Лиза. – Ведь «Пушкин – это наше все»...

Как ни странно, ей никто не ответил: Сергей уже упоенно целовался с Наташей, а Никита смотрел на их ласки странно застывшим взглядом...

Тем вечером в театре было настолько холодно, что у актеров шел пар изо рта. В центре сцены стоял красный диван, а незамысловатая декорация из высоких полок с книгами представляла собой интерьер пушкинского кабинета. Пушкин-Сергей лежал на диване, накрытый клетчатым пледом, а подле него сидел Данзас-Андрей.

– Как жена моя и что она делает? – тихо спросил Сергей.

– Она занята с посетителями. Много добрых людей принимают в тебе участие – зала и передняя полны с утра до ночи.

– Кто именно приходил ко мне?

– Жуковский, Вельегорский, Вяземский, Тургенев... Да весь Петербург здесь.

Сергей застонал, но тут же зажал себе рот ладонью, чтобы не было слышно за дверью. Андрей покачал головой и сочувственно произнес:

– Друг ты мой любезный, не стыдись боли своей. Стони, если тебе от этого будет легче.

– Нет, не могу, – тихо, почти шепотом отвечал Сергей, – нельзя стонать; а то жена услышит. Да и смешно, чтобы этот вздор меня пересилил; не хочу...

После этой фразы режиссер направил свет своей настольной лампы в сторону сцены и громко спросил:

– Александр Сергеевич, вам больно?
– Ну да... – И Сергей растерянно приподнял голову.
– Ах, «ну да»! – раздражился Воронцов и направился к сцене. Подойдя к лежащему перед ним Сергею, он глянул на него с высоты своего роста, а потом вдруг со всей силы ударил в живот. Не ожидавший этого «Пушкин» скрючился и застонал так, что смог бы разжалобить даже настоящего Дантеса. Возмущенная Наташа хотела было вскочить со своего места, но ее удержал Никита, шепнув на ухо:

– Воронцов прав. Серж плохо и совершенно неубедительно играет умирающего Пушкина.

– Но ведь он ударил его так, что Сергей и на самом деле может умереть!

Воронцов заметил их перешептывание и громко сказал:

– Я же просил во время репетиций не комментировать события, происходящие на сцене! Наталья Николаевна, будьте любезны подойти ко мне!

Наташа поднялась и пошла на сцену, чувствуя спиной раздевающий взгляд Никиты. Сергей перестал стонать, но его физиономию по-прежнему искажала гримаса боли.

– На колени перед умирающим мужем! – властно приказал режиссер.

Наташа повиновалась, в то время как Данзас-Андрей отошел в сторону.

– Ты веришь в то, что ему больно? – продолжал свирепствовать Воронцов.

– Да, верю...

– Так почему же он нам этого не показывает, а?

Наташа недоуменно пожала плечами.

– Почему, я тебя спрашиваю?

И тут Наташа вдруг поднялась с колен и негромко, но очень отчетливо заявила:

– Да вы просто садист!

– Что? – взбеленился Воронцов.

– Вы садист, а не режиссер! – громко крикнула Наташа и взяла Сергея за руку.

– Ах, я садист... Ну а вы, господа хорошие, хреновые актеры, которым я должен объяснять самые элементарные вещи. Все, на сегодня репетиция закончена! Все вон!

И, шумно спрыгнув со сцены, Воронцов направился к своему столу. Усевшись за него, он раскрыл тетрадь и принялся что-то записывать. Растерянные и недоумевающие актеры стали переглядываться и перешептываться. Режиссер положил ручку, глянул на сцену и заорал, громко стуча кулаками по столу:

– Я же сказал – все вон! Репетиция переносится на завтра!

Все, кроме Донцова, принялись быстро собираться. Затем актеры молча направились к выходу, и тут Воронцов негромко приказал:

– Дантес, задержитесь.

Никита вернулся к столу, а Донцов медленно поплелся в глубину сцены. Наконец режиссер с Никитой остались наедине.

– Жорж, мне нужна ваша помощь.

– В чем именно?

– Чтобы это хорошенько объяснить, начну издалека. Как вы помните, прекрасная Nathalie, повинувшись желанию умирающего супруга, носила траур по нему два года. Затем она вернулась в свет и в сорок четвертом году вышла замуж за Петра Ланского. Брак их был очень счастлив и многодетен. Я вижу, вы все еще не понимаете, к чему я клоню?

– Нет, не понимаю, – покачал головой Никита.

– Мой наивный мальчик, одно из главных заблуждений всех времен и народов есть глупая недооценка женщины, существа по природе своей коварного и злопамятного. И Наталья Николаевна не была исключением из правил. Ведь именно ей удалось сотворить из милой светской мухи, озабоченной исключительно собственной персоной, буйного африканского слона, готового идти на смерть ради, прошу прощения, банальной ревности!

– Но ведь она ежегодно, – тут же возразил Никита, – проводила день смерти Пушкина в глубоком посте и молитве...

– И вы не догадываетесь почему?

– Наверное, считала себя косвенно причастной к его смерти? – не слишком уверенно предположил «Дантес».

– Косвенно?! – воскликнул Воронцов и раскатисто засмеялся. – Косвенно! – повторил он, вытирая выступившие в уголках глаз слезинки, после чего продолжил: – А ты не так прост, как кажешься, а гораздо проще...

– Не совсем понимаю...

В этот момент в дверях появилась Наташа, забывшая на стуле свой шарф, но, увидев увлеченно беседовавших режиссера и Никиту, стоявших к ней спиной, она не решилась нарушить их разговор и тихо подошла к стулу.

– А я объясню. – Воронцов дружески обнял Никиту за плечи и перешел на «ты»: – Тебе, как Дантесу, то есть человеку, безумно влюбленному в Натали, необходимо знать следующее: она никогда не была простушкой, хотя и не прочь была таковой прикинуться. Но при этом она действовала на редкость целенаправленно и последовательно. Как ты думаешь, почему Натали, постоянно кокетничая с Дантесом, жаловалась мужу на своего поклонника – и вновь продолжала кокетничать?

– Хотела раззадорить.

– Прекрасно! Выходит, что после первой несостоявшейся дуэли, предотвращенной женитьбой Дантеса на Екатерине, Наталья Николаевна вновь сближается с Дантесом и в который уже раз жалуется мужу на дерзости кавалергарда, только чтобы его раззадорить?

– Ну да...

– Великолепно! А как ты объяснишь мне следующий факт: на отчаянную просьбу барона Геккерена-старшего написать Дантесу и уговорить того отказаться от дуэли она ответила однозначным отказом? Опять хотела раззадорить мужа, не так ли?

Никита неуверенно пожал плечами, а Воронцов, повернув его перед собой и возбужденно глядя ему в глаза, продолжал свой саркастический допрос:

– А почему, наконец, в злосчастный день дуэли Наталья Николаевна, уже предупрежденная Александрinou, знавшей о письме Геккерену и даже о месте дуэли, встретив экипаж мужа на Дворцовой набережной, не только якобы не узнала его и Данзаса, но и загородила от него детей?

– Каких детей?

– Своих, естественно! Она везла их домой от княгини Мещерской, дочери Карамзина.

– Вот это номер!

– Номер что надо! Уже потом, рыдая на приеме у Николая и ссылаясь на свою близорукость, она заявила, что они просто «не разглядели друг друга»! Что скажешь?

– Даже не знаю... Запутанная история.

– И в конце, прикинувшись тяжелобольной от глубоких огорчений, наша «мадонна» просила государя письмом позволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы, так как она не могла исполнить этого сама! Гениально! Мигрень, видите ли, замучила!

– Да уж...

Здесь Наташа, стоявшая с шарфом в руках, развернулась и вышла так же тихо, как и вошла. На лице она уносила отпечаток неприятного разочарования.

– Ладно, тогда давай вернемся к тому, что ничто человеческое нам не чуждо, – продолжал Воронцов, оглянувшись на дверь через секунду после того, как за ней исчезла Наташа.

– То есть?

– Вот то и есть, мой просвещенный друг. Перейдем к дням сегодняшним и поговорим по делу. Можете ли вы приударить за нынешней Натальей Николаевной, причем сделать это так, чтобы об этом узнал ее жених?

– Зачем это? – поразился Никита.

– Необходимо, чтобы между вами и Пушкиным возникла конфликтная ситуация, которая послужит фундаментом для выстраивания нужных отношений на сцене. А для этого

он должен приревновать к вам свою невесту.

– Вы хотите, чтобы мы друг друга возненавидели?

– Больше чем возненавидели! – оживился Воронцов. – Я хочу видеть вас на сцене кровными врагами. Вспомните, что было во время настоящей дуэли. Соперники дрались насмерть, и примирение для них было невозможно! Пушкин хотел или убить соперника, или погибнуть сам... Ну что? Попробуете создать реальный конфликт?

Никита замялся.

– Понимаете, приударить за Наташей несложно, но стоит ли из-за одноразового спектакля все усложнять?

– Стоит, молодой человек, еще как стоит! И вы сами это поймете в самом ближайшем будущем. Ну так что?

– Ладно, я что-нибудь придумаю.

– И чем скорее, тем лучше. Слишком мало времени осталось до премьеры.

– Сегодня же и начну.

– Удачи вам, Жорж. И простите за ошибочное впечатление, которое поначалу создалось у меня о вас как об актере и творческой личности.

– Что вы имеете в виду? – в очередной раз удивился Никита.

– Не юлите, Дантес, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, – покачал головой Воронцов.

– Нет, не понимаю.

– Разве Наташа не передала вам мои сомнения относительно ваших сценических возможностей?

– Нет, она ничего такого не говорила! – упрямо солгал Никита, сам не зная зачем.

– Замечательно! – неожиданно улыбнулся режиссер. – Вот теперь я вижу, что вы самый настоящий Дантес, сын Геккерена. Только подобные люди умеют так нагло лгать и получать от этого удовольствие! Кстати, Пушкин передал мне ваш разговор в ночном клубе.

– Вот болван! – невольно вырвалось у Никиты.

– А вы мне нравитесь, Жорж. И чем дальше, тем больше. До завтра.

Никита пожал плечами и ушел, а Воронцов перевернул тетрадный лист и взглянул на нарисованные круги, в центре которых значились имена действующих лиц. Затем он поставил крест на предпоследнем круге с надписью «Дантес». Неперечеркнутыми остались лишь круги с фамилиями сестер Гончаровых.

Глава 10

Тем же вечером Никита, по просьбе дяди Геры, заехал к нему в гости. Оказалось, что после чудесного спасения от подосланного киллера Герман Петрович пил уже третьи сутки. Поэтому разговор состоялся весьма бурный, но и весьма бестолковый. Да и как могло быть иначе, если полупьяный Пономарев вздумал поучать молодежь в лице злополучного Никиты.

А все началось с того, что он увидел у него одну из тех брошюрок, которые представители так называемых «патриотических сил» иногда раздают прохожим возле станций метро. Никита никогда не увлекался политикой и взял ее исключительно машинально, чтобы пролистать по дороге.

– Нет, Никитушка, – решительно заявил Герман Петрович, наставительно воздев перст к небу, – если такая молодежь, как ты, всерьез интересуется политикой, то это лишь потому, что вам девки не дают.

– Да я вообще-то на это не жалуюсь, да и политика мне по барабану, – вяло оправдывался Никита, но дядя Гера в своем обличительном пафосе был неуправим.

– Врешь! Ты, жалкий наркоман и убогий актеришка, только и можешь, что талдычить «Спасай Россию!», «Хвала России», «Великая Россия»... Вон, даже костюм себе не в состоянии приличный купить. – И он с презрением оглядел потертые джинсы собеседника. –

Где уж тебе за породистыми девками ухаживать, а ведь они красивые подарки любят!

– Так потому и не могу себя обеспечить, что кругом одни жида, которые нарочно держат русских людей в нищете! – шутливо заявил Никита, почти дословно процитировав один из самых запоминающихся пассажей вышеупомянутой брошюры.

– И это ты врешь! – не поняв или не приняв его иронии, гневно загремел Пономарев, после чего поднял бокал виски и опрокинул его в рот. – Никаких жидов не хватит, чтобы заниматься такими придурками, как ты, и мешать им жить.

– А для этого много жидов и не надо! Достаточно тех, что в правительстве и финансовой элите! – Никита и сам не знал, зачем вздумал провоцировать дядю Геру. Возможно, ему просто хотелось в кои-то веки поиздеваться над тем человеком, на которого привык смотреть снизу вверх и который теперь находился в полуневменяемом состоянии.

– При чем здесь они? – продолжал распаляться Пономарев. – Ну какое отношение они имеют к твоим неудачам с бабами?

– Да почему же неудачам? – начал злиться Никита. – У меня есть Лизуля, ты что, забыл?

– Видел я твою Лизулю, – небрежно отмахнулся дядя Гера. – Ты же сам ее однажды ко мне приводил. Дешевка еще та! Любой, кто поприличнее тебя зарабатывает, сможет перекупить ее со всеми потрохами.

– Нет, не сможет!

– А, брось... Тоже небось из ваших, сочувствующих... Вместе небось на патриотические шабаши ходите?

На это Никита не смог ничего возразить, поскольку однажды действительно они с Лизой исключительно от нечего делать посетили съезд какой-то патриотической организации, куда их пригласил случайный знакомый. Кстати сказать, там было весьма забавно. Особенно доклад вождя местной партиячейки.

«По причинам, которые хорошо известны всем собравшимся здесь настоящим русским патриотам, – громогласно заявил он, обводя аудиторию многозначительным взглядом, – в государственном водопроводе скоро может не оказаться воды...» – после чего надолго замер, блаженствуя в океане бурных оваций и гомерического хохота.

Съезд «настоящих патриотов» происходил в одном из Домов культуры на окраине города, любезно предоставленном по личному распоряжению префекта данного округа. Разумеется, вождь патриотов не мог не поблагодарить чиновника за столь очевидную любезность, хотя и сделал это в довольно витиеватой манере: «Правительство Питера задумало лишить всех бродяг аккредитации. Давайте поможем ему в этом благородном начинании и дружно, общими усилиями очистим Питер от говорящего мусора!»

Поскольку это уже был призыв ко вполне конкретным действиям, собравшиеся «ассенизаторы» заплодировали еще энергичнее.

«Кстати, – самодовольно усмехнулся докладчик, энергичным поднятием руки поблагодарив зал, – по этому поводу хочу рассказать вам анекдотический случай из жизни. Один приезжий нелегал долго размышлял, какую водку ему купить – дешевую или дорогую. Наконец он выбрал дорогую, вышел из магазина, увидел милицейский патруль и пожалел, что не взял дешевую!»

Поскольку милиция пользовалась ничуть не большей любовью аудитории, чем нелегалы, данный анекдотец имел большой успех. После предварительного решения вопроса о «говорящем мусоре» докладчик перешел к не менее актуальным проблемам «национального достояния» и «духовности».

По поводу первого, само собой разумеется, было сказано о необходимости прекратить его «разбазаривание», хотя сам докладчик в свое время сделал себе состояние на вывозе за рубеж мазута и лома цветных металлов. По поводу второго конечно же не обошлось без истерично-патетичного воззвания «Возродим!» – хотя иного способа возрождения пресловутой «духовности», кроме пожертвований на нужды церкви и «новых русских» попов, никто из собравшихся в зале себе даже не представлял. Забавно, что, хотя все они

считали себя «истинно православными», ни один не смог до конца осилить Библию. Впрочем, это тяжело даже для людей «истинно интеллигентных», которых не слишком интересуют подробнейшие инструкции по созданию ковчега, светильников, умывальников или жертвенников, коими изобилует Ветхий Завет.

Сам докладчик очень любил щеголять фразами из Священного Писания, тщательно подобранными для него старым партийным референтом, при советской власти работавшим в ЦК КПСС, где он обильно оснащал цитатами из классиков марксизма-ленинизма многочасовые доклады генеральных секретарей. Вот и свой доклад вождь патриотов закончил на поистине драматичной ноте: «К Богу следит око мое... С Тобою избодаем рогами врагов наших, во имя Твое попрем ногами восставших на нас!»

После чего началась финальная овация, во время которой все присутствующие в едином порыве вскочили на ноги, вскинули руки и заорали «Слава России!». Судя по искаженным телячьим восторгом лицам «патриотов», они уже готовы были в любой момент «избодать рогами» коварных «врагов России», собирающихся оставить без воды ее Северную столицу.

Никита и Лиза давно так не веселились, поэтому чуть было не вступили в эту партию...

– Вот то-то и оно, что ходите! – почувствовав, что угодил в точку, восторжествовал Пономарь. – А все почему? Да потому, что там собираются такие же закомплексованные ничтожества, как ты сам, и только среди себе подобных ты и чувствуешь себя свободно. Нажретесь той же водяры и будете орать под руководством какого-нибудь доморощенного фюрера: «Слава России! Слава России!» Орать, братец ты мой, просто, а вот обольстить «мисс Россия» тебе будет слабо!

– А ты сам разве не любишь Россию? – выпив за компанию и поморщившись, спросил Никита.

– Ну, завел старую пластинку. – И Пономарев снова взялся за бутылку. – Допустим, не люблю – что дальше?

– Значит, Запад тебе дороже?

– Нет.

– То есть как? Что-то я тебя не пойму...

– Пушкина не читал, – усмехнулся Герман Петрович, – да и зачем тебе читать, если роль Дантеса играешь. Кроме того, Александр Сергеевич ведь тоже из инородцев! А ведь он что говорил: «Я презираю свое отечество с головы до ног, но мне досадно, когда подобные чувства разделяет иностранец». Вот и я так же – никого не люблю. Русских – за их вороватость, рабство, бестолковость, а западных – за ханжество, занудство, организованность. Возможно, мы никогда не будем жить так хорошо, как они, зато у нас никогда не будет скучно – всегда что-нибудь отчебучим, на удивление всему миру. Я в свое время поездил по свету, так что имею возможность сравнивать. А вот ты, вместо того чтобы хаять Запад с чужих слов, скопил бы денег да пожил бы в Европе или Штатах.

– Я никуда не хочу уезжать, мне и здесь хорошо, – отмахнулся Никита.

– Да тебе везде будет плохо, – презрительно заявил Пономарев, глядя в упор на своего молодого собеседника, – и все потому, что ты на хрен никому не нужен!

– А спорим, что нужен!

– Ты же знаешь, что я никогда не спорю, поскольку в этом неблагодарном деле принимают участие только двое: один глупец, другой – подлец. Угадай с первого раза, кем в споре будешь ты.

– Оскорбляешь, дядя Гера!

– Да брось, не кипятись, лучше послушайся дельного совета... Брось ты эту дешевку Лизулю да соблазни-ка эффектную телочку с длинными волосами, пышным загорелым бюстом и упругой попкой, у которой даже в жару такая прохладная шелковистая кожа, что на ней можно спать, как на подушке. И вот тогда даже я тебе позавидую и честно признаюсь, что явно тебя недооценивал. И вообще, лучшее, что есть в России, – это ее красивые бабы!

Вскоре Никите окончательно надоело поддерживать этот бессмысленный спор, и он улизнул от дяди Геры под первым попавшимся предложением. Однако его обидные слова о «дешевке Лизуле» почему-то прочно запали ему в душу. А действительно, не слишком ли много времени он ей уделяет?

Скромная «корейка» Сергея двигалась по заснеженным улицам города со скоростью, не превышающей сорока километров в час. Наташа сидела справа от своего жениха, который внимательно следил за дорогой. Выражение его лица было напряженным и недовольным. Улучив подходящий момент, девушка коснулась колена Сергея и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – небрежно ответил он.

– Живот не болит?

– Почти нет.

– Странный этот Воронцов... Мне все больше и больше кажется, что он не просто женоненавистник, а человек, испытывающий глубокую неприязнь именно к Наталье Гончаровой. Будто она его личный враг.

– Ненавидит «жену», а хреначит «мужа». Оригинально!

– Я не об этом.

– Да все здесь просто, – принялся объяснять Сергей, уже не ясно кого проклиная, то ли режиссера, то ли жену Пушкина. – Он банальный пушкинист, относящийся к тем, которые считают, что гибель поэта началась с момента его брака с этой юной пустышкой. Союз с ней уже через шесть лет полностью разорил его и привел к насильственной смерти.

– Да подожди ты. Мне неясно, зачем он подтасовывает не известные никому факты.

– Например?

– Сегодня после репетиции я случайно услышала их разговор с Никитой, и он сказал, что в день дуэли Наталья закрыла в карете собой детей, чтобы они не узнали отца?

– Ну и?...

– Мне его вариант представляется сомнительным во всех отношениях, поскольку Наталья разминувшись с мужем, возвращаясь рано утром с бала. Какие там могли быть дети в карете?

– Голубушка, не знаю, откуда ты взяла про раннее утро и бал, а Воронцов про детей, но как раз всем известно, что встреча произошла около четырех часов дня. Пушкин выпил стакан лимонада, поджидая своего секунданта Данзаса за столиком у окна в кондитерской Вольфа и Беранже, расположенной на Невском проспекте. Затем Данзас с пистолетами заехал за Пушкиным, и на санях они отправились к месту дуэли. И вот на Дворцовой набережной они и проехали мимо экипажа Натали.

– Опять ты меня не понял. Мне неинтересны подробности той проклятой среды. Я хочу разобраться в целях Воронцова.

– Да и хрен с ним! – неожиданно рявкнул Сергей, изменив тон. – Когда отыграем спектакль, я ему еще покажу, какой я плохой актер.

– Как это понимать?

– Врежу так, что он сам попросится на роль умирающего Пушкина!

– Может, не стоит?

– А может, ты не будешь вмешиваться в мужские проблемы? – зло поинтересовался Сергей, искоса взглянув на нее.

Наташа ничего не ответила. Отвернувшись, она стала смотреть в замерзшее окно, и так продолжалось до тех пор, пока у нее в сумочке не зазвонил мобильник.

– Алло? А, привет, Никитосик... Да все нормально... Ну да, сидит рядом и злится на режиссера... Хорошо... – Наташа засмеялась. – Хорошо, я ему передам... Ну все. Пока.

– Странно, – сухо заметил Сергей, пока она убирала телефон. – Очень даже странно...

– Что именно?

– Почему это он звонит тебе, чтобы поинтересоваться моим самочувствием? И откуда

ему известен твой новый номер? Это ты сама ему дала?

– Ничего я ему не давала!

– Не давала, так еще дашь!

Сергей произнес эту фразу со столь циничным намеком, что Наташа сразу вспыхнула:

– Ах, вот ты какого обо мне мнения!

– А что, может, скажешь, что ошибаюсь?

– Останови машину!

– Да пожалуйста, – и он свернул к тротуару, – если тебе что-то не нравится, проваливай!

Едва дождавшись, чтобы он затормозил, Наташа выскочила из салона и действительно тут же провалилась в ближайший сугроб. Какой-то парень в огромной волчьей шапке подскочил к ней и помог выбраться. А Сергей следил за ними через ветровое стекло и ожесточенно кусал собственный кулак.

Затем раздраженно стукнул им по рулю и поехал дальше...

Глава 11

Санкт-Петербург, Невский проспект, 1837 год

Наступил вечер, и в приемной голландского посольства зажгли четыре массивных подсвечника с шестью свечами в каждом. Гардины были плотно задернуты, а в камине уютно трещали и постреливали сухие дрова. Барон Геккерен, облаченный в теплый китайский халат и ситцевые брюки, ходил из угла в угол и, нервно перебирая длинные костяные четки, напряженно размышлял.

«Дуэль... Завтра они будут стреляться... А что мне еще оставалось делать? Вызвать его самому? Однако мое общественное положение препятствовало этому, да и неизвестно, чем бы дело кончилось... Если бы я оказался победителем, то обесчестил бы своего сына, недоброжелатели которого заподозрили бы в нем недостаток храбрости; если бы стал несчастной жертвой, то и он сам, и его жена остались бы безо всякой поддержки. При всем этом я полагался не только на свое мнение, но и посоветовался со своим другом графом Строгановым. Поскольку он согласился со мною, я показал письмо сыну, и вызов господину Пушкину был немедленно послан... Но на этой дуэли мой мальчик непременно должен стрелять первым, и мне необходимо сказать ему об этом. Во что бы то ни стало – первым! Господин Пушкин достаточно хороший стрелок и обладает немалым опытом дуэлей... И все-таки я должен быть рядом. Я не могу туда не поехать. По крайней мере, я обязан быть где-нибудь поблизости...»

Барон остановился и позвонил в колокольчик.

– Завтра после полудня мне понадобится наемная карета, – сказал он вошедшему слуге.

– Будет исполнено, господин барон.

– Каретой должен управлять извозчик, незнакомый не только с моей персоной, но также не знающий моего сына.

– Я понял, господин барон.

– Хорошо... – И Геккерен задумчивым жестом отпустил слугу.

Тот поклонился и, тихо закрыв за собой дверь, удалился.

Барон подошел к буфету и достал хрустальный графин с французским коньяком. Ему вдруг вспомнился залиvistый смех Дантеса, и он столь живо вообразил его себе жестикулирующим, оживленно рассказывающим об очередном придворном бале, что словно бы почувствовал рядом с собой некое колебание воздуха. Барон поежился, огляделся и налил треть бокала. Затем залпом выпил и едва слышно пробормотал:

– Жорж обязан стрелять первым, иначе произойдет нечто ужасное... Я ни за что не прощу себе его смерти!... Но почему же он так долго не идет? Ведь я посылал за ним слугу еще вчера днем!

Прошло еще какое-то время, и, когда стрелки напольных часов приблизились к отметке «12», внизу, на парадной лестнице, послышался топот отряхиваемых от снега сапог и бодрый голос Дантеса, разговаривавшего со швейцаром. Барон подскочил от нетерпения и устремился к двери, желая как можно скорее увидеть долгожданного «родственника».

Когда разбурившийся с мороза Дантес зашел в кабинет, Геккерен обнял его и прижался к холодной щеке своими горячими от волнения губами. Затем отпустил, внимательно осмотрел с головы до ног и, не теряя времени, сразу приступил к главному:

– Мой милый мальчик, ты должен внять моим призывам к осторожности и благоразумию.

– И разумеется, я это сделаю! – беззаботно подтвердил Дантес, после чего вдруг удивленно заметил: – Да ты весь дрожишь!

– Да, дрожу, но это все пустое... Жорж! Тебе необходимо стрелять первым, поскольку Пушкин – опытный дуэлянт, который не промахнется. Ты не должен дать ему этого шанса.

– Ты напрасно беспокоишься, – усаживаясь в кресла, заметил Дантес. – Я хороший стрелок, да ты и сам это знаешь. Да, у меня была всего одна дуэль, да еще дома, во Франции, ну и что из того? Я ни в чем не уступаю Пушкину и, разумеется, всегда смогу выстрелить первым.

– Прекрасно, – судорожно кивнул барон, – рад слышать. Теперь вторая просьба – не убивай его! Достаточно только ранить, и ранить так, чтобы лишить возможности произвести ответный выстрел.

– Это я понимаю, но почему бы мне его не убить?

– Ты и сам знаешь, что по законам этой варварской страны после дуэли убийцу ждет виселица.

– Неужели ты спокойно отдашь меня в руки палача? – с усмешкой поинтересовался кавалергард.

– Шутить не время, мой друг. Император тебя не любит, а потому мои связи могут оказаться бессильными.

– Но чем же я заслужил немилость его величества?

– О боже! А то ты сам этого не знаешь! Сорок четыре взыскания по службе – и это всего за два года! Да и потом, он сам ревнует Натали не менее ее мужа. Поэтому я еще раз повторяю – не рискуй понапрасну! Желания правителей непредсказуемы...

– Хорошо, – немного подумав, кивнул Дантес и, встав с кресла, прошел к окну, – тебе не стоит ни о чем волноваться. Достаточно раны? Будет ему рана!

– Но рана не смертельная! – настойчиво повторил барон. – Прострели ему руку или ногу.

– Ты мог бы поставить передо мной и более трудную задачу! – неожиданно развеселился Дантес, хотя чуткое ухо приемного отца мгновенно уловило в этой веселости немалую долю фальши. – Например, отстрелить ему нос или нечто другое, чем он так долго грешил...

Барон осуждающе покачал головой:

– Твоя веселость абсолютна неуместна. Будь же серьезен, ради всего святого! Дуэль с разъяренным мужем – это не взаимный обмен эпитафиями где-нибудь на придворном балу!

– О да! Особенно когда он, как затравленный олень, грозно выставит вперед свои ветвистые рога!

– Ну вот, ты опять!

– Хорошо, хорошо, – наконец-то сдался Дантес, впервые за всю беседу заговорив серьезным тоном. – В конце концов, я всегда был и буду вашим преданным и любящим сыном, а потому полностью выполняю все ваши указания. Господин Пушкин получит несмертельную рану, и на этом наша дуэль будет закончена. А теперь позвольте откланяться...

В эту минуту Дантес вдруг заметил, что во встревоженных глазах барона выступили слезы. Только теперь он осознал всю глубину и тяжесть его мрачных ожиданий, после чего и

его самого внезапно охватило зловещее предчувствие надвигающейся трагедии. К горлу подкатил вязкий ком, мешавший свободно дышать, и он сам чуть было не расплакался.

– Я сделаю все, как вам будет угодно, – с трудом сдержавшись, едва слышно прошептал он.

– Вот и чудно, мой милый друг. Вот и чудно, – пробормотал Геккерен. Затем он метнулся к комоду, выдвинул нижний ящик и достал оттуда сверток. Вернувшись к удивленному Дантесу, он протянул этот сверток ему и так же тихо прошептал: – Мой мальчик, ты должен надеть это незадолго до дуэли. Причем сделай так, чтобы этого никто не видел. Никто...

Дантес кивнул, щелкнул каблуками и, упрятав сверток за отворот мундира, быстро покинул кабинет.

Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 2004 год

Под утро в зале игровых автоматов было совсем пусто. И это несмотря на то, что «однорукие бандиты», плотно теснившиеся своими никелированными боками, периодически подмигивали лампочками и издавали веселые звуки. Играла тихая музыка, а за стойкой сидели две усталые проститутки, лениво перебрасываясь с барменом ничего не значащими фразами.

Сергей расположился в самом углу и, с напряженным выражением лица, опускал в щель одну монету за другой. Недавняя – и столь нелепая! – ссора с Наташей не давала ему покоя. Довольно неожиданно для самого себя Сергей почувствовал глубокую неприязнь и даже отвращение к Никите. Его стало бесить в этом человеке, которого он когда-то так уважал и любил, буквально все!

Незаметно подкралось и то чувство, которого он боялся больше всего на свете, – появилась неуверенность в собственной невесте. Отныне для Сергея наступила самая мучительная пора, когда не спишь ночами, снедаемый мыслями о возможном предательстве со стороны любимой девушки. Причем не просто предательстве, а самой подлой измене – да еще с кем! С Никитой, то есть с человеком, которого с детства он считал своим лучшим другом!

Впрочем, зачем обвинять только Наташу? Любой человек сам выбирает предмет своей любви, и никто не имеет права лишить его этого выбора. Поэтому вся ответственность за собственное счастье или несчастье лежит на нас самих. А уж ревность – это вообще обратная сторона любви... Точнее даже сказать, ревность – это не что иное, как похмелье любви!

От этих мыслей настроение становилось все более мрачным, и чем больше Сергей нервничал, тем больше денег просаживал. Когда на очередной кон поставить было уже нечего, он пришел в такую ярость, что стукнул кулаком по игровой панели.

– Эй, приятель, так делать не стоит! – бесцеремонно окликнул его бармен.

– Да пошел ты! – махнул рукой Сергей и полез было в карман за сигаретами.

Однако закурить ему уже не дали, поскольку из двух разных концов зала к нему с самым угрожающим видом двинулись двое охранников.

– Ладно, ребята, я ухожу! – Сергей еще надеялся уладить дело миром, однако у охранников явно чесались кулаки, а потому предстоящее развлечение было им как нельзя по душе.

«Впрочем, и мне тоже не помешает хорошая встряска!» – подумал он, бросаясь на ближайшего из охранников. Первый его удар пришелся мимо цели – тот успел ловко уклониться, и Сергей с размаха налетел на игровой автомат. Едва он повернулся, как удар охранника пришелся ему прямо в челюсть и едва не опрокинул на пол. Однако не успел второй охранник прийти на помощь первому, как Сергей снова был на ногах.

Более того, ловко боксируя в незабвенном стиле Мохаммеда Али «порхающая бабочка», он сумел отбросить своего обидчика к стене, а затем, зацепив второго охранника за

лацканы пиджака, мощным ударом головы разбил ему лицо в кровь и опрокинул на пол. Пока тот стонал и ворочался, первый охранник снова бросился в бой. Но Сергей уже был готов к этому.

Основательно поднажившись, он оторвал от пола вертящееся кресло и кинул его навстречу сопернику. Однако тот снова успел уклониться, и оно лишь опрокинуло кадку с миниатюрной пальмой, которая стояла у зашторенного окна. Сергею, правда, удалось нанести охраннику сильный удар в живот, отчего тот слегка согнулся, но тут же выпрямился. Сергей попытался было повторить удар, но на этот раз с гораздо меньшим успехом. Перед глазами вдруг поплыли красные круги, и, видимо, поэтому он не сумел уклониться от прямого удара, на этот раз свалившего его на пол.

После этого дела его пошли совсем плохо. К первому охраннику присоединился второй, после чего они дружно принялись пинать лежащего Сергея ногами. Сначала тот еще пытался вскочить и оказать сопротивление, но вскоре понял, что никаких сил у него уже не осталось...

От окончательной потери сознания его спасли сердобольные проститутки, до сего момента с интересом следившие за всеми перипетиями этой яростной схватки. Именно они потребовали от бармена урезонить разошедшихся охранников и остановить избиение.

Финал схватки был легко предсказуем: изрядно избитый Сергей оказался выброшен из игрового зала в буквальном смысле «мордой в сугроб». Более того, на него еще пару раз сплюнули, чтобы морально унизить.

Впрочем, Сергей находился уже в таком состоянии, что его это мало трогало. Кое-как поднявшись и с трудом отряхнувшись от мокрого и грязного снега, он нехотя побрел сам не зная куда. В тот момент у него был такой вид, что самый непредубежденный сторонний наблюдатель непременно бы решил, что либо Сергей лишился рассудка, либо в него вселился демон, либо случилось и то и другое одновременно...

Но для человека, в которого вселился демон, приключения только начинаются! Немного пройдя вдоль улицы, Сергей подошел к троллейбусной остановке. Перед тем как направиться в зал игровых автоматов, он оставил «корейнку» у подъезда собственного дома, справедливо рассудив, что рано или поздно ему захочется выпить.

На остановке сидела какая-то старуха и нетерпеливо перетаптывалось двое мужчин – один в штатском, другой в милицейской форме. Понедельник, время перевалило за полночь, пустынный перекресток и легкий январский мороз.

... От резкого и совершенно неожиданного удара в солнечное сплетение Сергей сел в сугроб, не успев даже охнуть. Дыхание перехватило, а сознание заволокла пелена неимоверного изумления – за что? Это именно тот, что был в штатском, совершенно неожиданно бросился к нему и, нанеся сильнейший удар прямо в грудь, тут же отскочил обратно! Как будто его мало сегодня били!

Все еще сидя в сугробе и жадно разевая рот, Сергей пытался восстановить дыхание, когда к нему приблизился тот, что был в форме, и, наклонившись, самым участливым тоном спросил:

– Что с вами, вам плохо?

От столь изощренного издевательства повеяло чем-то настолько странным и страшным, что даже старуха, начавшая было голосить «хулиганют», испуганно смолкла.

– Вы его знаете? – продолжал допытываться мент с погонами старшего лейтенанта. – У вас к нему есть какие-нибудь претензии?

У Сергея хватило ума отрицательно покачать головой, после чего он кое-как выбрался из сугроба. Милиционер отошел к приятелю в штатском, и теперь ситуация обрела прежний вид – что сделало ее еще более зловещей!

«Что все это значит и чего теперь можно ожидать?» – лихорадочно размышлял Сергей, отряхиваясь от снега и краем глаза поглядывая на странную пару, – мент и штатский тихо переговаривались между собой, стоя на самой кромке бордюра. Нападут еще раз? Заберут с собой? Но с какой стати – сегодня он выпил совсем немного, никого не трогает, ждет

троллейбуса... Неужели их подослали те самые охранники? Но зачем? Денег у него все равно нет, иначе бы он немедленно поймал тачку, чтобы поскорее избавиться от соседства этой зловещей парочки...

Где, черт подери, этот проклятый троллейбус и что на уме у этих гадов? Прошло несколько минут, в течение которых Сергей волновался все сильнее и сильнее. До его дома отсюда было ровно две остановки, однако если он пойдет пешком, то они легко смогут догнать его на пустынной улице, и тогда... Но ведь и ждать неизвестно чего не менее опасно! О, черт, да что же им от него надо?

С каким же облегчением Сергей увидел поворачивающий из-за угла троллейбус! Машина шла от метро, и поэтому, несмотря на поздний час, в салоне было полно народа. Поспешно затесавшись в толпу входящих пассажиров, – а краем глаза он еще успел заметить, как штатский уже сделал было движение в его сторону, но мент удержал своего приятеля за рукав, – Сергей проворно заскочил в салон. На его счастье, те двое остались на остановке...

Обида, недоумение и злость оказались столь велики, что на следующее утро он направился в ближайшее к его дому отделение милиции, и кого же там увидел на месте дежурного? Да того самого старшего лейтенанта, который вчера ночью участливо допытывался, как он себя – чувствует! Более того, как раз в этот момент по лестнице спускался тот самый штатский, который его ударил, только на этот раз он был в милицмейской форме!

Ошеломленный Сергей бросился прочь как ошпаренный! Разумеется, подавать заявление он раздумал, однако мысль о странном, жестоком и ничем не спровоцированном нападении не давала ему покоя. И лишь некоторое время спустя, просматривая одну из криминальных газет, он нашел там разгадку столь странной истории.

Оказалось, что у сотрудника одного из отделений милиции капитана Белоглазова был младший брат – законченный наркоман. Однажды, воспользовавшись отсутствием капитана, брат надел его милицмейскую форму и, в компании с каким-то подельником, отправился на дело. Они успешно ограбили и избили случайного прохожего, приобрели дозу и благополучно вернулись домой.

Однако мать обоих братьев, увидев кровь на рукаве форменной куртки, почувствовала неладное и позвонила старшему сыну, который в тот момент находился в собственном отделении милиции. К тому времени там уже было получено сообщение о нападении на случайного прохожего, которого пришлось доставить в реанимацию. И тогда, чтобы замести следы преступления младшего брата, старший начал действовать. Он взял с собой коллегу в форме, поехал в соседний район и тоже напал там на случайного прохожего, которым, на его несчастье, оказался Сергей.

Расчет был довольно прост – на тот случай, если пострадавший очнется и заговорит, надо создать иллюзию целой серии ограблений, совершенных по одному шаблону – штатским и человеком в милицмейской форме. Поскольку на момент первого нападения у капитана Белоглазова и его напарника было железное алиби – они находились в собственном отделении милиции, дело становилось весьма запутанным. То ли нельзя верить первому пострадавшему, тем более что он получил удар по голове, то ли всем остальным? Догадаться, что в двух соседних районах одним и тем же вечером действовали две разные пары, было совсем непросто, поэтому капитана Белоглазова арестовали только полгода спустя, да и то благодаря чрезмерной болтливости его брата-наркомана.

Как бы то ни было, Сергей сделал для себя следующий вывод: любое столкновение с милицией чревато угрозой для здоровья, а то и жизни, будь то фальшивый мент в форме или настоящий – в штатском.

Глава 12

Пока ее несчастный и жестоко избитый жених мучился не столько от побоев, сколько

от жестокой депрессии, ничего не ведающая Наталья безмятежно наслаждалась жизнью. И даже воспоминания о ссоре с Сергеем ее не слишком беспокоили – настолько велика у нее была уверенность в себе: «Еще прибежит, никуда не денется!»

Поэтому, как только у нее выдалось свободное время, она надела любимый, слегка укороченный халат из розового сатина и с ногами устроилась в кресле перед телевизором. Старательно делая маникюр, она поначалу довольно небрежно следила за развитием действия в очередном отечественном телесериале.

... Две иномарки – бежевый «ситроен» и темно-синий «фольксваген» – разделяла лишь небольшая полянка, огороженная чахлыми кустами и устланная неглубоким покровом свежего белого снега. Яркий январский день, опушка подмосковного леса и относительная тишина, прерываемая только гулом проходящей невдалеке автострады. Распахнулись дверцы, и пронзительно закрипел снег под зимними сапогами шестерых вылезших из автомобилей мужчин.

Двое – кожаные куртки нараспашку, руки наготове, глаза внимательные, настороженные – остались стоять у «ситроена»; двое замерли у «фольксвагена» – один курит, другой не таясь держит в опущенной руке короткий черный автомат. И между ними, на полянке, стали медленно сходить еще двое – один в белой дубленке, но без шапки, другой в широкополой шляпе и длинном кожаном пальто с поясом. Сошлись, окинули друг друга волчьими взглядами, обменялись несколькими короткими фразами, и вдруг тот, что был в дубленке, ничком бросился в снег, закрывая обнаженную голову руками.

В то же мгновение, выплевывая из своих коротких стволов ненависть, смерть и огонь, заговорили автоматы и пистолеты. Горячие гильзы с шипением посыпались в снег, стекла обеих машин мгновенно покрылись паутиной трещин, а из леса испуганно взметнулась в голубое небо стая потревоженных грачей.

Тот, что был в шляпе и кожаном пальто, молча упал навзничь, за ним неловко повалились в снег рядом со своим «ситроеном» и двое других. Дождавшись, когда выстрелы затихнут, человек в белой дубленке быстро поднялся с земли, отряхнулся и поспешил к «фольксвагену». Один из его напарников уже заводил мотор, другой услужливо распахивал дверцу.

«Фольксваген» плавно тронулся с места, выехал на проселочную дорогу и устремился к шоссе. Навстречу ему, увязая в той же самой ненаезженной колее, медленно ползло обшарпанное желтое такси. Машины с трудом разминулись, причем посторониться пришлось именно такси, после чего иномарка взобралась на обочину и вырулила на автостраду.

А такси застряло в сугробе и остановилось. Распахнулась ободранная дверца со свежей вмятиной, и из салона проворно выбралась высокая красивая девушка с черными распущенными волосами, одетая в длинную «леопардовую» шубу и элегантные желтые сапожки.

Увязая в снегу, взметая снег полами длинной шубы и едва не падая, она побежала к одиноко стоящему «ситроену» с распахнутыми дверцами. Сначала метнулась было к тому, кто сидел у переднего колеса, свесив голову на грудь и откинув в сторону руку с зажатым в ней пистолетом. Наклонилась, заглянула в лицо, но тут же резко выпрямилась и буквально отпрыгнула к другому, лежавшему ничком и уткнувшемуся лицом в снег. Опустилась на колени, закусила губу от напряжения, перевернула его на спину и охнула: «Сережа!»

Огромные и прекрасные глаза стремительно наполнились слезами. Девушка привстала и бессильно оперлась локтями о капот машины. Густые длинные волосы печально свесились по обе стороны матового лица.

«Сережа... О господи, ну за что? Ну почему все так страшно, почему?»

Она всхлипнула и элегантным движением руки откинула волосы в сторону, открыв затуманенные глаза, смотревшие на лежащего у ее ног возлюбленного...

В этом месте началась реклама, а Наталья не смогла сдержать завистливого вздоха. Несмотря на то что она была ничуть не хуже этой актрисы, получить роль хотя бы в одном

сериале ей пока никак не удавалось! А ведь она влюбилась в театр и решила стать актрисой, будучи всего пяти лет от роду. В тринадцать Наташа уже записалась в театральную студию и, несмотря на все уговоры отца-адвоката, видевшего в умнице дочери наследницу своей юридической конторы, пошла по жизни своим путем. Как хорошо быть представительницей свободной профессии без жесткого графика и плыть собственным курсом! И отец, как человек деликатный, не только смирился с ее выбором, но в день ее первого спектакля преподнес огромный букет роз.

Вспоминая об этом сейчас, Наташа даже зажмурилась от удовольствия. Ей почудилось, что она снова стоит на сцене и раскланивается рукоплещущей публике. «Вот я на троне, в золотой короне...» А в первом ряду партера ей особенно бурно рукоплещет юный красавец, чем-то похожий на Тома Круза... Нет – и она зажмурилась еще крепче – пусть лучше это будет Ричард Гир!

Снова открыть глаза ее заставил настойчивый звонок в дверь. Родители были на работе, а младшая сестра – в гостях, поэтому открывать пришлось самой. Незванным гостем оказался Никита, благоухающий одеколоном «Opium», одетый в черное пальто от Hugo Boss, белый свитер с высоким воротником, серые джинсы «Zara», стилизованные под брюки, и ботинки из крокодиловой кожи. В одной руке он держал огромную розу бордового цвета, в другой – бутылку красного вина «Chateau Giscours» 2000 года.

– Извини, что без звонка. Можно к тебе?

– Заходи, конечно, заходи. Я всегда рада тебя видеть.

– Благодарю.

Наташа заперла дверь, и Никита тут же галантно вручил ей розу.

– Ты так же свежа, как она!

– Спасибо. Раздевайся.

– Ты одна? А что Серж?

– Мы вчера поссорились. Правда, сегодня утром он звонил и извинялся, но я сказала, что хочу побыть одна. Да и еще он нес какую-то чушь про милицию и ночное нападение, но я ничего толком не поняла...

– Так, может, я нехстати?

– О нет, почему же... Проходи в комнату, а я пока переоденусь.

Пятнадцать минут спустя они уже сидели на диване с бокалами в руках. Наташа, одетая в джинсы и розовую кофточку, с удовольствием слушала свежие анекдоты в мастерском исполнении Никиты.

– Встречаются три подруги, – уверенно рассказывал Никита, – Саманта, Миранда и Шарлотта. Саманта говорит: «А у моего возлюбленного яйца холодные». Миранда кивает: «И у моего тоже». Шарлотта промолчала, зато на следующую встречу пришла с огромным синяком под глазом. «Что случилось?» – наперебой спрашивают подруги. «Понимаете, потрогала я своего мужа за яйца и говорю: «Да у тебя такие же холодные, как у мужчин Саманты и Миранды...» Ну, тут он мне и...»

Когда Наташа вдоволь насмеялась, Никита неожиданно сменил тему, с ходу заявив, что ему нужна ее помощь.

– А в чем дело? – тут же заинтересовалась девушка.

– Режиссер хочет создать конфликтную ситуацию между мной и Сержем, чтобы на сцене нам было легче сыграть своих героев.

– А я тут при чем?

– Как – при чем? Чтобы мы с ним по-настоящему поссорились, он должен приревновать меня к тебе. Твоя задача – слегка мне подыграть.

– А есть ли смысл? – всплеснув руками, засмеялась Наташа. – Он это уже и так делает безо всякой игры. Вчера мы поругались именно из-за тебя.

– Как это? – не понял Никита.

– Когда ты позвонил мне на мобильник, он так взбесился, что высадил меня прямо в сугроб. А если мы еще и нарочно начнем его провоцировать, то могут возникнуть большие

проблемы. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю. – И Никита задумчиво допил свой бокал. – А что, если я буду ухаживать за тобой втайне от Сергея?

– Втайне? Но тогда какой в этом смысл?

Вместо ответа, Никита посмотрел на нее столь плотоядным взором, что она мгновенно все поняла.

– Мне кажется, ты напрасно сюда пришел, – произнесла Наташа, стараясь сохранять хладнокровие.

Никита словно бы только этого и ждал, мгновенно вспыхнув от страсти.

– Как же напрасно, когда я увидел тебя, мое сокровище. – И он попытался взять ее за руку, которую она тут же отняла. – Я так давно мечтал сказать тебе о своих чувствах, что переполнен ими с головы до пят.

– Никита, не надо...

Но он уже не мог остановиться и, подсев ближе, обнял за плечи и быстро поцеловал в шею. Наташа невольно поежилась, и тогда он принялся лизать своим горячим языком ее ушко, бормоча при этом всякие непристойности вроде:

– Ну, пожалуйста, давай сделаем это только один раз, и никто ничего не узнает.

– Нет, – наконец сказала Наташа и поднялась на ноги, – я не могу и не хочу этого делать. И вообще, как говорят в американских фильмах, я думаю, что тебе лучше уйти.

«Коварный искуситель» разом помрачнел и уже собирался было уйти, как вдруг вспомнил о последнем разговоре с режиссером. Никита, словно бы и теперь находясь под незримым воздействием Воронцова, встал на колени перед Наташей и быстро заговорил, стараясь придать своему голосу самую тревожную интонацию:

– Ты хочешь, чтобы со мной случилось что-нибудь ужасное? Ты на меня беду хочешь навлечь?

– Что ты? – испуганно воскликнула девушка, явно не ожидавшая такого поворота событий. – Какую еще беду? Что ты выдумываешь?

– Я пока не могу об этом рассказать, поэтому остается только умолять – не отталкивай меня! Иначе со мной действительно произойдет нечто непоправимое...

– Прекрати! Немедленно прекрати это дурацкое представление.

– Это не представление!

– Сядь и постарайся расслабиться. Сегодня ты просто неузнаваем – очень возбужден и все время дергаешься.

– Это потому, что именно сегодня должна решиться моя судьба, – глядя в сторону, глухо сказал Никита и тут же мысленно выругал себя за эту пошлейшую фразу.

– Каким же образом?

Никите было неясно, догадывается ли она о том, что он собирается ей сказать, или задает этот вопрос из вечной женской привычки прикидываться, когда это удобно, ничего не понимающей. В любом случае она предоставляла ему возможность высказаться, – а это в тот момент было самым главным. Он мельком взглянул на Наталью – такую красивую и такую стройную! – после чего с деланным смущением потер рукой лоб и начал говорить:

– Я хочу предложить тебе... То есть нет, не так, я хочу сделать тебе предложение. Я люблю тебя, Наталья, и мечтаю увидеть тебя своей женой. Разумеется, я не очень-то богат, но сумел бы обеспечить тебе достойную жизнь. Впрочем, наверное, я говорю что-то не то... Ты столь прекрасна, что заслуживаешь кого-то более достойного, чем я или Серж... Не знаю, может быть, тебе кто-то нравится... Конечно, ты притягиваешь столько мужчин, и наверняка среди них есть весьма достойные персонажи, но... Впрочем, опять что-то не то. Наталья!

Только теперь он осмелился поднять на нее глаза и, замороженный выражением ее лица, уже не стал отводить их в сторону. Она сидела в такой позе... Никите вдруг подумалось, что, наверное, в такой же позе сидела Клеопатра, выслушивая признания своих знаменитых поклонников. Как жаль, что он не Цезарь и не Марк Антоний (хотя и

неоднократно исполнял их роли в пьесах Шекспира!), а потому не может предложить любимой женщине стать царицей покоренного им мира! Как жаль, что он всего лишь скромный актер без ангажемента и с не совсем понятными перспективами! Никогда прежде его не волновали проблемы власти и славы, богатства и могущества, и вот теперь, поставив свое счастье в зависимость от решения этой чудесной девушки, он вдруг понял, насколько же мало может бросить к ее восхитительным ногам!

Изящная маленькая ножка, закинутая на другую, игриво покачивалась в воздухе, а Никита, затаив дыхание перед этим упруго-рельефным чудом, жадными глазами следил за восхитительным маятником. Ему вдруг страстно захотелось упасть на колени и прижаться к ней губами, и захотелось с такой неистовой силой, что он задрожал.

Однако стоило ему увидеть глаза Натальи, как он мгновенно понял, что она угадала его желание. Угадала – и, устало улыбнувшись, покачала головой.

– Не стоит, Никита.

К чему относилось это «не стоит»? Только лишь к желанию целовать ее ножки или к случайно вырвавшемуся предложению выйти за него замуж? Никита не понял этого, но уныло поник головой.

– Я не готова принять твоё предложение, – после небольшой паузы снова заговорила Наталья. – Не спрашивай меня почему и не огорчайся! Ты все равно сейчас не поймешь моих чувств и моего нынешнего положения...

– А к этому имеет отношение какой-то другой мужчина? Тот же Сергей, например? – Он и сам понимал, что задает глупый вопрос, хотя в подобной ситуации любой вопрос выглядел бы глупым. Все! Ему отказали, так что надо вставать и с достоинством уходить. Но, боже, как же его тянет к этой девушке, как же невыносима мысль о том, что ему никогда не держать ее в своих объятиях!

– Нет, – Наталья засмеялась, – какой же ты, оказывается, глупый и ревнивый!

– Но ты кого-нибудь любишь? Сергея?

– Нет... не знаю... не спрашивай! Я не могу тебе сказать ничего определенного, кроме одного – так счастлива, что меня все любят! А теперь – прощай.

Он поцеловал протянутую руку и быстро вышел в прихожую. И только тут вдруг осознал, насколько же тяжелые испытания его теперь ожидают. Видеться с любимой девушкой, у которой получил отказ и которая постоянно будет находиться перед его глазами, ласкаясь с так называемым женихом и его бывшим другом... И что ему остается? Вздохнуть и томиться невдалеке, надеясь получить очередную приветливую улыбку? Не лучше ли самому отказаться от дальнейшего общения и, переборов душевную боль, вернуться к своим прежним занятиям?

Но разве это возможно? Без Натальи ему уже все неинтересно и нет ни в чем смысла... А жить бессмысленно могут только сумасшедшие. И что за утешение думать о том, что любые переживания рано или поздно пройдут... Пройдут, разумеется, но вместе с ними исчезнет и надежда на счастье... Но навсегда ли?

Мысль о том, что Наталья остается одна и, стоит ему уйти, позвонит и пригласит к себе Сергея, обожгла его сознание. Немного потоптавшись в прихожей, Никита вдруг не выдержал и вернулся в комнату. Наталья продолжала задумчиво сидеть на диване спиной к нему. Никита осторожно приблизился и, глядя на себя в зеркало трюмо, стоявшее у окна, вдруг положил обе ладони на ее плечи.

– Что это, ты опять! – возмущенно-весело вскричала девушка, резко меняя тон и вскакивая с места. – Вы, сударь Барский, кажется, решили начать боевые действия? Но разве я давала вам для этого хоть какой-нибудь повод?

– Нет, но я...

– Не смей и немедленно убирайся вон!

Однако Никита уже успел плотно обхватить ее за талию и теперь, прижав к туалетному столику, на котором попадали все флаконы, пытался притянуть к себе и поцеловать в губы. Наталья упорно отворачивалась, упираясь ему в грудь обеими руками, и тогда он удвоил

усилия. В тот момент, когда она высвободила руку, чтобы залепить ему пощечину, Никита успел наклонить голову и уткнуться своими влажными губами в теплую и смуглую ложбинку между грудями.

– Наташенька...

– Да перестань же ты!

Напряженная борьба истощала силы обоих. Они запыхались, и поэтому каждая новая фраза давалась им с заметным трудом.

– Я позову на помощь!

– Зачем? Неужели я тебе настолько отвратителен?

– В данный момент – да!

– Один поцелуй – и я тебя отпускаю.

– Никаких поцелуев!

– В таком случае...

– Ах, так?

Увидев, что даже повторная пощечина не охладила его возбужденный пыл, Наталья вдруг зло сузила глаза и как-то по-кошачьи, резко и сильно провела ногтями по основанию шеи Никиты, оставив четыре кровоточащие царапины. Почувствовав боль, он оцепенел, разжал объятия и полез в карман джинсов за носовым платком.

Взглянув в зеркало и увидев свою окровавленную шею, Никита изумленно присвистнул.

– Да, да, да, мой дорогой, – с нескрываемой насмешкой заметила Наталья, переходя на интонации своей героини Гончаровой, – твоя драгоценная голубая кровь пролилась в моем доме, по твоей вине... Возможно, именно это несчастье ты и имел в виду, когда говорил, что с тобой может случиться нечто ужасное. Но согласишься, что ты сам в этом виноват!

Прижимая к шее носовой платок, Никита взглянул ей в глаза и, не увидев там ненависти, снова приободрился.

– Но, получив такую жестокую рану, сударыня, – заговорил он, невольно подражая ее стилю, – неужели я не получу и исцеления?

– Что ты имеешь в виду?

– Один дружеский поцелуй...

– Ах, ты опять!

Наталья попыталась увернуться, но Никита стремительно бросился на нее, снова схватил за талию и, прижимая к себе, ухитрился оттащить от трюмо и повалить на диван.

– Оставь меня, ты отвратителен! Наркоман несчастный!

– А ты – прекрасна!

– Не смей!

Последний, самый возмущенный возглас был вызван тем, что в пылу борьбы Никита ухитрился раздвинуть ее ноги и теперь жадно ощупывал тугие бедра...

Наташа схватила его за руки, чтобы воспрепятствовать его намерению расстегнуть «молнию» ее джинсов. В итоге завязалась возня, окончившаяся быстро и довольно-таки странно. Несколько минут она отчаянно вырывалась, но добилась лишь того, что они оба скатились на пол. Хитроумно поддавшийся Никита, оказавшись спиной на полу в позе побежденного, воспользовался своим физическим преимуществом и притянул к себе «победительницу» так, что они коснулись губами.

Она дернулась и начала извиваться, но его горячий язык уже проник ей в рот и повел себя там с таким нахальным сладострастием, что она вдруг почувствовала, как начинает слабеть. А тут еще одна рука Никиты скользнула ей под задрвшуюся в пылу борьбы кофту и стала задирать ее все выше и выше, обнажая груди...

– Отпусти же меня, скотина!

Наталья произнесла эти слова сквозь зубы и с такой ненавистью, что Никита начал понимать – еще немного, и он перейдет ту грань, за которой никакие извинения уже будут невозможны! Но, черт возьми, как можно отпустить эту невероятно соблазнительную

девушку, которая чем больше злилась, тем сильнее его возбуждала?

– Звонят! Ты, похотливое животное, неужели ты не слышишь, что в дверь звонят! Это, наверное, Ольга вернулась...

Никита подумал о том, что у Ольги – младшей сестры Натальи – наверняка есть свои ключи, и на мгновение ослабил свой натиск. Вот юная дуреха, до чего не вовремя явилась! И какого черта она звонит так настойчиво?

– Да отпусти же меня, – воспользовавшись его замешательством, повторила Наталья и, с силой толкнув Никиту в грудь, выпрямилась и села. – Мерзавец! Ты мне противен! Наркоман беспринципный!

Внезапно у Никиты опустились руки. Почувствовав свободу, Наташа вскочила и подбежала к телефону. Ощущая себя униженной, она одернула кофту и гневно повернулась к несостоявшемуся насильнику:

– Последний раз предупреждаю: или ты уходишь, или я звоню прямо в милицию.

– Конечно, я уйду, – нехотя пробормотал Никита, – поскольку, к сожалению или к счастью, не могу насиловать женщин, предпочитая добровольные ласки. Ты так очаровательна, что чуть было меня не спровоцировала... Впрочем, довольно об этом.

Немного полежав на полу, будто надеясь, что Наташа резко передумает и сама кинется в его объятия, Никита нехотя поднялся и пошел к выходу. Именно в этот момент раздался звук открываемой двери, и через мгновение в комнату всунулась голова сестры:

– А чем это вы тут занимаетесь?

– Репетируем... – буркнул Никита и, обойдя стоявшую на пороге Ольгу, учтиво поклонился обеим сестрам, после чего покинул квартиру.

– Чего это он? – заинтересовалась сестра, но Наталья быстро выставила ее из комнаты и заперла дверь.

Затем она какое-то время ходила взад и вперед, задумчиво обхватив себя руками и покачивая головой. Потом вдруг схватила недопитую бутылку вина и сделала несколько глотков прямо из горлышка. С одной стороны, ей импонировало внимание красавца Никиты, – неужели он так влюблен в нее, что решил отбить у своего друга и жениться? С другой стороны, Сергей уже изрядно измучил ее своей ревностью и непредсказуемостью. Более того, порой он ее просто пугал... Да и вообще, он не так красив, как Никита, и, кроме подержанной «корейки», никаких особых достоинств у него нет...

Но тогда почему же она так упорно отталкивала Никиту и даже исцарапала? Неужели только от неожиданности?

Пока Наталья обдумывала произошедшую бурную сцену, Никита уже на такси ехал домой, читая по пути брошюру, подаренную ему режиссером Воронцовым. Причем каждый раз, когда он брал ее в руки, ловил себя на мысли, что режиссер намеренно подsunул ему столь сильно выпцветшую, стершуюся и грубо склеенную книжку, будто решил испытать терпение нашего героя, который был вынужден дочитать ее до конца.

«Наконец, 24 декабря 1836 года, Геккерен из Парижа присылает Дантесу письмо с радостным сообщением. В конечном счете голландский двор признал усыновление, и теперь Дантес становится законным наследником имени и состояния Геккерена. Георг Геккерен – таково теперь его официальное имя. С этого момента Дантес уже является не просто блестящим молодым кавалергардом, но и весьма выгодным женихом.

Впрочем, он всегда был весьма практичным малым. И, как истинный сын Эльзаса, не только знал цену деньгам, но и умел вложить их с выгодой для себя. За его веселостью, легкостью, остроумием и общительностью, которые так привлекали к нему сердца петербургского света, скрывалась трезвая, практичная и расчетливая натура. При этом его внешний блеск и остроумие зачастую граничили с равнодушным и холодным цинизмом.

Если для многих молодых людей независимость является целью жизни, возводимой на пьедестал, то для Дантеса высшей ступенью развития личности было диаметрально противоположное состояние зависимости. Он умышленно стремился к абсолютной зависимости от всемогущих авторитетов. Например, таких как барон Геккерен, желавший

полновластно управлять другими людьми, определять их жизнь, использовать в своих интересах и манипулировать ими. Кстати будет сказать, что голландскому посланнику это давалось нелегко, поскольку в Санкт-Петербурге его репутация была незавидна, многие добропорядочные граждане избегали знакомства с ним. Барон Геккерен был окружен преимущественно молодыми аристократами, с которыми находился в отношениях «неестественной интимности», и эта страсть делала его скорее жалким интриганом и узником порока, нежели всесильным вершителем чужих судеб.

*Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид...*

История с анонимкой, смутившей покой Пушкина, известна всем. В ней сообщалось, что Александра Пушкина «избрали» заместителем «великого магистра» ордена рогоносцев Д. Л. Нарышкина и «историографом ордена», в чем ему и выдан «сей диплом». Подписан «диплом» был «непременным секретарем ордена рогоносцев» графом И. Борхом. После первого письма в январе 1837-го последовал брак Дантеса и свояченицы Пушкина Екатерины Гончаровой. В свете тут же пошли слухи, что эта свадьба – только прикрытие, и теперь Дантес может беспрепятственно видеть прекрасную Натали. Однако ходили и другие слухи – в одном из досвадебных писем Дантеса к Екатерине есть такая фраза: «Надеюсь, что завтра не будет препятствий повидаться с Вами, так как мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла картошка с прошлого раза». Как понимать слово «картошка», исследователи до сих пор не знают. Но самая очевидная версия предполагает, что речь идет о беременности. Стало быть, исполняя долг джентльмена, поскольку полностью бесчестным Дантеса назвать нельзя, он ради своей карьеры и карьеры своего приемного отца срочно женился на высокой тридцатилетней дурнушке Коко. Однако Пушкин был неуступчив. Создавалось впечатление, что он жаждет этой дуэли больше всех...

*Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.*

Никому не известно, дрожал ли пистолет в руке воспитанника военной школы. При температуре минус пятнадцать, может быть, и дрожал. Внимание секундантов было приковано к другой персоне. Уже выстрелив в Пушкина, Дантес ждал у барьера, прикрыв грудь правой рукой. Пушкин сделал выстрел, опираясь на землю левой рукой. Увидев, как противник упал в снег, поэт воскликнул «Браво!» – а потом спросил, убил ли он противника.

– Нет, но он ранен в руку и в грудь, – сказал д'Арииак.

– Если мы оба поправимся, то придется начать снова, – ответил Пушкин.

*Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...*

По идее Дантес действительно нашу славу щадить не мог. В конце концов, Пушкин вызывал противника на дуэль не для того, чтобы ненавистный соперник даровал ему пощаду».

Оторвавшись от текста, Никита прижался лбом к боковому стеклу подержанной «классики», дрожавшему при каждом порыве сильного ветра. Перед его глазами мелькала самая безотрадная картина – полупустынные улочки Питера, заснеженного больше обычного, редкие голые деревья, печальные мрачные памятники, темные стены домов...

Глава 13

Санкт-Петербург, набережная Мойки, 1837 год

Был поздний час. За окном падал снег, тихо ложась на сумрачные улицы города, помнящего восстание декабристов на Сенатской площади. На письменном столе, заваленном писчей бумагой, стоял подсвечник с пятью горевшими свечами. Уставший от метаний по кабинету, Пушкин рухнул в широкое дубовое кресло, обитое кожей, откинувшись на спинку. В руках он нервно крутил костяной нож для резки бумаги. Александр Сергеевич тоже помнил зимние события 1825 года, когда его лицейские друзья, приятели и просто знакомые по кутежам выступили против крепостного права и самодержавия. Тогда, задавая себе вопрос: «Если бы я в это время был в Петербурге, я был бы в рядах мятежников?» – он не знал точного ответа, зато теперь, когда вокруг него хороводами ходили сплетни, бытовые неурядицы, непонимание друзей, серьезные финансовые трудности, нелады со здоровьем, напряженность в семье и в свете и, в конце концов, томительное ожидание завтрашней дуэли, Александр Сергеевич явно жалел, что не был сослан «во глубину сибирских руд...».

На диване сидела Натали. Всего минутой раньше у них снова состоялся неприятный, унижительный для нее разговор по поводу ее недавней тайной встречи с Дантесом у Полетики. Наступила небольшая пауза после красноречивых оскорблений мужа, и сейчас они, глядя в разные стороны, оба молчали. На книжных шкафах дрожали тени от их фигур, словно бы боясь прикоснуться друг к другу. Но вот Натали, устремив свой взгляд в затылок мужа, прищурилась и тихо заговорила:

– Теперь, после шести лет совместной жизни, мне стало все очевидно.

– Так что?

– Сатане захотелось завладеть тобой, и ты сам отдал свою грешную душу в его руки, поскольку соблазнился на его обещания. Ты стал Иудой среди близких, доверивших тебе свои судьбы. Ужасы, в которые твое присутствие ежечасно повергает нас, нарушают не только покой нашей семьи, но и всех окружающих тебя людей. Последнее время ты не даешь спокойно спать не только мне, но и детям. Ты, являясь среди ночи пьяным и пропахшим дамскими духами, беспокоишь их своими душераздирающими стенаниями, ты кричишь, что в твоём кабинете все время бродит демон, который нашептывает тебе что-то на ухо, ты начинаешь бегать по квартире, будишь всех и упрасливаешь нас, чтобы мы молились за тебя. Пока ты среди нас – все идет кувырком, когда тебя нет – переживания о будущем с тобой не дают покоя. Или ты думаешь, никто не догадывается, что означает твоя беспочвенная ревность, переходящая в ночные крики и рассуждения о демонах?

– И что же, если я сам не знаю ответа на сей вопрос? Поясни мне! Что со мной, по-твоему?!

– Словом, Пушкин, вопли твои, корчи, нечестивые речи, все повадки, каждое твое движение и слово подтверждают мое решение о постигшем тебя душевном заболевании.

– Что?! – крикнул он и, будто в доказательство сказанного женой, вскочил с кресла и забегал по кабинету. – Ты назвала меня сумасшедшим?! Ты, доведшая меня до полного исступления, записываешь меня в дом призрения убогих?

– Злой дух одолел тебя, и ты нуждаешься в лечении.

Пушкин, окруженный кольцом негодования, остановился непосредственно перед женой с костяным ножом в кулаке, замерев в позе зверя, готовящегося к прыжку на своего врага. Натали застыла в ожидании, а Пушкин, громко крикнув «Дура!», кинулся прочь из кабинета. Уже за дверью слышалось, как он зовет: «Азя! Азя! Где ты?»

– Да простит тебя Господь Всемогуший и да сподобит тебя добиться оправдания на Страшном суде... – прошептала Натали и посмотрела на письменный стол, где среди кучи бумаг на самом видном месте лежал пасквильный диплом.

Надежда по кличке Монро была девушкой очаровательной, но неистребимо порочной, поскольку ее постоянно снедала тяга к эротическим приключениям и многочисленному мужскому обществу. Во время летних студенческих каникул она даже устраивалась подрабатывать девочкой по вызову, и, по ее собственным словам, ей очень нравилась эта работа.

«Представьте себе затихшие улицы, уютно-золотистый свет фонарей, редкие прогуливающиеся пары и темно-синий, бархатистый плащ неба, в котором драгоценной застежкой сияет серебристая луна, – рассказывала она подругам, замороженным столь красивой картинкой, – и вот наш боевой экипаж – водитель и три девчонки – подкатывает к ночному магазину, из которого доносится музыка или звуки телевизора, – это развлекаются продавщицы и охранник. Машина останавливается, мы закуриваем, лениво перебрасываемся словами и небрежно поглядываем по сторонам в ожидании заказавшего нас клиента. Наконец откуда-нибудь из глубины дворов появляется высокий, широкоплечий, длинноволосый парень в белой майке и потертых джинсах. Он красив, вальяжен, слегка пьян и весел. Подойдя к машине, парень лукаво здоровается, наклоняется к нам и, вдыхая аромат наших духов, начинает выбирать.

Некоторые из моих напарниц в этом случае принимают невозмутимо-скучающий вид, в глубине души испытывая определенную неловкость от столь циничной ситуации. Однако я не только не смущаюсь, но даже наслаждаюсь этим выбором и, чтобы он был сделан в мою пользу, вызывающе гляжу в глаза клиенту и томно улыбаюсь».

«Послушать тебя – так нет работы приятнее!» – изумлялись подруги.

«Нет, почему же, как и в каждой работе, есть определенные минусы, – соглашалась Надежда, – порой среди клиентов попадаются откровенные скоты, жлобы или уроды. Но если правильно себя поставить, то от таких тошнотворных типов можно просто отказываться. Тем более если владельцы фирмы тебя ценят и стараются приберегать для самых выгодных клиентов...»

Обучаясь на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, Надежда умело использовала полученный опыт. На основании своих ночных похождений она написала целую серию статей «Из записок девочки по вызову», которые опубликовала в газете «Криминальное чтиво» под псевдонимом Монро. Кстати, этим же псевдонимом она пользовалась и во время своей ночной работы...

Вчера она была на одной крутой тусовке, где познакомилась с известным сценаристом по фамилии Лобковский. Надежде не слишком понравился этот долговязый и неопрятный графоман, однако знакомство со столь известным сценаристом могло оказаться весьма перспективным, поэтому вполне естественно, что той же ночью они оказались в одной постели. Но поутру Лобковский проявил невиданную прыть, успев «опохмелиться» до состояния почти полной невменяемости.

И вот теперь Надежда всячески пыталась его выпроводить и при этом не обидеть.

– Ма-а-дам, позвольте поцеловать вашу ручку! – трепыхался Лобковский с интонациями бесподобного Евгения Весника из «Новых приключений неуловимых».

– Какую именно из моих ручек вы хотите поцеловать, месье, – открыто издевалась Надежда, – шариковую или перьевую?

– Не понял? – пробормотал Лобковский, с изумлением тараща пьяные глаза на потешавшуюся над ним молодую женщину.

– Ладно, целуй, – снисходительно улыбнулась она, – и убирайся поскорее, мне сейчас некогда.

– Куда же вы меня гоните, мадам? – с неуклюжим рвением щенка тыкаясь холодным носом в теплую женскую ладонь, обиделся автор знаменитых телесериалов, отличавшихся невыносимой пошлостью диалогов: «А теперь, любимый, давай наедемся картошки с селедкой, после чего будем любить друг друга...»

– Как это куда, мсье? Отправляйтесь искать свой пятый угол, где вам удастся приклонить усталую голову!

Еще утром тайком от своего гостя Надежда бегло проверила содержимое его бумажника, чтобы убедиться, что он платежеспособен. Возможно, если бы не неожиданно поступивший заказ, она оставила бы сценариста отсыпаться, однако ей позвонил важный клиент, которому никак нельзя было отказывать.

Пришлось силой приводить Лобковского в чувство: то есть поливать холодной водой, натирать уши, хлопать по щекам, а потом еще одевать и выпроваживать.

С последним оказалось сложнее всего – уже одетый сценарист с непонятным упорством цеплялся за дверной косяк, бормоча какие-то пошлости о «божественной фее, подарившей ему неземное блаженство», и объясняя этим свое нежелание покидать «сей райский уголок».

Когда Лобковский окончательно впал в детство и, едва не пуская слюни, стал канючить: «Ну пожалуйста, можно я еще посижу?» – Надежда вышла из себя и, яростно топнув ногой, отвесила ему пару чувствительных оплеух:

– Да уйдешь ли ты, наконец, придурок!

Это классическое средство подействовало – потрясенный подобным обращением сценарист торжественно пообещал проклясть негостеприимную хозяйку и уйти навсегда, после чего хлопнул дверью и зашатался по коридору, обтирая его обшарпанные стены рукавами своего черного английского пальто.

Надежда с облегчением вздохнула, взглянула на часы – было всего лишь половина двенадцатого дня, – и, сбросив халат на постель, пошла принимать душ.

Спустя некоторое время, в течение которого она успела не только накраситься и приодеться, но даже немного отдохнуть, мысленно настраиваясь на предстоящую встречу, Надежда покинула квартиру, заперла дверь и вызвала лифт. Спустившись вниз, она вышла на улицу и подняла воротник дубленки, пряча лицо от порывов холодного зимнего ветра.

В этот момент кто-то крепко схватил ее под руку у самого предплечья. Первая мысль была: «Этот пьяный дурак так и не ушел!» – однако она тут же поняла, что ошиблась, поскольку хватка была слишком крепкой и властной. Еще не поворачивая головы, Надежда почувствовала неприятный холодок в душе и напряглась, готовясь к самому худшему.

– Здравствуй! – на удивление спокойно сказал знакомый голос.

– О, это ты, Тихий! – Надежда сразу узнала одного из недавних клиентов, который в процессе взаимного раздевания изрядно напугал ее наличием кобуры с пистолетом под мышкой. При этом она даже не стала интересоваться, к каким именно «силовым структурам» он принадлежит – к законным или незаконным. Немало пообщавшись с представителями как тех, так и других, Надежда поняла, что разница между ментами и братвой на сегодняшний день являлась настолько несущественной, что бойцы переходили из одного противоборствующего лагеря в другой с такой же легкостью, с какой футболисты соперничающих команд меняли свои клубы. Кстати сказать, только братва и фээсбэшники способны ходить повсюду в тренировочных адидасовских костюмах – в том числе и в рестораны со своими девицами. – Привет, где пропадаешь?

– Надо поговорить.

– Хорошо, но куда ты меня тащишь?

– У меня за углом машина.

– Нет, я туда не пойду!

Надежда не на шутку испугалась, поскольку прямо за ее домом находился глухой забор, несколько полузаброшенных гаражей и небольшая свалка, на которую, кроме бомжей, никто не заглядывал.

– Ты меня боишься? – заглядывая ей в лицо, поинтересовался Тихий.

– Да нет, почему... – неуверенно забормотала Надежда, – с чего мне тебя бояться. Просто зачем это надо... Там же свалка... Пойдем лучше где-нибудь посидим...

– Тебе же сейчас некогда.

– Откуда ты знаешь? – вскинулась Надежда.

– Не важно.

– Мобильник прослушивал? Но зачем?

– Отойдем-ка под деревья, и я все объясню.

Надежда оглянулась, но, поскольку они стояли не далеко от ярко освещенного подъезда, куда то и дело входил кто-нибудь из загулявших жильцов, немного успокоилась.

– Ты ведь догадываешься, кто я такой? – в упор спросил Тихий, отпуская ее руку.

– Нет, откуда... Понятия не имею!

– Врешь!

Надежда вздрогнула и, словно ожидая удара, инстинктивно вжала голову в плечи.

– Почему ты мне врешь? – требовательно спросил Тихий, и Надежда вынуждена была признаться:

– Потому что я тебя боюсь!

– Напрасно. Если бы я этого хотел, ты бы уже давно была мертва. – Тихий произнес эту классическую фразу любого киноевика совершенно безо всякого драматизма, буднично и скучно, однако именно эта обыденная интонация подействовала на Надежду убедительнее зубовного скрежета.

– Но что тебе от меня надо? – пролепетала она, чувствуя, что от страха у нее подкашиваются колени.

– Ничего особенного. Я просто хочу вместе с тобой навестить твоего клиента.

– Зачем?

– Мы с тобой оба работаем по заказам, поэтому хорошо знаем правило: заказы надо выполнять, иначе их передадут кому-нибудь другому. Ну что, поехали?

– Куда?

– К клиенту!

– А зачем к нему ехать? – Поняв, что немедленная смерть ей не угрожает, Надежда чуть-чуть успокоилась.

– Ты хочешь сказать, что он пригласил тебя не на дачу в Гатчину, а прямо на квартиру?

– А разве ты этого не понял из нашего с ним разговора?

– Но тогда почему ты сказала, что сможешь прийти только через три часа?

– Во-первых, у меня находился другой клиент, во-вторых, я же не лошадь – надо было и отдохнуть!

– О'кей! – кивнул Тихий, удовлетворившись ее объяснениями. – Ну, пойдем.

Деваться было некуда, и Надежда, мысленно перекрестившись и с трудом переводя дух, неуверенно двинулась по дорожке, ведущей в сторону соседнего дома.

– Возьми меня под руку, – приказал Тихий, и Надежда послушно положила холодную кисть на не менее холодный рукав его кожаной куртки.

– Что я должна буду делать? – спросила она, когда они перешли через улицу и направились к подъезду.

– Вести себя как обычно, – отрывисто отвечал ее страшный спутник, – все, что надо, я сам скажу. Надеюсь, тебя не надо предупреждать...

– Не надо, я все понимаю.

«Господи, пронеси! – взмолилась Надежда, с завистью поглядывая на обгоняющую их молодую женщину с двумя сумками в руках. – Вот же нормальные люди живут и ничего не боятся... Семья, дети, ужин, телевизор... Киллеров только в кино и видали. Господи, если останусь жива, завтра же схожу в церковь!»

Тихий легко взбежал на крыльцо и сам нажал кнопку домофона.

– Кто? – раздался бесцеремонный мужской голос.

– Девушку заказывали?

– А ты кто?

– Водитель.

– Погоди, я сейчас спущусь.

В ожидании охранника прошло несколько томительных минут. Наконец дверь приоткрылась, и показался могучий детина в черном костюме. На его чисто выбритом лице красовался глубокий шрам – последствие криминальных разборок девяностых годов. Пропустив в подъезд Надежду, он решительно преградил путь Тихому:

– А ты куда? Бери бабки и вали отсю...

Тихий с неожиданной силой втолкнул его внутрь, захлопнул за собой дверь и почти сразу же, навскидку, выстрелил из пистолета, который до этого момента держал за пазухой.

– Ох, е... – только и успел произнести охранник, после чего всей своей массивной тушей тяжело сполз на пол.

– В лифт, быстрее! – скомандовал Тихий, подталкивая перепуганную Надежду к лестнице.

Она не посмела сопротивляться. Через несколько секунд оба уже были в лифте, и Тихий дулом пистолета нажал кнопку девятого этажа.

– Ты меня потом отпустишь? – полузадушенным шепотом произнесла она, не в силах отвести глаз от страшного дула, на которое был навинчен глушитель.

Тихий молча кивнул и, дождавшись, пока лифт остановится, вытолкнул дамочку на лестничную площадку. Вход в коридор, где находились две квартиры, соединенные их новым владельцем в одну, преграждала массивная металлическая дверь с кодовым замком.

– Звони! – шепотом приказал он.

Надежда подняла дрожащую руку, не с первого раза попав пальцем в кнопку домофона.

– Кто? – Голос был похож на голос того охранника, труп которого сейчас остывал внизу.

– Это я, Монро, – повинуюсь молчаливым указаниям Тихого, произнесла она.

– А где Толян? – удивился голос.

– Вы-вы... вышел покурить и воздухом подышать, – неуверенной скороговоркой отвечала молодая женщина, – сказал, что сейчас поднимется.

– Да? Ну ладно, иду.

К тому моменту, когда дверь начала открываться, Тихий уже оттеснил Надежду в сторону и теперь стоял напротив, с пистолетом наготове. Стоило возникнуть небольшой щели, как он снова нажал на спуск. Второй охранник рухнул почти беззвучно, даже не успев удивиться. Зато Тихий даже присвистнул от удивления, обнаружив, что убитый им охранник был самый настоящий негр.

– Держи лифт! – приказал киллер дрожащей от страха Надежде, и она послушно метнулась назад, успев остановить рукой закрывающиеся дверцы.

Тем временем Тихий быстро проник в коридор, переступив через труп лежавшего на спине охранника, и двинулся к входной двери в квартиру, которая, на его счастье, была полуоткрыта.

Бесшумной тенью скользнув в прихожую, киллер на мгновение остановился и прислушался. В гостиной горел приглушенный свет бра и играла негромкая музыка. На кухне тоже горел свет и говорило радио, высвечивавшее желтыми черточками «91,5 FM». На «Эхе Москвы» шла активная дискуссия. «Могу бесконечно спорить с вами на эту тему, но именно так я вижу роль альфонсов в жизни современных миллионерш!» – раздраженно заявил высокий женский голос, явно резюмируя долгий монолог, после чего ведущий добавил: «Это было субъективное мнение писательницы Лидии Скрябиной...» Тихий осторожно вошел в комнату и, заметив слева открытую дверь в спальню, на цыпочках двинулся к ней.

И тут в дверном проеме неожиданно возник хозяин – массивный, немолодой, черноволосый мужчина с огрубелыми, типично кавказскими чертами лица, в распахнутом на волосатой груди халате, где почему-то блестел большой католический крест, украшенный драгоценными камнями. В руках он держал два наполненных бокала, игриво позванивая ими друг о друга.

– Гдэ ты, Мурлин Монро, радост мая...

Увидев перед собой киллера, он успел сделать последнее движение в своей жизни – выронил на пол бокалы, после чего с громким шорохом осел на паркет, глухо стукнувшись лысой головой о плинтус. Голая грудь вместе с крестом обагрилась черной кровью, струя которой с трудом пробивалась сквозь волосатые заросли, оставляя на них густые крупные капли.

Тихий облегченно вздохнул и быстро вернулся в прихожую. Прозвучавший сбоку выстрел стал для него полной неожиданностью, – да и откуда он мог знать, что за полчаса до этого Кукольника навестил его двоюродный племянник, решивший остаться на ужин?

Киллер пошатнулся и, выронив пистолет, схватился за простреленную правую руку. Его противник – молодой грузин не старше двадцати лет, широко расставив ноги, стоял в дверях кухни, держа свой пистолет обеими руками.

Сцепив зубы от боли, Тихий успел выскочить в коридор, отгородившись от второго выстрела входной дверью. Однако третий выстрел, войдя в основание шеи, оборвал его бег на полпути к спасительному лифту.

Последним, что услышал в своей жизни киллер, был звук закрывающихся дверей лифта. И он уже ничего не почувствовал, когда кавказец подошел сзади, победно выругался на гортанном языке и всадил последнюю пулю ему в затылок. Затем перешагнул через труп охранника и вышел на лестничную площадку. На пороге лифта лежал внушительных размеров мужской ботинок – именно он-то и заставлял закрывавшиеся дверцы распахиваться снова. Кавказец небрежно отшвырнул его в сторону, вошел в кабину и поехал вниз.

У Надежды хватило ума не дожидаться возвращения Тихого, но и послушаться его приказа держать лифт она тоже не могла! Поэтому, стацив ботинок с ноги охранника, она оставила его в лифте, а сама побежала вниз по черной лестнице. И ей очень повезло, что спускавшийся на лифте кавказец успел покинуть подъезд раньше нее.

Глава 14

Санкт-Петербург, Невский проспект, 1837 год

Стрелки часов приближались к полуночи. Барон, доведенный до полного изнеможения мыслью о завтрашней дуэли, облаченный в халат, стоял у кровати со сложенными на груди руками и с опущенной головой; вид его говорил о том, что он погружен в глубокое и горькое раздумье. Всякий подсмотревший за бароном человек мог бы подумать, что в бездонных глубинах мыслей он ищет ответ на самый главный вопрос любого смертного: «Есть ли жизнь после кончины, или же нас ждет черная бессознательная пропасть?» – но он бы ошибся, поскольку Геккерен думал в тот миг о Пушкине: «Быть может, мне завтра же с утра кинуться к государю и сообщить о готовящейся дуэли? Но это вряд ли поможет. Пушкин найдет иной способ стреляться с Жоржем».

В дверь постучали, после чего сонный дворецкий сообщил:

– Господин барон, к вам мадемуазель Гончарова по неотложному делу.

Немного подумав, барон попросил провести ее в кабинет.

Уже через три минуты Геккерен, сменив один халат на другой, стоял напротив своей собеседницы, не снявшей верхней одежды, и внимательно слушал.

– Барон, вы обязаны, просто должны перед Богом остановить эту дуэль! Неужели вы не понимаете, что при любом ее исходе будут страдать многие люди?

– Не менее вашего...

– Тогда что же вам мешает?

– Поверьте, я бессилен, впрочем, как и все остальные. Лишь сам Пушкин в состоянии изменить ход событий, но повлиять на него теперь не сможет даже император.

– Я не верю, что нельзя ничего сделать.

– Так попробуйте вы поговорить с господином Пушкиным, быть может, именно вас он послушается, – посоветовал Геккерен с тонким намеком, который явно терзал слух

собеседницы.

На черных буглях ее волос начали таять снежинки, превращаясь в маленькие серебряные капли. Гончарова отрицательно покачала головой, и несколько капель полетело вниз, для встречи с еще не успевшими растаять снежинками на подоле лисьего салопы.

– Я умоляла его на коленях отказаться от дуэли или хотя бы отложить ее на неопределенный период, но он был непреклонен.

– Тогда остается уповать на чудо.

Услыхав эти слова, поздняя гостья пришла в отчаяние и заходила от стены к стене, заламывая руки. Геккерен, напротив, стоял на прежнем месте как вкопанный и лишь глазами следил за ней, повторявшей одно и то же:

– Нет, нет, нет и еще раз нет. Эта дуэль не должна, не может быть! Мы обязаны ей помешать. Мы должны придумать, как ее избежать!

– Теперь мне представляется, что господин Пушкин, как никто другой, сам нуждается в этом жутком поединке. И я готов повторять неоднократно, что все мы бессильны.

– О боже! То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и сокрушает...

– И все-таки что сказал вам сам господин Пушкин?

Гончарова отвернулась от барона, встав лицом к камину, в котором языки пламени плясали свой бешеный танец, сопровождаемый сильным потрескиванием дров. Ей показалось, что если долго смотреть на огонь, то можно прочесть решение, как правильно поступить в сложившейся ситуации. Барону не терпелось услышать ответ на поставленный вопрос, и он повторил:

– Так что сказал Пушкин?

– Он хочет умереть, но умереть гордым и чистым... – После этого мадемуазель Гончарова кинулась к двери, намеренно не сказав Геккерену прощальных слов. Тот же остался стоять неподвижно, хотя душа его металась в пространстве, не видя конца и края своим мучениям. Ей хотелось забиться в угол и принять любое страдание, лишь бы избавиться от уготованного судьбою испытания в виде завтрашней дуэли.

После барон позвал дворецкого. Долго смотрел на него, не помня, зачем он его вызвал.

– Э... следите, чтобы огонь в камине не гас всю ночь.

– Слушаюсь, господин барон.

Геккерен дал понять дворецкому, что тот свободен, затем подошел к окну, отодвинул гардину и, вглядываясь в беспросветную мглу, прошептал:

– Как сильно и преданно она его любит...

Санкт-Петербург,

поблизости от Волковского кладбища, 2004 год

– Я пришла к вам, господин барон, по просьбе Александра Сергеевича Пушкина.

– Мне опостылело думать об этом человеке, – угрюмо ответил Дантес-Никита с забинтованной рукой, которую он держал на перевязи, и продолжил с еще более мрачной интонацией: – А посему я намерен передать ему через вас, княгиня, собственную просьбу. В присутствии моего товарища – виконта д'Аршиака – я заявляю, что, несмотря на произошедшие события, я не перестану ухаживать за обожаемой мною Натальей Николаевной.

– Но вы женаты на ее родной сестре Екатерине Николаевне! О чем же вы говорите? – возмутилась Долгорукая-Марина.

– Ваше дело, княгиня, передать или не передавать мое послание, а обсуждать его с вами я не намерен.

– Позвольте, но господин Пушкин умирает! Ему осталось жить совсем недолго, и поэтому он просил передать вам свое христианское прощение. А в ответ вы хотите уведомить человека, лежащего на смертном одре, о своих пошлых намерениях?

– Именно так! – резко подтвердил Никита. – И пусть знает, кто в дальнейшем займет

его место! Кстати, я не стану допрашивать прелестную Натали, верна ли она мне или нет, что иногда позволял себе ваш умирающий.

– Как же низко вы пали, барон! – презрительно заявила Долгорукая-Марина.

– Я не хочу больше говорить на эту тему. Впрочем, нет, одну вещь я вам все-таки скажу. Возможно, господин Пушкин – недурной поэт, но при этом он самый обычный завистник. Во-первых, он завидует моей красоте, молодости и успеху у женщин. Во-вторых, тому, как быстро я начал делать военную и светскую карьеру, с ходу став офицером лейб-гвардии и будучи принят в лучших петербургских домах. И попробуйте заявить, что это не так, если он сам говорил об этом в присутствии божественной Натали!

– Тебе не стоит так волноваться, Жорж, – вмешался в разговор «д'Аршиак». – Не забывай, что у тебя прострелена рука и сломаны ребра.

– Об этом, мой друг, мне не дает забыть постоянная боль, – снисходительно улыбнулся Дантес-Никита.

– И все-таки, барон, я взываю к вашему чувству истинного христианина! – с надрывом в голосе заявила Долгорукая-Марина.

Никита подошел к «д'Аршиаку», и они оба, повернувшись к зрителям спиной, замерли. В этот момент из-за кулис появилась Наташа, державшая в руках букет искусственных цветов. Она приблизилась к Марине, тут же подыгравшей ее появлению, элегантно присела на краешек стула, закинула ногу на ногу и беззаботно сказала:

– Какая нынче пасмурная погода!

Марина обошла вокруг стула, огляделась по сторонам, словно бы желая убедиться, что они одни, после дотронулась до плеча собеседницы и тихо спросила:

– Натали, душа моя, не таись... Признайся хотя бы мне, что у тебя было с Дантесом?

– С чего у тебя такие мысли? – повела плечами Наташа.

– Не я так решила, милая моя. Зато наше общество полно пересудов на эту тему.

– Как много в мире желчи. – Наташа встала со стула, прижала к себе букет и отвернулась от Долгорукой- Марины. – Для появления толков уже достаточно стало принять приглашение на танец.

– Здесь не в приглашении дело, а в том, как вы с ним это делаете. – Марина сделала несколько шагов, чтобы встать напротив Наташи. – Даже со своим мужем ты не танцуешь так трепетно и нежно. Каждый твой танец с Дантесом превращается в маленькую эротическую миниатюру. Ты думаешь, никто не видит, как вы словно ненароком соприкасаетесь щеками, как он пожирает глазами твое декольте, а ты, словно нарочно, вздымаешь груди в вальсе и подрагиваешь ими в мазурке.

– Не знаю, что тебе на это ответить... Наверное, ты права, но права лишь в том, что мы с Дантесом в процессе танца с полуслова понимаем друг друга. И мы испытываем истинное удовольствие от слаженности наших движений. Она приносит нам взаимную радость, ну а если еще дополняется легким флиртом, то в этом нет ничего зазорного... Клянусь тебе, что между нами только флирт, и ничего больше!

Произнеся последнюю фразу, Наташа задумалась и даже словно бы забыла о присутствии подруги. Той пришлось даже повысить голос, чтобы вернуть ее в действительность:

– Я бы и хотела тебе верить, да не могу! При ваших встречах с Дантесом окружающие все чаще стали замечать твое смущение и ответное волнение с его стороны...

– Волнение?... Смущение?... Конечно! Мне просто жаль беднягу, чувства которого я не могу разделить. Разумеется, я пытаюсь по мере сил его утешить, но посторонними это воспринимается как-то иначе... Ну и пусть! Я-то прекрасно знаю, что ни в чем перед моим мужем не виновата!

– Ох, Натали, – покачала головой «княгиня Долгорукая», – твоя простота и непосредственность до добра не доведут. Даже мне видна твоя неискренность. В присутствии мужа ты демонстративно не замечаешь Дантеса и даже не отвечаешь на его поклон, зато, оставшись без Пушкина, тут же принимаешься за прежнее кокетство. И при

этом воображаешь себе, что никто ничего не замечает! Так не бывает, милая моя! А Дантес ведет себя еще более красноречиво. Когда он устремляет на тебя свои долгие взгляды, то, кажется, совсем забывает о Catherine, которая явно меняется в лице и мучается ревностью. Признайся же мне, наконец: между вами что-то было?

– Да нет, нет, нет! – вскакивая с места, раздраженно вскричала Натали. – Я тебе уже говорила и повторю снова: только легкий флирт!

– Только будь осторожна, так как любой легкий флирт может перерасти в огромный скандал. А тебе, первой красавице Петербурга, будет невозможно что-либо скрыть от любопытных глаз.

– О боже! Как сложно быть женщиной в России. – Наташа положила букет на стул и направилась к кулисам. Здесь она остановилась и перед окончательным уходом подала последнюю реплику: – Географы ошиблись, заявив, что Петербург находится в Европе. Мы – Азия, дикая, варварская Азия...

Когда Наташа окончательно исчезла со сцены, Никита повернулся к Марине, стоявшей на прежнем месте. Он молча прошелся вокруг нее, задиристо разглядывая свою посетительницу, и лишь затем надменно произнес:

– Я тоже ему прощаю!

После этого Марина ушла. Как только «княгиня Долгорукая» покинула сцену, «секундант» обратился к «Дантесу» с укоризной:

– Не слишком ли ты строг к Пушкину, Жорж? Ведь, по слухам, он очень страдает.

– И поделом ему! – резко воскликнул Никита и ногой ударил стул так, что тот вместе с букетом отлетел в сторону. – Почему он бесцеремонно и с издевкой позволял себе говорить в высшем обществе о моих отношениях с приемным отцом, называя нас приверженцами «азиатского порока»?!

– Но ведь вы действительно...

– Что?

– Впрочем, теперь это уже не важно.

– Нет уж, договаривай, виконт!

– Отныне я стыжусь того, что был с тобою в дружбе! Ты всегда обманывал меня красивыми словами, заставляя видеть самоотверженность и высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига. И в конце концов, ты обесчестил жену лучшего поэта России!

Дантес-Никита хотел было ответить что-то резкое, однако сдержался. Перестав ходить, он несколько раз глубоко вдохнул и, сменив интонацию, произнес:

– Я всегда имел столько женщин, сколько хотел. Но только одна, о которой трезвонили на всех углах, что она моя возлюбленная, никогда мне не принадлежала... Увы, но это действительно так!

– Браво! Браво-о-о! – выкрикнул со своего места Воронцов и размашисто захлопал в ладоши. Затем он встал из-за стола и торжествующим взором окинул всю труппу: – Ай да Жорж! Ай да сукин сын! Прекрасно сыграно! Браво!

– Спасибо, – немного смутился Никита.

– Теперь на сцену выходят сестры Гончаровы, – слегка охрипшим голосом объявил режиссер и тут же добавил: – Кстати, Nathalie, вам не следует творить отсебятину и в предыдущем выходе на сцену закидывать ногу на ногу, когда вы садитесь на стул. Ведь согласитесь, что такой жест вряд ли был характерен для светской дамы начала XIX века.

Следуя указаниям Воронцова, обрадованная Евгения и Наталья, явно опечаленная не поправкой режиссера относительно «закидывания ноги», встали рядом и устремили сосредоточенные взгляды в глубину зрительного зала – туда, где отдыхал Дантес-Никита.

– Скажи честно: мое замужество тебя раздражает? – первой начала Евгения.

– С чего ты это взяла?

– Просто каждый раз, когда о нем заходит речь, ты нервничаешь и замыкаешься в себе. А когда я спрашиваю твое мнение, твой голос срывается на каждом слове. Вот и сейчас я вижу, насколько неприятен тебе этот разговор.

– Прошу тебя, сестра, не уподобляйся злым языкам, повсюду клеветущим на меня.

– И все же что так тебя тревожит? – настаивала Евгения.

– Все то же.

– А именно.

– О чем я тебе много раз говорила? Да о том, что твое замужество никому не принесет радости, а только страдания. И ты еще не один раз испытаешь разочарование в человеке, питающем к тебе только равнодушие.

– Возможно, это пока так, однако сила моего чувства к нему столь велика, что рано или поздно оно покорит его сердце! – пылко воскликнула Евгения. – И перед этим будущим блаженством меня не устрасит никакое страдание!

– Как же сильно ты заблуждаешься! – в сердцах воскликнула сестра.

Евгения сжала кулаки, словно готовясь к нападению на злейшего врага, но вовремя опомнилась. Тем не менее ее запальчивый ответ не на шутку оскорбил младшую сестру.

– Вся суть в том, что ты до сих пор не хочешь... Нет, ты боишься мне его уступить! Так сладостно верить в то, что Жорж принес себя в жертву ради тебя и что он влюблен в тебя по-прежнему. Но поверь мне, что это уже давно не так!

Наташу передернуло, краска негодования разлилась по ее лицу, и она заговорила весьма быстро:

– Ты сама не веришь своим словам, Catherine! Ухаживание Дантеса сначала забавляло меня и очень льстило моему самолюбию. И первой мыслью была мысль о том, что муж заметит, не сможет не заметить мой новый успех, и это пробудит его остывающую любовь ко мне. Но как же я ошиблась! Играя с огнем, всегда есть опасность обжечься. Дантес мне понравился, и если бы я была свободна, то даже не знаю, во что бы могло превратиться мое мимолетное увлечение. Но постыдного в нем ничего нет и никогда не было! Перед мужем я даже помыслом не грешна и в твоей будущей жизни помехой конечно же не стану. Это ты и сама хорошо знаешь. Видно, от своей судьбы никому не уйти!

Катрин-Евгения вздохнула с каким-то странным облегчением. Наверное, так вздыхает священник, только что принявший исповедь у страшного грешника, чьи тайные злодеяния могли иметь отношение к жизни самого исповедника. Что касается Наташи, то она опустила голову, и ее руки повисли безжизненными плетями. Не сводя с нее глаз и пятясь как рак, Евгения удалилась за кулисы. А Наташа медленно опустилась на колени и, стоя так посреди сцены, устремила свой взгляд к бутафорской колокольне с маленьким крестом, находившейся справа от нее:

– Царица Преплагающая, надежда моя, Богородица, прибежище сирых, немощных и скорбящих! Зрише горе мое, скорбь мою, услыши мя. Дай пережить сие. Утоли печали мои, утиши боль мою...

– Хорошо-хорошо, – очередной раз хлопая в ладоши, резюмировал Воронцов, – только не стоит забывать о том, что Натали никогда не была наивной или глупенькой особой, как это было принято считать ранее. А ведь ты, вольно или невольно, изображаешь ее именно таковой. Но почему бы не задуматься над тем, что в свои юные годы она действовала подобно взрослой женщине, умудренной большим жизненным опытом. Поэтому у меня для тебя два совета. Во-первых, постарайся несколько усложнить свою героиню и избавь ее от беспечности. И во-вторых, не забывай, что она восприняла все эти события, связанные со свадьбой Катрин, отнюдь не радостно. Ей не хотелось верить, что Дантес предпочел ей – первой красавице Петербурга! – ее невзрачную старшую сестру. Так что не скупись на разочарование. Договорились?

Наташа кивнула в ответ, а Евгения, появившаяся в этот момент из-за кулис, спросила:

– А как была я?

– Ты великолепа. Здорово подана необузданная страсть, желание доказать всему миру свое превосходство над красотой сестры и так далее. Ты хорошо поработала над ролью.

– Но я хотела спросить вас о другом...

– Значит, так, – продолжал довольный режиссер, будто не расслышав последней фразы

Евгении, – завтра у нас последняя репетиция. Она начнется не как обычно, а на час раньше. Поэтому попрошу всех не опаздывать и настроиться на последний рывок. А сейчас до свидания, господа.

После репетиции Сергей подал Наташе дубленку, сделал несколько комплиментов и нежно погладил по волосам. Она, поймав на себе любопытный взгляд Никиты, в свою очередь позволила себе слегка приласкать раскаявшегося жениха.

Последним из театра уходил режиссер, оставляя Донцова в качестве неизменного сторожа. Когда Воронцов уже надел пальто и выключил настольную лампу, старый актер неожиданно подал голос:

– Вам следует остановить этот спектакль.

– Это еще почему?

– Вы лучше меня знаете почему.

– Думаю, не нам с вами решать вопрос о существовании подобного проекта, – миролюбиво заявил режиссер. – Кроме того, в него уже слишком много вложено.

– И не только в него, деньги потрачены на решение ваших внутренних проблем! – угрюмо заметил собеседник.

– Уж кто бы это говорил, – взорвался Воронцов, который прекрасно уловил намек на старую, вошедшую в учебники историю нанесения двадцатитрехлетним Пушкиным несмываемой обиды почтенному роду Воронцовых, – но только не вы, уважаемый отец Петр, или как вас там зовут? Эдуард Васильевич?

– Теперь это не имеет значения.

– Ну, конечно... Вы уже двенадцать раз подряд отыграли Дантеса, и на вашем счету двенадцать убиенных Пушкиных. А теперь это не имеет значения!

– Причем под вашим чутким руководством!

– И что дальше? Под моим руководством вы и в петлю готовы полезть?

Донцов не нашелся что ответить и лишь уныло склонил голову.

– Вот то-то и оно! И давайте, дорогой отец Петр, не будем распускать нюни перед премьерой. Вспомните, как в последний раз, когда вы отказались стрелять в Пушкина и чуть было не сорвали спектакль, вас все-таки простили и даже поручили роль священника. Поэтому ведите себя соответственно вашему положению и не забивайте голову тем, что совершенно вас не касается. Берите пример с вашего покорного слуги.

– Какой еще пример?

– Каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «*Ars longa, vita brevis*» – жизнь коротка, а искусствоечно. Древние римляне были мудрыми людьми, друг мой, поскольку умели так превосходно выражаться...

Глава 15

Было два часа ночи, когда Сергей довез Наташу до подъезда. Остановив машину, он повернулся к девушке, взял ее за руку и попросил:

– Не сердись на меня за вчерашнее. Я вспылел.

– Считаю, что я уже все забыла.

– Вот и хорошо. Я заеду за тобой завтра утром, и мы поедем на каток.

– Значит, до завтра?

– До завтра. Спокойной ночи, любовь моя.

Они нежно поцеловались и, обменявшись прощальным «Ай лав ю», расстались.

Когда Сергей уехал, Наташа зашла в подъезд, поднялась лифтом на свой этаж и уже хотела открыть входную дверь, как вдруг почувствовала на своем плече чью-то твердую руку. Девушка вздрогнула и замерла. По всему телу пробежала холодная дрожь, а сердце забилось так, что был слышен каждый удар. Она боялась повернуть голову до тех пор, пока не услышала знакомый голос:

– Поздновато возвращаетесь, мадемуазель.

– Дурак! – с огромным облегчением выдохнула она. – Как же ты меня напугал!

– Миль пардон, как говорят французы. – И Никита галантно улыбнулся.

– Что ты здесь делаешь? У тебя что-то случилось?

– Случилось.

– И что?

– Утром я был не прав и теперь хочу реабилитироваться.

– Реаби... чего?

– Короче, заслужить твое прощение.

– Считаю, что я тебя уже простила.

– Но этого мало!

– Чего же тебе еще?

– Поехали покатаемся по ночному Питеру. Только не вздумай отказываться, потому что в машине нас уже давно ждут Лизуля и твоя новоиспеченная подруга Евгения.

– Вы все спятили? – удивилась Наташа. – Какое катание, когда давно спать пора. Да и накаталась я сегодня...

– Я тебя умоляю. – И Никита картинно прижал руку к сердцу. – Хочешь, на колени встану?

– Лучше не надо. Пол давно не мыли.

– Тогда я застрелюсь прямо здесь! И ты станешь виновницей моей преждевременной смерти! «Блеснет завтра луч денницы и заиграет ясный день; а я, быть может, я гробницы сойду в таинственную сень...» – довольно приятным тенором пропел он.

– Не дури. И не ори, соседи спят!

– Ну, пожалуйста, всего на полчаса. А то мой бедный Лизок совсем озверевает, а Женечка не простит тебе очередного предательства.

– Какого еще очередного? Когда это я ее предавала?

– Ты что, уже забыла, как влюбила в себя ее будущего мужа – Дантеса? Поедем, прошу тебя!

– Так это нужно тебе или им? – заинтересовалась Наташа и, получив ответ «Нам всем!», нерешительно качнула головой: – Ну разве что на полчаса...

Десять минут спустя Лиза уже лихо крутила руль своей серебристой «тойоты». На переднем сиденье пристроилась молчаливая Евгения, а Никита сидел рядом с Наташей и упорно предлагал ей выпить шампанского, держа в одной руке открытую бутылку, а в другой два пластмассовых стаканчика.

– Эй, вы там, сзади, – приревновала Лизуля, – не пейте без меня. Подождите, пока до ребят доедем.

– Каких еще ребят? – насторожилась Наташа.

– Это хорошие друзья моей скверной Лизаветы, – шутливо пояснил Никита, – да ты не волнуйся, заедем, полчаса потусуемся – и обратно. Ну что, по глоточку?

Наташа неуверенно кивнула, и Никита тут же поторопился разлить пенящееся вино. При этом он отвернулся в сторону и незаметно сунул в один из стаканчиков какую-то таблетку. Разумеется, именно этот стаканчик он и вручил Наташе.

– Итак, я пью за лучшую актрису этого города! Успехов тебе, Nathalie!

– Спасибо, – растроганно произнесла она, делая роковой глоток.

– А мне? – спросила Евгения и, блеснув карими глазами, протянула руку к Никите.

– А ты выпей из моего бокала, – нашелся он, протягивая ей собственный стаканчик.

За окнами машины быстро мелькали ночные пейзажи. Со стороны Финского залива дул сильный снежный ветер, мороз достигал двадцати градусов, и промерзший до основания Санкт-Петербург представлял собой самый неудобный город на свете, когда даже самые преданные его старожилы недобрым словом поминают царя-реформатора, задумавшего основать свою столицу в столь малоприспособленном для жилья месте. И даже многочисленные фонари плохо справлялись с тяжелой ледяной мглой.

*Санкт-Петербург,
Комендантская дача на Черной речке, 1837 год*

В тот ясный морозный день дул довольно сильный ветер, раскачивая верхушки пушистых сосен, стоявших небольшой рощей подле Комендантской дачи. К вечеру он слегка поутих, перейдя от резких порывов к равномерному кружению. Пушистое снежное покрывало лежало повсюду, багряные лучи предзакатного солнца не блестели на нем, как обычно, будто то был не снег, а тополиный пух, чудом сохранившийся с летней поры. Так и хотелось броситься в эту белоснежную колыбель и вдоволь поваляться в ней, но цель пришедших туда господ была совсем иной...

Изрядно потрудившись, утаптывая глубокий рыхлый снег, чтобы создать удобные для дуэлянтов дорожки, Данзас и д'Аршиак подошли к Пушкину, закутавшемуся в медвежью шубу и одиноко сидевшему прямо на снегу неподалеку от гумна. Он отрешенно взирал на приготовления, затем перевел взгляд в сторону столь же одинокого Дантеса. Расстояние между противниками было не слишком большим, а потому каждый из них мог прочесть выражение лица другого. Но если Дантес хладнокровно и презрительно улыбался, то явно нервничавший Пушкин мысленно повторял слова своего письма, отправленного накануне барону Геккерену и написанного в таком стиле, что примирение сделалось абсолютно невозможным: «... Вы, представитель коронованной особы, вы отчески сводничали вашему сыну, который просто плут и подлец! Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. Я вынужден обратиться к вам с просьбой положить конец всем этим проделкам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым я, поверьте мне, не остановлюсь».

– Александр Сергеевич, находишь ли ты удобным выбранное нами место? – подойдя ближе, поинтересовался Данзас.

– Мне это решительно все равно, только, пожалуйста, делайте все это поскорее, – отвечал поэт.

Секунданты принялись заряжать пистолеты.

Покончив с этим, они обозначили барьеры двумя шинелями, брошенными в снег на расстоянии десяти шагов одна от другой. После этого противникам вручили дуэльные пистолеты знаменитой французской фирмы Лепажа, и Данзас с замиранием сердца взмахнул своей шляпой.

Пушкин быстро направился к барьеру, заранее наводя пистолет. Дантеса неожиданно бросило в жар. Только сейчас он внезапно ощутил предательское волнение. Сердце бешеными толчками сотрясало все тело, кровь бросилась в голову, ладони вспотели. Проклятие, неужели это последние мгновения его жизни? Прощай, прекрасная Натали, французский дворянин умирает во имя любви к тебе!

Поскольку это практически была его первая дуэль (о той давней, юношеской, с графом де Монтиньяком он уже почти забыл!), постольку психологически он был готов к ней гораздо хуже своего более старшего и опытного соперника. А учитывая тот факт, что жестокий поединок мог прекратиться лишь при условии смерти или тяжелого ранения одного из противников, Дантесу стало явно не по себе. Пребывая в столь смятенном состоянии духа, он двинулся к своему барьеру. Возможно, если бы он заранее мог предвидеть, какое предательское волнение его здесь ожидает, то не стал бы намеренно раздражать этого проклятого курчавого рогоносца, который шел ему навстречу с самым решительным и даже зловещим выражением лица.

И тут Дантес, вовремя вспомнив наставления барона, побоялся опоздать. Чтобы опередить соперника, он выстрелил на ходу, практически не целясь, не дойдя до барьера пары шагов. Ослепительная вспышка огня, из длинного дула пистолета вылетела пуля, и в какой-то миг Пушкину показалось, что она летит слишком медленно, поскольку он успел

закрыть глаза и вспомнить осень прошлого года...

Тогда они с женой гуляли по дубовой аллее, недалеко от их каменноостровской дачи. Утомившись ходьбой, он прислонился плечом к большому дереву, в то время как Наталья Николаевна остановилась рядом, задумчиво вертя в руках желто-красный кленовый лист, подобранный ею еще на террасных ступенях. Как всегда статная, она стояла спиной к мужу, пристально смотревшему на нее, кусавшему губы и теребившему пуговицу на своем сюртуке. Но вот, словно бы вспомнив нечто важное, повернулась и спросила:

– Скажи мне, Пушкин, будь любезен, ведь ты желаешь видеть меня не столько в образе Татьяны, прославленной тобою своей верностью супругу, сколько аристократической штучкой *comme il faut*?

– Даже не знаю, что тебе на это ответить, – пробормотал поэт, чуть было не оторвав сюртучную пуговицу. – Ты хороша для меня в любых образах, поскольку всегда и всюду остаешься чистейшей прелести чистейшим образцом. Ты – самая прекрасная женщина на свете, которую я ревную даже к звездам. И ревность моя вызвана тем, что моя семья является для меня главной святыней и честью. Если в этом и состоит мое слабое место, то, согласишься, эта слабость весьма простительна?

– Но твоя ревность беспочвенна и вредна нам обоим!

– Не сомневаюсь, что ты не пустишься во все тяжкие, но я не могу и не хочу бороться с собой. Слишком много поводов ты даешь мне для ревности, кокетничая с Дантесом и общаясь с бароном Геккереном... Особенно в последнее время. – Произнеся эту фразу, Александр Сергеевич отошел от дуба и приблизился к супруге так, чтобы получше рассмотреть выражение ее глаз.

На лице Натали лежал оттенок грусти, от которой ее божественный облик становился еще прекрасней.

– Я не изменяю тебе ни с кем, – твердо заявила она.

– Таша, я верю тебе, но пойми, что есть двоякого рода рога: одни носят рога на самом деле; те знают отлично, как им быть; положение других, ставших рогами по милости публики, затруднительнее. Я принадлежу к последним. И ты должна понять, каково мне приходилось, видя тебя вальсирующей с Дантесом.

При этих словах мужа Наталья Николаевна сразу вспомнила, как ловко и умело она скользит в танце, с легкой и привычной грацией касаясь множества чужих рук. Но так продолжается лишь до тех пор, пока она не почувствует одну-единственную руку, чье прикосновение всегда узнает. И, ожидая этой почти интимной, волнующей до дрожи встречи, она движется по залу между танцующими, в холодном изяществе своем похожая на мифическую статую. Так продолжается до тех пор, пока прикосновение Дантеса не согреет ее, не оживит, – словно бы под рукою упорного чародея ваятеля безжизненный мрамор начинает превращаться в живую человеческую плоть и кровь.

– Согласна ли ты со мной? – прервал Пушкин долгое молчание жены.

Прежде чем ответить, она достала из дамской сумочки пахитосницу. Натали воспользовалась немецкими спичками, которые считались чудом не только во всей Европе, но даже в самой Германии.

– Не наша вина, что мы живем в мире мужчин и женщин, – покачала головой Натали и невесело добавила, выдыхая едкий дым: – Да ты и сам лучше меня об этом ведаешь, если вожделеешь даже своих родственников...

Пушкин как-то странно дернулся, по его лицу пробежала и быстро исчезла нервная судорога. Намек жены, судя по ее высказыванию, знавшей больше, чем подозревал сам Пушкин, ввел его в состояние непродолжительного и весьма неловкого замешательства. Но, моментально взяв себя в руки, господин поэт скрыл свои чувства, не позволив им более отражаться на лице, и продолжил:

– И все-таки, душа моя, для всех будет лучше, если ты прекратишь общаться с Дантесом и его отцом во избежание излишних толков в свете.

– Тогда представь меня прикованной к этому дереву цепью и подумай, как скоро

наступит тот день, когда ты начнешь ревновать меня сначала к дереву, а потом уже и к самой цепи.

– Дело не в этом.

– А в чем?

Пушкин на минуту задумался и вспомнил, как однажды зимой на балу в Москве впервые увидел совсем юную Наталью Гончарову. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в тот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. И Пушкин не был исключением, более того, он влюбился в нее сразу и бесповоротно. Хотя, даже пребывая в самом восторженном состоянии духа, не забывал и двадцатилетнюю Екатерину Ушакову, за которой в ту пору ухаживал...

Венчание происходило в церкви Вознесения, что в Москве у Никитских Ворот. В тот день Натали была совершенно изумительна. Протоиерей Иосиф Михайлов, соединив руки Пушкина и Гончаровой и обведя их вокруг аналая, пропел: «Исайя ликуй!» Это было воистину божественно...

Выражение лица Пушкина изменилось, глаза потеплели, а дыхание стало менее стеснено.

– Дело в том, – медленно и внушительно произнес он, – что я сам хочу быть этой цепью и деревом одновременно. Хочу быть прикованным к тебе на веки вечные, и ты обязана это понимать. Ведь даже если моя ревность убьет меня, так, значит, ты того стоишь.

– Не говори этих ужасных слов! Никакая красавица в мире не стоит твоей смерти! – вскричала Натали, бросив на землю недокуренную пахитоску.

– А ты стоишь, – упрямо заявил поэт. – Ты стоишь большего, чем вся моя жизнь. Ведь с твоим лицом нельзя сравнить ничто на свете, а душу твою люблю еще более твоего лица.

Прежде, в трогательные минуты откровения, он убеждал себя в необходимости душевных излияний. Теперь же ему было не до подобных самоубеждений, поскольку он чувствовал глубокую необходимость в искренности и нежности по отношению к любимой женщине. Пушкин сделал шаг навстречу жене, взял ее руку в свою и поднес к губам. Натали легко вздохнула и, с чувством глубокой нежности, прижалась щекой к щеке мужа. На какое-то время они замерли, чувствуя себя безмерно счастливыми...

...Не успел дым рассеяться, как Пушкин, получив болезненно сильный удар в живот, будто надломленный упал лицом на запорошенную снегом шинель, и к нему тут же бросились секунданты.

– Что с тобой? – первым спросил Данзас.

– Кажется, у меня раздроблено бедро, – с трудом ответил раненый поэт, после чего оперся левой рукой на снег и слегка приподнялся.

Секунданты склонились над ним, желая помочь, но Пушкин с досадой покачал головой, поскольку они неверно истолковали его движение:

– Подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

И он уже хотел было навести свой пистолет на Дантеса, но Данзас не дал ему этого сделать, поскольку дуло было забито снегом. Приняв пистолет из холодной руки друга, он подал ему другой и вновь отошел в сторону.

Уже торжествующий Дантес вынужден был вернуться за барьер, чтобы дать возможность противнику произвести свой выстрел.

«Правильно ли я сделал, что не послушался старика? – крутилось в его голове. – Стоило ли надеть кольчугу? Неужели она бы меня спасла и сейчас все так банально закончится? Неужели цель, к которой я добирался с таким большим трудом, стоит моей смерти? О Боже! Защити раба Твоего! Святая Мадонна, не дай мне пасть столь юным на чужбине...»

Мысленно произнося эту молитву, он повернулся боком и прикрыл грудь правой рукой, приняв классическую защитную позу дуэлянта. Дуэльными правилами это не возбранялось, как не возбранялось и прикрываться собственным массивным пистолетом. Именно это, столь своевременное изменение положения и спасло ему жизнь.

Опершись левой рукой, полулежа, Пушкин, страдая и преодолевая физическую боль, долго прицеливался, бледный, вероятно, с затуманенным взором он явно метил в сердце. Ярко-красное пятно медленно расплывалось по его одежде, кровь просачивалась сквозь бекешу и алой тонкой струйкой стекала на снег. Пушкин спустил курок. Раздался грохот выстрела, повторившийся многократным эхом в голове Дантеса. Пуля, выпущенная быстро слабеющим Пушкиным, пробила руку его противника и расплющилась о пуговицу двубортного конногвардейского мундира.

Дантес упал навзничь как подкошенный. При виде этого Пушкин воскликнул «Браво!» – после чего подбросил пистолет и обессиленно рухнул на снег.

Растерянные секунданты, стоя между двумя поверженными противниками, какое-то время не знали, с которого начать, а потом, придя в себя, подтащили истекающего кровью и потерявшего сознание Пушкина поближе к всего лишь контуженному Дантесу.

– Убил ли я его? – неожиданно придя в себя, поинтересовался поэт у склонившегося над ним д'Аршиака.

– Нет, вы его ранили.

– Я думаю, что я ранен в грудь, – послышался тихий голос Дантеса.

– Странно. Я думал, что мне доставит удовольствие убить его, но теперь чувствую, что это почти огорчает меня... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, начнем снова...

И Пушкин, дойдя до полного изнеможения и снова потеряв сознание, упал лицом в снег, обгаренный собственной кровью. Он лежал недвижимо, будучи не в состоянии пошевелиться, но находившимся рядом секундантам показалось, что Пушкин по-прежнему в состоянии слышать и даже видеть происходящее вокруг него. Обоим почудилось, что едва видимая душа поэта кружится над их головами, словно бы раздумывая: вернуться ли ей обратно в брненное тело или сразу податься на небеса? От этого чувства у д'Аршиака по спине побежали мурашки, а Данзас, чтобы опомниться и прогнать наваждение, решительно растер лицо снегом и сказал:

– Нельзя терять времени. Грузим его в сани!

И секунданты волоком потащили страдальца к саням, стоявшим далеко за хлипким забором, оставляя на снегу кровавый след...

Санкт-Петербург, Ново-Волковское кладбище, 2004 год

Узнав об убийстве своего злейшего врага Кукольника, стоившем жизни его лучшего киллера, Герман Петрович помянул их обоих, только одного – добрым словом и благодарностью, а второго – матерным напутствием в ад. Более того, предоставив милиции заботу о похоронах Тихого, он тайком отправился на похороны Кукольника, происходившие на татарском участке Ново-Волковского кладбища, чтобы до конца испытать сладкую чашу мести. Как говорилось в романе «Королева Марго», «труп врага всегда пахнет хорошо».

Давно замечено, что на определенный тип людей – ныне, как правило, это натуры нервные и романтические – вид смерти действует крайне возбуждающе. Как уверяют историки, на закате Средневековья эта тенденция имела всеобщий характер. Так, на некогда знаменитом парижском кладбище Невинноубиенных Младенцев кости и черепа были грудami навалены в склепах, а также в верхней части галерей, обрамлявших кладбище с трех сторон... Среди непрерывно засыпаемых и вновь раскапываемых могил гуляли и назначали свидания. Подле склепов ютились лавчонки, а в аркадах, украшенных символикой плясок смерти, слонялись женщины, не отличавшиеся чересчур строгим нравом...

Как ни странно, но интерес к образам смерти и разложения не столько вызван людским страхом перед смертью или потусторонним миром, сколько является признаком самой страстной и неистовой любви к миру земному и болезненного осознания неизбежной гибели, на которую обречен каждый из людей. И это осознание максимально возбуждает человеческие чувства, придавая им исключительную остроту.

Если потусторонний мир действительно существует, то каждый отправится туда своим

путем, который будет продолжением его жизненной дороги. Бывших пассажиров общественного транспорта и посетителей вещевых рынков ждет скромный автобус со специально сделанной задней дверцей, простые сосновые гробы, обитые красным кумачом и траурными лентами, и железный типовой крест с приваренной металлической дощечкой. Зато владельцы роскошных «мерседесов» и завсегдатаи самых дорогих магазинов и ресторанов поедут в свое последнее путешествие не иначе как в катафалке – тоже, кстати, «мерседесе» – в дорогом гробу красного дерева с бронзовыми ручками, заказанном по американскому похоронному каталогу The Last Way. А сами похороны окажутся всего лишь поводом потусоваться шикарно одетым мужчинам и женщинам, у большинства из которых не хватит такта хоть ненадолго отключить свои проклятые мобильники, украшенные камешками от Swarovski, или воздержаться от необъяснимой страсти россиян бросать «бычки» в лужи! И погребут бывших хозяев жизни на престижной аллее престижного кладбища, водрузив сверху массивное мраморное изваяние в виде блистающего на солнце бюста покойного или горько плачущего ангела.

А что, интересно, сказали бы их отлетающие души, если какой-нибудь настоящий ангел вздумал по дороге на небеса взять у них интервью? Можно не сомневаться, что первым делом они выразили бы уверенность в том, что и в загробном мире им удастся устроиться не хуже, чем в мире подлунном, получив подходящий им статус и обретя соответствующую компанию...

Именно так выглядели похороны чечено-грузинского вора в законе Шамиля Ангиллаева по кличке Кукольник, за которыми тайком подглядывал злорадствующий Пономарь. Более того, косясь на помпезный памятник с черными мраморными колоннами и мусульманским куполом луковкой с позолоченным полумесяцем, он испытывал столь адское желание помочиться на могилу своего ныне покойного противника, что набрался терпения, дождался окончания похорон и, когда толпа разошлась, оставив вокруг памятника свежие венки, сполна осуществил заветное желание.

На его несчастье, этот оскорбительный для покойного Кукольника проступок не остался незамеченным – что и доказали события следующего дня. Герман Петрович еще только собирался на работу, когда в дверь его кабинета постучал один из заехавших за ним охранников.

– Чего тебе? – бесцеремонно спросил Пономарь.

– Шеф, вам тут подарок доставили. – И охранник аккуратно разжал могучую ладонь, показав небольшой прямоугольный сверток, аккуратно заклеенный со всех сторон в плотную бумагу.

– Это еще что за хреновина? – подозрительно поморщился Герман Петрович. – Кто доставил?

– С почты.

– Ты уверен?

– Я сам расписался в получении.

– Ну, раз сам расписался, то сам и вскрывай, – хмуро скомандовал Пономарь, – только не здесь, а за дверью.

– Хорошо.

Несколько стухнувший охранник послушно вышел, а Герман Петрович замер в кресле, ожидая результатов «вскрытия». Если бы раздался взрыв, то он бы удивился этому значительно меньше, чем раздавшемуся за дверью воплю ужаса.

– Шеф, – завопил охранник, врываясь обратно, – вы только взгляните на эту гадость!

В небольшом, плотно закупоренном флаконе плавал заспиртованный, укоризненно покачивающийся указательный человеческий палец. Причем на пальце восседал скромный серебряный перстень Кукольника, с которым он не расставался с шестнадцатилетнего возраста. Пономарь замер, поняв, что его жизнь в гораздо большей опасности, чем раньше.

Когда Никита, Наташа, Евгения и Лиза позвонили в дверь, им открыла стройная голубоглазая девушка немного старше двадцати лет. То была известная нам Монро. На ней была только длинная рубашка, достигающая середины бедер, да изящные туфельки на высоких каблуках. Сквозь полупрозрачную ткань рубашки пикантно просвечивали красные трусики. Взгляд девушки, которым она окинула своих ночных гостей, был далек от трезвого, но в то же время внимательный и весьма многоопытный.

– Познакомьтесь, красотки, это Монро, – весело сказал Никита, целуя хозяйку, действительно чем-то напоминавшую незабвенную американскую киноактрису Норму Джин, в подставленную щеку.

– Заходите скорей, – мельком оглядев запоздалых гостей, потребовала она, – а то вы меня простудите.

Но не о простуде беспокоилась Надежда. Теперь она жила каждодневным ожиданием прихода бандитов или милиции. Причем надежду на приход вторых лелеяла куда больше, чем первых. Ведь после участия в заказном убийстве и фактически став сообщницей Тихого, она понимала, что теперь ей грозит или пуля в лоб, или тюремное заключение. А посему студентка-филологичка старалась не оставаться дома одна, устраивая в своей съемной квартире постоянные пьянки и оргии.

– Ничего, сейчас все согреется, – засмеялся Никита. – Кстати, поздоровайся с Евгенией и Наташей.

– Это твой новый гарем? – шутливо заметила Монро, изображая беззаботность. – А как же я?

– Ты вне конкурса... А Евгения и Наташа – самые замечательные актрисы нашего города. Недаром же им доверили исполнять роли сестер Гончаровых.

– Ладно тебе, что ты, – засмущалась Наталья, в то время как Евгения и бровью не повела. – Привет. Извините за столь поздний визит.

– Ничего страшного, подруга, – снисходительно улыбнулась Монро, – у нас еще полночи впереди.

– Но мы же ненадолго... – И Наташа неуверенно оглянулась на Никиту, который уже снимал с нее дубленку: – Ты же обещал!

– Ну разумеется, ненадолго, – подтвердил он, – выпьем еще шампанского, потанцуем – и по домам.

– Может, не надо больше шампанского, а то мне как-то нехорошо?

– Это потому, что ты мало выпила, – захихикала Лиза, успевшая раздеться раньше всех. – Сейчас выпьешь еще – и все пройдет.

– А вот я готова пить всю ночь! – громко заявила Евгения и посмотрела в упор на Никиту, который тут же спохватился и, помогая ей снять пальто, одобритительно заметил:

– Вот это слова настоящей леди... Или куртизанки, что, впрочем, почти одно и то же...

Когда гости разделись, Монро проводила их в гостиную. Большая комната была освещена только ароматизированными свечами, расставленными по углам. У полукруглого эркера находился огромный диван, обитый гламурным розовым плюшем. Сбоку от него притулился столик на больших хромированных колесах, заставленный бутылками с иностранными этикетками.

Из динамиков лилась медленная тягучая музыка, под которую в центре комнаты, не обращая ни малейшего внимания на вошедших, танцевала полуобнаженная пара. На молодом человеке были только джинсы, а на девушке – белый бюстгальтер и короткая джинсовая юбка. Держа в руке дымящуюся сигарету, кавалер медленно и томно делал танцевальные па вокруг своей дамы, которая, свесив голову на левое плечо, совершала вращательные движения бедрами.

– Этого бездельника зовут Бориска, а мою подругу – Лера, – обернувшись к Наташе и

Евгении, пояснила Монро, после чего громко скомандовала: – Ребята, познакомьтесь! К нам пришли очень красивые и талантливые актрисы – Наташа и Евгения.

– Если они такие красивые и талантливые, – не поднимая глаз, тут же откликнулся Борис, – то пусть присоединяются к нам и покажут, на что способны.

– Нет, нет, – испуганно отказалась Наташа, – я лучше пока посижу. У меня что-то голова кружится, да и во рту какая-то странная сухость.

– Это ничего, – радостно заверил Никита, подходя к столику и беря в руки первую попавшуюся бутылку, – это мы сейчас поправим.

Наполнив бокалы, он почти насильно сунул один из них в руку Наташе и не отходил от нее до тех пор, пока она не выпила все до дна. Потом обнял Монро за талию и присоединился к Борису и Лере.

– Ну что, тебе уже лучше? – тем временем поинтересовалась Лиза, ласково поглаживая Наташу по голове и плечам. – Расслабься, сейчас все будет хорошо... Присоединиться не хочешь? – И она кивнула в сторону танцующих.

– Нет, что ты! Я лучше посижу и посмотрю. – И она утомленно откинулась на подушки.

– Было бы на что смотреть! – вставая на ноги, заявила Лиза и незаметно подмигнула Никите, который, оставив Монро, снова принялся наполнять бокалы. Теперь он пригласил на танец Евгению, которая явно решила в тот вечер напиться, поскольку не выпускала из рук бокала, постоянно пополняемого новыми порциями вина.

Вскоре, особенно после того, как хозяйка дома достала откуда-то с книжной полки папиросу с марихуаной и пустила ее по кругу танцующих друзей, «посмотреть» действительно стало на что! Вечеринка начала плавно перетекать в сексуальную оргию, причем все началось с того момента, когда из динамиков полилась любимая мелодия эротоманов всего мира – «Эммануэль».

В комнате, заполненной ароматным дымом, Борис медленно танцевал с Лизой, Никита, усадив захмелевшую Евгению в кресло, – с Монро, а Лера толкалась среди них в гордом одиночестве. Стоило Борису поцеловать свою партнершу в шею, как Лиза, словно бы только этого и ждала, слегка отстранилась и, проворно стянув свитер, кинула его в сторону изумленной Наташи. В это же время Никита жадно ощупывал грудь Монро, будто желавшей по полной программе надышаться перед смертью, что-то шепча ей на ухо и поглядывая в сторону Наташи, которая глупо улыбалась и периодически протирала глаза, словно бы пытаясь стряхнуть с себя странное наваждение.

Именно поэтому она даже не сразу заметила, как Никита оказался справа от нее, а Лиза слева. Их ласковые руки стали поглаживать ее и раздевать. Сначала она ничего не поняла, тем более что увлеклась разыгрывающимся перед ее глазами сеансом мужского стриптиза – это Монро и Лера совместными усилиями стянули с Бориса джинсы, после чего, быстро обнажившись сами, принялись сладострастно тереться о его тело, причем каждая, отталкивая руки подруги, так и норовила первой завладеть его стремительно растущим мужским достоинством.

Какая-то беспорядочная сумятица рук, тел и губ – и все это под медленную страстную музыку. Пока Борис целовал Леру, жадно втягивая в свой рот ее покорный язык и ощупывая груди, Монро присела на корточки и завладела его членом, облизывая его старательно высунутым языком. Потом положение переменялось – теперь уже Борис целовался с Монро, просунув при этом свободную руку между раздвинутых бедер Леры, которая покрывала быстрыми, легкими поцелуями его грудь и живот.

Наташа была так увлечена этой «живой порнографией», что позволила Лизе снять с себя кофту и расстегнуть бюстгальтер – лишь бы та не мешала смотреть. Очнулась она лишь в тот момент, когда Никита, на мгновение потерявший голову, жадно поцеловал ее в шею, больно прихватив губами нежную кожу.

– Ай! Ты что делаешь! – вскричала она, пытаясь оттолкнуть его подальше.

– А что? – с притворным изумлением спросил Никита. – Нам же так хорошо – всем

вместе.

– Прекрати!

И тут она почувствовала, что Лиза уже задрала на ней юбку и теперь пытается стянуть колготки.

– Да что это вы все, с ума посходили! – И Наташа попробовала встать с дивана, но Никита и Лиза не позволили ей этого сделать. – Отпустите меня, сумасшедшие, мне домой пора!

Она еще пыталась сопротивляться, мотала головой, уворачиваясь от их поцелуев, упорно сдвигала колени, но все было тщетно...

Изрядно запьяневшая Евгения пыталась внимательно следить за всем происходящим, отодвинувшись подальше и сильно вжавшись в кресло, уже никем не замечаемая.

Очнулась Наташа лишь на следующее утро и, открыв глаза, обнаружила себя лежащей все на том же диване. Из одежды на ней были одни трусики, зато кто-то заботливо укрыл ее тонким шерстяным пледом. Комната была пуста, и это удивило Наташу больше всего. Пошатаваясь, она с трудом поднялась с дивана и принялась искать свои вещи. Юбку и кофту ей удалось найти почти сразу – они валялись тут же, на полу, однако с бюстгалтером все оказалось гораздо сложнее. Изнемогая от усталости и головной боли, Наташа трижды прошлась по комнате, хранившей неприглядные следы вчерашней оргии, прежде чем почувствовала, как своей взлохмаченной макушкой постоянно что-то задевает.

Подняв глаза, она с отвращением увидела, что люстра была увешана разноцветным женским бельем! Найдя свой бюстгалтер, Наташа поспешно сдернула его, оделась, подхватила сумочку и вышла в коридор.

Проходя мимо спальни, дверь в которую была полуоткрыта, она не удержалась от того, чтобы заглянуть внутрь. Все пятеро участников вчерашней оргии вповалку лежали на широкой постели. При этом Монро и Лера даже во сне продолжали обнимать Бориса, в то время как Никита и Лиза распластались на спине, причем ее обнаженные ноги покоились у него на груди. Единственная, кого здесь не было и о ком Наташа вспомнила в последнюю очередь, – это Евгения. Она исчезла так незаметно, словно ее и не было вовсе.

«Ох, поскорей бы мне отсюда выбраться!» – подумала Наташа, ожесточенно сдирая с вешалки свою дубленку, которая за что-то зацепилась. С грохотом уронив на пол чьи-то вещи, она добилась того, что из спальни показался заспанный Никита, обмотанный вокруг талии полотенцем.

– Привет, детка, ты куда? – зевая, самым невозмутимым тоном поинтересовался он.

– Домой, разумеется! – сквозь зубы процедила Наташа, отводя ненавидящий взгляд от «этой самодовольной рожи».

– Я тебя провожу.

– Не надо!

– Да ладно тебе напрягаться! Подумаешь, слегка напились и немножко почудили... Ох, черт, извини. – И он наклонился, чтобы подобрать упавшее полотенце.

– Как – почудили? – встрепелась Наташа, отводя глаза от обнаженного тела собеседника. – Что ты имеешь в виду? Что вы со мной сделали?

– Что смогли, дорогуша... Что смогли. Главное, чтобы ты осталась довольна...

У Наташи затряслись руки, лицо побагровело, а глаза потемнели от злости. Еще немного – и она набросилась бы на Никиту с кулаками. Он вовремя понял ее состояние, поэтому поспешно замотался полотенцем и примирительно заметил:

– Не напрягайся, Натали, ну что ты... Ничего мы с тобой не сделали, успокойся! Ну, поласкали немного, но, когда ты вырубилась, мы все перешли в спальню, чтобы тебя не беспокоить. Неужели ты забыла о моих чувствах к тебе и подумала, что я могу тебя чем-то оскорбить?

– Нет, правда? – пропустив мимо ушей его последнюю фразу и подавив вздох облегчения, обрадовалась Наташа. – Вы меня не трогали?

– Нет, разумеется, – ласково улыбнулся Никита. – Мы же все друзья, разве ты забыла?

Она неопределенно пожала плечами, словно бы говоря: «С друзьями так не поступают», однако Никита, восприняв этот жест как знак примирения, тут же заторопился:

– Вот и отлично. Подожди буквально пять минут, а я быстренько оденусь, поймаю тачку и отвезу тебя домой...

– А где Женя?

Никита напрягся, стараясь вспомнить подробности вчерашней тусовки, по привычке потер виски и наконец ответил:

– А черт ее знает!

А Евгения, сама того не ожидая, попала из огня да в полымя. Выскочив из квартиры Монро, когда уже начало светать, она остановила новенькую «Ладу». В машине оказалось четверо – молодой, красивый, светло-русый мужчина с голубыми, мечтательно-ласковыми глазами и, на заднем сиденье, три молодые женщины разной степени привлекательности – коротко стриженная шатенка, чуть полноватая блондинка и худенькая брюнетка.

– Садитесь, – вежливо предложил водитель, когда она назвала адрес, и открыл ей переднюю дверцу.

– Спасибо, что остановились, – усаживаясь рядом с ним, поблагодарила Евгения.

– Не за что.

Машина тронулась с места, а девушки, сидевшие сзади, принялись тихо переговариваться. Евгения чувствовала, что является предметом обсуждения, однако делала вид, что ее это не касается.

– Хотите, поедem к нам? – неожиданно предложил водитель. – Меня зовут Даниил, а моих спутниц – Света, Валя и Лида.

– Полина, – неожиданно для себя солгала Евгения. – А вы что, живете вместе? – Про себя она решила, что девушки – студентки, которые снимают комнату у Даниила.

– Да, мы живем вместе, – спокойно подтвердил он. – Так что, едем?

– Почему бы и нет? – неожиданно для самой себя согласилась Евгения, которой очень не хотелось возвращаться в коммунальную квартиру с вечно пьяными и скандальными соседями.

Четырехкомнатная, недавно отремонтированная квартира располагалась в старом доме, в центральной части города. Первым делом Евгения захотела принять душ. Уже забравшись в ванну и включив воду, она вдруг обнаружила, что на двери не было защелки. Поначалу это ее не слишком смутило, однако потом, когда в ванную комнату по очереди заглянули все три девушки – одна якобы за зубной щеткой, другая – чтобы предложить «Полине» халат, третья – полотенце, ее это стало несколько нервировать, поскольку каждая из девушек внимательно рассматривала обнаженную гостью. Однако если они – лесбиянки, то какую роль здесь играл Даниил, тем более что именно он-то в ванную не заглядывал и видом обнаженной «Полины» не интересовался? Лишь однажды постучал в дверь и спросил, хочет ли она есть.

– Нет, зато безумно хочу спать.

– Прекрасно, мы уже постелили в отдельной комнате, где вас никто не потревожит.

«Сомневаюсь», – подумала про себя Евгения, но отступить уже было поздно.

Закончив омовение и обернувшись в просторный халат, она вышла из ванной, и худенькая брюнетка Лида проводила ее в небольшую комнату, в самом конце огромного коридора. В комнате стояла кровать, кресло, трюмо и небольшой платяной шкаф.

– Располагайся, Полечка, – ласково предложила Лида, – и можешь спать сколько захочешь, мы постараемся не шуметь.

Благодарно улыбнувшись, Евгения сбросила халат на кресло и с блаженным вздохом нырнула под одеяло. Лида вышла, не забыв задернуть темно-бордовую штору и прикрыть за собой дверь.

Евгения надеялась, что после столь бурной ночи она мгновенно провалится в сон и проспит как минимум целые сутки, но, увы, возбужденные нервы и разыгравшееся

любопытство мешали воплотиться в жизнь столь желанному замыслу.

Куда же она все-таки попала и не заставят ли ее тем или иным способом расплачиваться за гостеприимство? А вдруг это не студенты, а какие-нибудь сектанты или – того хуже – сексуальные извращенцы? Какого черта они заходили ее осматривать?

«Впрочем, – вздохнула она перед тем, как уснуть, – что бы теперь ни случилось, во всем будешь винить только себя, голубушка!»

К своему удивлению, проспала она совсем немного и проснулась к обеду. Именно за этой трапезой Евгения поняла, что одно из ее предположений оказалось абсолютно верным. Даниил был главой секты так называемого «трансцендентального тантризма», а все три «гурии», как он шутя называл своих девушек, – преданными сторонницами проповедуемого им учения, в обязанности которых входило завлекать все новых и новых адептов. Самая большая из комнат его квартиры была отведена под лекционный зал, причем, как объяснили девушки, лекции были платными, проходили по вторникам и субботам и собирали немалое количество самой разношерстной публики.

Впрочем, специально для Евгении главный тантрист решил сделать исключение и лично посвятить ее в суть исповедуемого им учения, для чего пригласил ее в собственную комнату, уставленную индийской атрибутикой, начиная от философской литературы и кончая мешочками с благовониями.

– Надеюсь, вы еще не успели прийти к выводу о том, что угодили в гнездо разврата, где только и делают, что занимаются групповым сексом? – спросил он настолько серьезным тоном, что Евгения, не зная, как реагировать на его слова, пожала плечами и неуверенно качнула головой. – Полина, вам что-нибудь известно о тантризме вообще и самой глубокой его разновидности – трансцендентальном тантризме?

– Нет.

– В таком случае присаживайтесь на этот стул, а я постараюсь доходчиво вам все объяснить.

«Надеюсь, для этого тебе не придется снимать брюки», – мысленно усмехнулась Евгения, которая в глубине души опасалась именно этого.

– Вообще говоря, тантризм – это древнейшее религиозно-философское учение Индии, связанное с культом женских божеств и тех самых, считающихся священно-магическими процедур, благодаря которым и обеспечивается воспроизводство человечества, – тоном опытного лектора и без малейшей улыбки на лице начал Даниил. – Все в мире эволюционирует из единого духовного первоначала, приобщение к которому человек-Микрокосм переживает наиболее ярко в трех случаях – рождения, секса и смерти. Поскольку Микрокосм и Макрокосм являются по своему строению тождественными, ключ к познанию природы можно найти в познании человека. С этой целью в тантризме разработано немало психофизических упражнений, именуемых садхана. Главная цель тантризма как религиозного учения – это духовное освобождение – мукти, однако, в отличие от подавляющего большинства других религий, эта цель органично сочетается с бхукти – получением наслаждения.

– А это самое наслаждение обязательно получать всем вместе? – неуверенно поинтересовалась Евгения. – Я имею в виду, что – вдвоем уже не получится?

Даниил снисходительно улыбнулся.

– Ваши сомнения – это сомнения цивилизованного человека. Но тантризм зародился во времена первобытно-общинного строя, когда так называемый «свальный грех» считался вполне естественной вещью – если хотите, групповым браком. Но дело совсем не в сексе и не в том, кто и с кем этим занимается, – вы не уловили самого главного!

– А что же главное?

– Приобщение к высшему мировому началу, слияние собственной энергетики, высвобожденной благодаря специальным сексуальным упражнениям, с энергией Космоса. Это не только исцеляет тело, но и просветляет душу, поднимая ее до невиданных прежде высот.

«Красиво излагает, – невольно залюбовавшись голубыми глазами проповедника, подумала Евгения. – Интересно, скольких девушек он подобным образом соблазнил... Тупые мужики ловят женщин на самые примитивные наживки типа денег или мужского обаяния, а этот видишь куда загнул – обещает приобщить к мировому первоначалу... А что, может, действительно попробовать?»

– У вас появились какие-нибудь вопросы?

– Да, как минимум один вопрос меня интересует, – кивнула Евгения, перекладывая ногу на ногу, что не ускользнуло от внимательного взора Даниила. – Как быть с ревностью? Я понимаю, что в первобытном обществе ее не существовало, но что делать людям, воспитанным в условиях моногамной цивилизации?

– Об этом вам лучше спросить у Светы, Лиды или Вали. – Впервые за весь разговор тантрист позволил себе чуть заметную улыбку. – По моему мнению, ревность – это глупейшее и архаичное чувство, сокращающее жизнь индивида сильнее алкоголя или табака. Что может быть печальнее истории, которая произошла с одним моим институтским приятелем? Его любимая девушка вышла замуж, и он повадился приходить под ее окна – а она жила на пятом этаже, – чтобы рыдать от горя. Поскольку дело было зимой, однажды он выпил слишком много, упал в сугроб и замерз насмерть.

– Бедняга! – пробормотала «Полина». – Так ваш тантризм избавляет от ревности?

– На сто процентов. Хотите попробовать?

Евгения давно ждала этого вопроса, поэтому ответила без запинки:

– Я бы хотела перестать ревновать одного человека, однако не очень верю, что вы сможете мне помочь. Тем не менее я бы с интересом посмотрела на ваши... – она чуть было не сказала «игры», – упражнения.

– Прекрасно, – разом оживился Даниил, – тогда мы охотно их вам продемонстрируем!

Демонстрация состоялась тем же вечером и доставила Полине немало волнующих минут.

После долгого омовения в ванной все три девушки вошли в комнату Даниила в разноцветных халатах, сбросили их прямо на ковер и по очереди опустились на постель, где уже лежал полностью обнаженный проповедник. Евгения наблюдала за их действиями, забившись в угол комнаты. Во всех четырех углах стояли подсвечники, где дымились какие-то индийские благовония.

У Даниила была прекрасная фигура – ничуть не хуже, чем у знаменитого Давида работы Микеланджело, да и каждая из девушек была хороша по-своему. Блондинка Света обладала отменно пышной грудью с большими розовыми сосками и не менее пышными ягодицами, худенькая брюнетка Лида отличалась прекрасной грацией, смуглой кожей и яркими чувственными губками, а у шатенки Вали были удивительно красивые ноги и, судя по ее поведению, самый необузданный темперамент. Предварительная стадия была то ли давно отрететирована, то ли четко следовала какому-то тантрическому ритуалу. Три девушки, гибкие как змеи и страстные как гетеры, медленно ласкали обнаженное тело своего повелителя, а также друг друга, ухитряясь при этом переплетаться столь тесным образом, что немало возбужденная Евгения порой не могла различить, кому принадлежала та или иная рука или нога.

Светлана, встав на четвереньки над лежащим Даниилом, облизывала языком пальцы его ног, Лида лежала сбоку, лаская губами его левый сосок и проводя рукой по бедрам, а сам Даниил, одной рукой лаская Валентину, а другой обнимая Лиду, проворно играл языком с промежностью сидевшей на нем Валентины, которая стонала, охала и слегка раскачивалась на бедрах.

Затем положение постепенно начало меняться – Светлана перевернулась на спину, а Даниил, целуя ее груди, лег на нее сверху, слегка повернувшись боком, чтобы Лида смогла взять его член в рот. Валентина, одновременно поглаживая всех троих, завладела свободной рукой Даниила, проводя ею у себя между ног.

Увлеченная Евгения не замечала времени, однако во всем этом красивом, умело

срежиссированном эротическом спектакле ее больше всего поражало выражение глаз его участников. Все четверо или прикрывали веки, делая вид, что полностью отдаются чувственным ласкам, или же холодно наблюдали друг за другом с каким-то привычным цинизмом – и это несмотря на собственные возбужденные стоны и вздохи! Только по-настоящему холодным и пресыщенным людям доставляет удовольствие наблюдать возбуждение других. Неспособные к экстазу, они как пресловутые «энергетические вампиры» впитывают в себя вождление партнеров. Но в данном случае практически все четверо вели себя одинаково холодно, действуя как сексуально-извращенные марионетки из романов маркиза де Сада, – и это поразило Евгению больше всего.

Наконец, Даниил вошел сзади в Валентину, которая в тот момент стояла на четвереньках и целовалась с лежащей под ней Лидой. Светлана пышной грудью прижималась к Даниилу сзади, четко повторяя все его медленные колебательные движения. Никто из них словно бы не замечал присутствия Евгении, и, пользуясь этим, она смотрела во все глаза, жадно облизывая пересохшие губы и слегка подавшись вперед.

И тут произошло нечто неожиданное – стоило Даниилу замереть, как словно по команде замерли его партнерши, после чего все четверо повернули головы и внимательно посмотрели на Евгению. Она задрожала, испугавшись того предложения, которое читалось в сверливших ее взглядах. Не выдержав напряжения внезапно возникшей паузы, Евгения вспыхнула, вскочила со стула и выбежала из комнаты.

– Вам что-нибудь не понравилось? – вежливо поинтересовался Даниил примерно час спустя, уже полностью одетый входя к ней.

Не зная, что ответить, она лишь молча пожала плечами.

– Но вы хотя бы можете поделиться со мной своими впечатлениями?

– Пожалуй, да.

– Тогда сделайте мне такое одолжение.

Евгения наморщила лоб и призадумалась, подыскивая наиболее четкие формулировки. Ей вдруг вспомнилась вчерашняя оргия... Чем она отличалась от сегодняшней? Только поводом для ее начала? Там была анаша, здесь тантризм... Но как объяснить это Даниилу, который, ожидая ответа, внимательно смотрит на нее спокойными голубыми глазами?

– Понимаете, – начала она, – мне кажется, что без страдания нет и не может быть настоящего наслаждения.

– А что же тогда есть?

– Удовольствие. Как бы вам это объяснить... Если вам захотелось пить, то вы можете выпить какого-нибудь сока и получить удовольствие. Но для того, чтобы этот самый сок показался настоящим блаженством, вам нужно промучиться от жажды как минимум три дня! Вы меня понимаете?

– Кажется, да, – кивнул Даниил, – продолжайте, пожалуйста.

– Поэтому мне думается, что во всех ваших играх... извините, занятиях есть нечто холодное и пресное. Ну, чтобы стало понятнее, я попытаюсь привести еще одно сравнение. Многим нравится стриптиз, и они возбуждаются от него даже сильнее, чем от поцелуев или прикосновений. Но те же нудисты, привыкшие к виду обнаженного тела, никакого удовольствия от стриптиза не испытывают – пропадает новизна и загадочность, что ли... Сами они проповедуют естественность, но она примитивна, а самое пикантное состоит в той, я еще раз повторюсь, загадочности, утонченности и рафинированности, на которых построено искусство стриптиза.

– Ага! – задумчиво пробормотал Даниил. – Значит, вам кажется, что в наших занятиях отсутствует элемент загадочности?

– Разумеется! Просто раздеться, лечь в постель и ласкать друг друга – это... – Евгения побоялась обидеть собеседника, но все же повторила уже найденное слово, – это примитивно. А самое интересное состоит в длительном и изощренном процессе соблазнения, состоящем из уговоров, ухаживаний... Ну и многого другого.

– Так вы предпочитаете отношения именно такого рода?

Вопрос застал Евгению врасплох, и она с растерянной улыбкой развела руками:

– Ах, если бы я сама это знала! Меня просто убивает обыденность, постоянство, естественность и неприхотливость, поскольку все это напоминает какую-то медленно текущую, мутную реку, плывя по которой рано или поздно окажешься у водопада, за которым находится смерть! Ах, если бы у меня был хоть какой-нибудь талант, способный озарить даже самые серые будни! Или если бы мне повезло, и в меня влюбился какой-нибудь яркий и необычный человек...

– Мне кажется, что вы сами влюблены в такого человека, – с неожиданной проницательностью заметил Даниил.

Евгения глубоко вздохнула и молча наклонила голову, почувствовав, как ее глаза начинают наполняться слезами.

– В таком случае вам придется нас покинуть. Приходите вновь, когда сумеете избавиться от гнетущих вас страстей, ибо занятия тантризмом требуют просветленного состояния духа...

Глава 17

Никита сдержал свое обещание и действительно проводил Наташу до самого дома. Поскольку всю дорогу он вел себя очень мило и предупредительно, беспрестанно вышучивая «то, как мы все вчера напились» и пародируя пьяную Лизу, Наташа настолько успокоилась, что на прощание позволила ему поцеловать себя в щеку.

Дверь ей открыла младшая сестра Ольга.

– Привет, Натали, где это ты загуляла?

– Ох, не спрашивай ни о чем, – расстегивая дубленку, простонала старшая сестра, – лучше принеси таблетку анальгина и оставь в покое!

– Анальгина? – с нарочитым сомнением усмехнулась младшая. – А может, лучше за пивком сбегать, подруга, опохмелишься?

– Отстань, ехидна! И если будут звонить, говори, что меня нет дома.

– А если тебе позвонит наследный принц Монако и предложит выйти за него замуж?

– Поговори с ним моим голосом и скажи, что ты, то есть я, согласна...

– Вот спасибо! – засмеялась Ольга.

Она была младше Натальи почти на пять лет, зато отличалась удивительно вздорным характером, в котором жевательная невозмутимость (то есть та невозмутимость, которая появляется на лице у человека, жующего жвачку) порой сочеталась с самыми отчаянными выходками. Одна из них, которую она выкинула еще в возрасте пятнадцати лет, особенно запомнилась всем членам семьи.

Маясь от безделья, Ольга с подружкой додумались до того, что рисовали тушью на кальке изящно сложенные фиги, затем наклеивали их на смотровые «глазки», звонили в двери и убегали. «Хорошо, хоть не фаллосы», – со вздохом заметил их отец.

Внешне сестры были не слишком похожи – Ольга была очень симпатичной, стройной девушкой с трогательным полудетским выражением лица, которое сменялось прямо-таки жутким коварством, когда ее увлекала очередная проделка. На ее задумчивые глазки и стройные ножки клевало столько мужчин всех возрастов и положений, что звонков на домашний телефон с просьбой «позвать Олю» было много больше, чем приходилось на всех остальных членов семьи, вместе взятых. Но самое интересное состояло в том, что Ольга вела себя с мужчинами так, что старшая сестра ей только завидовала! Иначе говоря, в ней была такая уверенность и можно даже сказать – небрежность, что это приводило поклонников в полный восторг.

К счастью, вкусы у сестер были разные, поэтому ревности между ними не возникало. Да и в одежде они отличались – Наталья любила юбки, а Ольга не вылезала из плотно обтягивающих джинсов, хотя ножки у нее были отменные и лишь бедра слегка толстоваты. Школу она закончила еще в прошлом году, но, никуда не поступив, болталась дома,

подрабатывая секретаршей в какой-то конторе, название которой никому не сообщала.

Кое-как стянув сапоги, Наташа первым делом прошла в ванную, где быстро разделась и залезла под горячую воду, стремясь как можно скорее освежиться, смыв с души отвратительные воспоминания вчерашнего вечера, а с тела и волос – омерзительный запах табачного дыма. С каким же удовольствием она насухо вытерлась полотенцем и, распечатав, надела комплект новенького, недавно купленного белья. Любуясь в зеркало на то, как плотно кружевной бюстгальтер облек ее грудь, как эротично просвечивают соски, Наталья вдруг поймала себя на мысли, что не отказалась бы попозировать в таком виде – ведь у нее безупречная фигура и безупречное белье! Чем не находка для любого журнала мод?

При виде выходящей из ванной сестры Ольга пришла в полный восторг.

– Ух, какой гарнитурчик! – воскликнула она и буквально заставила Наталью распахнуть пошире небрежно запахнутый халат. – Французский?

– Да.

– Купила?

– Нет, принц Монако подарил!

– Эх, мне бы кто такие подарки делал... За такой гарнитурчик можно и отдаться!

– Хватит болтать чушь! – рассердилась старшая сестра. – Сама не соображаешь, что мелешь... И вообще, я устала и хочу спать.

Она прошла в свою комнату и с легким стоном повалилась на покрывало. Однако Ольге явно хотелось чем-то поделиться, поскольку она немедленно явилась следом.

– Наташа!

– Чего тебе, прилипала?

– У меня тут, блин, такое случилось, что я даже не знаю, что теперь делать.

– Чего еще случилось?

– Ты будешь слушать, не заснешь?

– Если будет интересно, то выдержу...

– Представляешь, сегодня я вышла с работы в обеденный перерыв, иду по тротуару, никого не трогаю, вдруг сзади подъезжает шикарная тачка – черный «мерс», между прочим! – и какой-то солидный мужик меня окликает, – она изменила голос, передразнивая: «Девушка, а девушка, не хотите прокатиться?»

– Ну а ты?

– А что я? Запросто! Сажусь в тачку, причем у него был телохранитель, прикинь, которого он заставил пересест на заднее сиденье... Короче, покатали, мужик, естественно, как вас зовут, туда-сюда...

– Сколько ему хоть лет?

– А я знаю? На вид около пятидесяти, но выглядит прилично, веселый, бодрый такой, хотя и с лысиной. Но не в этом дело, ты слушай дальше. «Вы, – говорит, – водить умеете?» – «Нет, не умею». – «А хотите научиться?» – «Конечно хочу».

– С ума сошла?

– А чё такого? Я думала, что он шутит, но нет, заехали в какой-то двор. «Давайте, – говорит, – местами поменяемся». Я села за руль, он придвигается ко мне и начинает объяснять – этой ручкой сюда, этой ножкой туда... А потом я вдруг ка-а-ак нажала на какую-то педаль!

– Ну и? – разволновалась Наталья.

– Руль вывернулся, и я прямо в дерево левой фарой.

– Да ты что!

– Серьезно. А он глаза вылупил, ничего не соображает, давится. Ну, думаю, сейчас начнется! Короче, пока он приходил в себя, я выскочила из тачки и бегом обратно на работу. Хорошо, хоть телохранитель не погнался... Вот теперь и думаю – вдруг этот мужик меня как-нибудь найдет и заставит платить. Ну и рожа у него была, когда я убегала! Ой, не могу, меня смех так и разобрал, бегу и смеюсь на ходу...

И Ольга засмеялась, да так заразительно, что и Наталья не смогла удержаться. Вот этим

и отличались приключения обеих сестер – то, что у Натальи происходило всерьез, у Ольги выливалось в какие-то комические, фарсовые ситуации.

Отсмеявшись, Наталья решительно выгнала сестру из комнаты, накрылась пледом и с наслаждением закрыла глаза. Сон явился практически мгновенно, вот только долго спать ей не пришлось...

Очнувшись она от резких голосов в прихожей, после чего кто-то с шумом, даже не постучав, открыл дверь ее комнаты. Наташа с трудом пошевелилась, повернула голову и приоткрыла один глаз, надеясь, что это всего только Ольга. Но, увидев раздраженное лицо Сергея, одним рывком вскочила на постели:

– Ты что?

– Нет, это ты что! – рявкнул он. – Где ты была всю ночь после того, как мы с тобой расстались?

– Я тебе потом все объясню...

– Когда потом? – зло усмехнулся он. – Когда протрезвеешь и сочинишь что-нибудь правдоподобное? Так вот, я могу избавить тебя от необходимости лгать!

– Каким образом?

– Я видел, как этот гад Никитос подвозил тебя на тачке к самому подъезду. И вы еще даже поцеловались! Ты была у него?

– Нет, что ты! – испуганно воскликнула Наташа. – Мы вместе с Женей и с его Лизой были у ее друзей. Очень милые ребята – две девушки и один парень...

– Ага, значит, групповуху устроили?

– Не говори ерунды. – И она сделала попытку рассердиться, понадеявшись на то, что Сергей испугается новой ссоры и оставит ее в покое. – Между мной и Барским ничего не было и быть не могло!

– А зачем ты вообще поехала с ними ночью, если мы с утра собирались на каток? И кто говорил мне, сидя в машине перед расставанием: «Ах, Сереженька, я сегодня так устала, что мечтаю только об одном – поскорей бы добраться до постели!» Ну и до чьей постели ты, интересно бы узнать, добралась?

– Отстань, а? – с неожиданным раздражением потребовала Наташа. – И давай отложим этот разговор до другого раза.

– Сука ты!

И Сергей вышел, с такой силой и злобой хлопнув дверью, что у Наташи задрожали губы, и она немедленно расплакалась. Усевшись на кровать в самый угол, она уткнула голову в колени, пытаясь вообще ни о чем не думать, поскольку все события последних дней, связанные с женихом и его другом, выбили ее из колеи. Если перед приходом Сергея ей и хотелось спать, то его беспочвенные обвинения, породившие чувство глубокой обиды, не давали покоя.

Впрочем, так ли уж беспочвенны были эти обвинения? Ну да, она поверила уверениям Никиты, что они «просто покатаются», но кто заставлял ее оставаться у Монро после того, как началась самая настоящая оргия? Не было никаких сил встать и уйти? Так не надо было напиваться шампанским!

Устав от самообвинений, Наташа с раздражением задумалась о Сергее. А не слишком ли много он себе позволяет, врываясь к ней в спальню и устраивая сцены?

«Вот ведь бесцеремонный кретин! Если он и дальше будет себя так вести, то пошлю его к черту!» – решила она и наконец-то заснула.

Вечером все участники этих бурных событий снова встретились на репетиции. Встретились – и тут же отвели глаза, ничего не сказав друг другу. Наташа прошла в зал, а Сергей поднялся на сцену и лег на диван, после чего, по приказанию неугомонного режиссера, его немедленно опутали цепями.

– Эти цепи будут символизировать грехи, которые всю жизнь опутывали Пушкина с головы до пят, – пояснил Воронцов. – И по мере продолжения исповеди они будут отползать

от поэта, как змеи. Для этого Данзас и д'Аршиак станут тянуть из-за кулис за привязанные к цепям лески...

В этот момент в зале появился запыхавшийся Никита. Извинившись перед режиссером, сурово покачавшим головой, он быстро прошел в зал и сел рядом с Наташей. Заметивший это Сергей побагровел от ярости, и перед его глазами ускоренными кадрами замелькали картины сегодняшнего утра. Вот он покупает букет алых роз и едет к дому своей невесты, мурлыкая под нос любимый отрывок из Первой симфонии Чайковского. Но прямо перед подъездом его обгоняет желтое такси. Никита выходит первым, помогает выйти Наташе, потом целует ее в щеку, и она тут же забегает в парадное. Затем мерзавец Барский садится обратно, и такси тут же уезжает.

Разъяренный Сергей пытается его преследовать, но не справляется с управлением, и колеса вязнут в сугробе. Тогда он выскакивает из «корейки», втаптывает розы в снег и кричит: «Будь ты проклят! Скотина! Подонок! Ненавижу тебя!»

Естественно, что после таких воспоминаний ему стоило больших трудов сосредоточиться на разглагольствованиях режиссера:

– Итак, Александр Сергеевич, теперь о главном. Вам надо понять, что после дуэли в Пушкине умер безрассудный ревнивец, действовавший под влиянием страсти; и родился человек новый, посылающий христианское прощение врагу и смиренно принимающий смертное страдание.

– Вы действительно думаете, что он полностью простил Дантеса? – глухо пробормотал Пушкин-Сергей.

– Конечно простил! И этот смертный бой Пушкин безусловно выиграл – но не ценою чужой жизни, а ценою своей собственной. Бог не позволил ему убить человека, зато своей смертью поэт искупил все предыдущие прегрешения.

– Я бы так не смог!

– Нет, ты сможешь, еще как сможешь! – пылко перебил режиссер. – Иначе и не стоило браться за эту роль. Да ведь и Пушкину было нелегко. Вспомни, как яростно он хотел убить Дантеса, а ведь согласно христианским установлениям участие в дуэли вообще преступно, а смерть на дуэли приравнивается к самоубийству.

– Все правильно, – неожиданно вмешался Донцов, – поэтому когда к митрополиту Петербургскому Серафиму обратился устроитель похорон граф Строганов, то иерарх отказался отпевать Пушкина. Более того – он вообще не хотел разрешать церковные похороны!

– Верно, – кивнул Воронцов, – хотя похороны с отпеванием все-таки состоялись. Однако мы сейчас говорим о другом. Нам надо увидеть Пушкина, – и он указал на Сергея, – в момент священного таинства, когда на него снисходит благодать Святого Духа. Причем священник, – и режиссер обернулся к стоявшему рядом Донцову, – является не свидетелем, а проводником между Богом и Пушкиным, ходатайствуя перед первым за страждущую душу последнего. Итак, начали, репетируем приход отца Петра.

Повинуясь знаку Воронцова, «священник» опустил на стул рядом с лежащим «Пушкиным» и поздоровался.

– Здравствуйте, святой отец, – тяжело отвечал тот.

– Я пришел исповедовать вас и причастить.

– Знаю, и давно готов к этому.

– Но прежде чем я начну читать молебный канон ко Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице, хочу спросить: не припомните ли вы каких-либо грехов, забытых или утаенных, или злобы на ближнего и прочих?

Сергей глубоко задумался, отчего возникла долгая пауза.

– Вам трудно говорить? – участливо поинтересовался «отец Петр».

– Да, трудно. Я грешен, но грех мой не в злобе или преступлении, а во мне самом.

– Облегчите душу, ибо я выслушаю от вас все.

– Всю жизнь я занимался созданием красоты, но с детских лет ко мне приставлен был

спутник – мой Демон, который постоянно зачеркивал и портил всю мою работу. Я с ним боролся и борюсь до сих пор, но силы явно не равны.

– Так или иначе, но во всех нас сидит демон. И одолеть его можно, только идя к Господу Богу с открытым сердцем.

– Однако это еще не все, отец Петр. Есть и гораздо больший грех.

– Скажите мне о нем.

– Благодаря предсказанию гадалки я всегда знал, что умру насильственной смертью молодым через жену свою. И вот этот час пробил, но я не готов к суду Божьему, и меня безудержно страшит смерть...

– Крепитесь, сын мой. – И тут Донцов, делая вид, что хочет пожать руку Сергея, незаметно сунул ему записку. – Но почему вы считаете себя не готовым к суду нашего всемилостивейшего Небесного Владыки?

И вновь Сергей ответил далеко не сразу, причем пауза была вызвана сразу двумя обстоятельствами. Во-первых, он с удивлением смотрел на «священника», сжимая в руке его записку; во-вторых, сидевшие в зале Наташа и Никита начали шептаться, что вновь пробудило его ревность. Наконец, когда дальнейшее молчание стало невозможным, Сергей заговорил, но заговорил не как смиренный умирающий, а совсем иным тоном и произнося совсем иные слова...

– Да потому, отец Петр, что я влюблен и не желаю мириться с волею судьбы! Мне нужна сатисфакция! Да я своему обидчику голову разнесу!

– Это еще что такое? – вскакивая со своего места, завопил режиссер. – Что еще за отсебятина?! В пьесе идет совсем другой текст!

Не отвечая, Сергей поднялся с дивана, а его цепи с грохотом и лязгом обрушились на сцену.

– Александр Сергеевич, репетиция еще не закончена!

– Извините, но сегодня я просто не в состоянии...

– Что за чушь! Вы – профессиональный актер или жалкий любитель?

– Считайте, как вам угодно! – огрызнулся Сергей, лихорадочно одеваясь.

– Да ведь завтра премьера! – В голосе Воронцова послышался нескрываемый ужас.

– Ничего страшного, на премьеру я приду и сыграю, как надо! И вообще, уважаемый господин режиссер, у меня имеется свое видение игры предсмертных часов Пушкина!

– Объяснитесь! – с такой же вызывающей интонацией крикнул Воронцов.

– Пожалуйста! Вы считаете, что после дуэли в Пушкине умер безрассудный ревнивец, действовавший под влиянием страсти и так далее. Я же уверен, что в его последние часы Пушкина не отпускали воспоминания, связанные с предательством жены, которое и привело его к Черной речке. Я просто вижу, как он лежит терзаемый болью от ранения и вспоминает, к примеру, тот ноябрьский день, когда он получил пасквиль и когда его грызла не менее жгучая боль, но только душевная. Пушкин позвал к себе жену, – здесь Сергей кинул испуганный взгляд в сторону Наташи, словно рассказывал не о событиях давно минувших дней, но о том, что произошло совсем недавно, затем снова набросился на Воронцова, – и потребовал объяснений! И здесь она была вынуждена рассказать, что скрыла от него встречу в доме Полетики, якобы опасаясь его гнева и непредсказуемых действий. Когда Пушкин узнал о тайной встрече жены с Дантесом, он, естественно, пришел в бешенство! И поверьте мне, тогда она получила не только «дуру», но кое-что и покруче! И поделом ей! Я бы вообще неизвестно что сделал в такой миг! А когда Пушкин понял, что этот заграничный селадон небезразличен Гончаровой, зачем-то показавшей ему записки Дантеса, которые она бережно хранила в ларце, то наше «солнце» так орало на всю Мойку, что даже дворники офигели от его матюгов! И вот именно поэтому я собираюсь играть не инфантильного убогого, опустившего лапки от страха перед смертью, а по-настоящему ревнивого мужика, действовавшего под влиянием страсти и ненависти!

Не дожидаясь ответа со стороны слегка ошарашенного режиссера, Сергей развернулся и пошел прочь.

– Сергей, подожди! – окликнула его Наташа.

– Если хочешь, пойдем вместе со мной прямо сейчас! – И он остановился, глядя на нее со сцены.

– Старик, угомонись, – поддержал ее Никита, – не срывай репетицию.

– А с вами, господин Дантес-Барский, у меня будет отдельный разговор, но уже после премьеры, – с угрозой в голосе ответил «Пушкин», после чего вновь обратился к Наташе: – Так ты идешь?

Она послушно кивнула и встала. Обрадованный Сергей тут же соскочил со сцены, подхватил лежавшую на кресле дубленку и помог девушке одеться. В гробовой тишине, стараясь не смотреть на окружающих, они оба покинули зал.

– Лишь самые недалёковидные люди, уходя, громко хлопают дверью, – единственное, что пришло в голову режиссеру, переживавшему упоительные минуты торжества. Все шло по его плану...

Однако после этого произошло нечто совсем из ряда вон выходящее! Священник-Донцов принялся читать отходную молитву, причем делал это таким тоном, что у слушавших его актеров буквально мороз пробежал по коже.

– Благословен Бог наш Владыко! Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Иже всем человеком хотяи спастися и в разум истины приити, не хотяи смерти грешному, но обращения и живота; молимся и милимся Ти деем, душу раба Твоего Александра от всякия узы разреши и от всякия клятвы свободи, остави прегрешения ему, яже от юности, ведомая и неведомая, в деле и слове, и чисто исповеданная, или забвением, или стыдом утаеная. Ты бо Един еси разрешаяи связанныя и исправляяи сокрушенныя, надежда неначаемым, могий оставляти грехи всякому человеку, на Тя упование имущему. Ей, человеколюбивый Господи, повели, да отпустится от уз плотских и греховных, и приими в мир душу раба Твоего Александра, и покой ю в вечных обителях со святыми Твоими, благодатию Единороднаго Сына Твоего, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с Нимже благословен еси, с Пресвятым и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

– А вы просто монстр, отец Петр, – после небольшой паузы, довольно улыбаясь, заявил Воронцов.

– Да и вы тоже, Алексей Владимирович! – неожиданно добавил Никита.

– В каком смысле? – не понял режиссер. – Объяснитесь, Жорж!

– Если эта пьеса написана вами, то стоило ли включать в нее сцену причащения Пушкина? Существует ведь такая вещь, как тайна исповеди!

– Верно, существует, – кивнул Воронцов, – однако вы многого не поняли в том человеке, которого вам еще предстоит убить, мой милый Жорж.

– Чего я не понял? – обиженно спросил Никита.

– Да хотя бы того, что Пушкин прекрасно сознавал свою гениальность и хотел, чтобы о нем знали абсолютно все, даже его исповедь!

– А вот я согласна с нашим Дантесом, – вмешалась в разговор княгиня Долгорукая, то есть Марина. – Есть такие вещи в жизни Пушкина, о которых стоит умолчать хотя бы из этических соображений.

– О, жалкие людишки и паршивые актеришки! – как-то истерично-весело возопил режиссер, вздымая руки к потолку. – Этика их, видите ли, волнует! Да мне плевать на этику, как, кстати говоря, было плевать и самому Пушкину! Вы считаете его народным поэтом, писавшим для толпы? Кукиш с маслом! Он всегда четко и решительно проводил границу между собой и толпой, жаждущей от поэта, чтобы он говорил на ее языке, опускаясь до уровня ее примитивного понимания.

Здесь Воронцов на мгновение опустил глаза в пол, после резко поднял их в потолок и громко продекламировал:

Подите прочь – какое дело

Поэту мирному до вас!...
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!...

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

– Что вы вообще о нем знаете? И откуда вам знать, почему я пишу именно так! – продолжал кричать режиссер. На его лице выступили красные пятна, учащенное дыхание мешало сконцентрироваться и излагать свои мысли достаточно внятно, но Воронцов, как бы в отчаянии сжимая руки, уже не контролировал себя. – Это он сам приходит ко мне по ночам и диктует те слова, которые я пытаюсь потом вложить в ваши недостойные уста. Он по-прежнему хочет быть с нами!

– И все равно... – нерешительно произнесла Марина, переглядываясь с Никитой, ошарашенным этой вспышкой не меньше нее. – Существуют же такие предсмертные тайны и таинства, которые нельзя выносить на всеобщее обозрение.

– Ошибаетесь, уважаемая княгиня! Для Пушкина таких тайн нет! И знаете почему? Да потому, что смерть для него являлась необходимым элементом жизни, той самой приправой, без которой жизнь была бы слишком пресна. Вспомните его собственные слова: «Перед собой кто смерти не видал, тот полного веселья не вкушал». И он, как никто другой, ценил способность добровольно уйти с жизненного пира в самый подходящий момент. Поэтому, когда пуля, посланная Сатаной, сразила его, как человека, не верующего в гармонию мира и вечно сомневающегося в жизни как в даре Божьем, он предстал перед Вратами Вечности совсем другим человеком. Об этом он сам сказал – сначала на смертном одре, а потом и мне в моем видении. – Актеры продолжали недоуменно переглядываться, и, заметив это, Воронцов самым обычным тоном заявил: – Однако давайте не будем терять времени и продолжим репетировать. Сцена разговора Дантеса с княгиней Долгорукой. Пожалуйста, начинайте...

– А мне понравилось у Монро, – тем временем шепнула Никите Евгения, нежно дотронувшись губами до мочки его уха. – Но знал бы ты, какое приключение меня ждало после...

Он повернулся к ней и вдруг ощутил легкий холодок воспоминаний.

«А ведь у меня с ней, кажется, что-то было...»

Глава 18

Проводив Наташу до самого дома и вновь выслушав ее уверения, что «у нас с Барским ничего не было», Сергей почти успокоился. И все было бы ничего, но когда он уже целовал ее на прощание, то вдруг заметил на нежной девичьей шее подозрительные следы чересчур страстного поцелуя! Да ведь и на шее Никитоса он случайно видел царапины, очень похожие на след девичьих ноготков! Значит, между ними разыгралась весьма бурная сцена, вот только чем она закончилась, хотел бы он знать...

После этого все его спокойствие мгновенно улетучилось! Однако Сергей ухитрился сдержать себя и не начинать все заново. И, лишь усевшись в свою машину, яростно выругался и заскрежетал зубами.

– Проклятие, проклятие, проклятие, они меня обманывают!

Чтобы хоть немного успокоиться, он полез в бардачок за сигаретами и вдруг увидел записку Донцова, которую, отъезжая от театра, небрежно туда сунул.

«Если вам дорога жизнь, то не ходите на премьеру. Пистолеты будут заряжены настоящими пулями».

Тем же вечером Никита позвонил Наташе, чтобы спросить о поведении Сергея.

– Все было нормально, – задумчиво отвечала она, – хотя я бы посоветовала тебе быть с ним поосторожнее.

– Ты думаешь, он нас ревнует?

– А ты в этом сомневаешься? – удивилась девушка. – Неужели ты его так плохо знаешь?

– Да я и Пушкина, как оказалось сегодня, плохо знаю, – невесело усмехнулся Никита. – Кстати, я надеюсь, ты на меня больше не сердишься?

– Нет, не сержусь. Но очень надеюсь, что ничего подобного больше не повторится!

– В подобной форме, разумеется, нет, однако не забывай, что я отношусь к тебе гораздо лучше, чем твой ревнивый болван! И не забывай о моем предложении, которое я готов повторить в любое удобное для тебя время!

– Ты опять начинаешь? Я сейчас рассержусь!

– Не стоит, иначе потом не заснешь. Спокойной ночи, любовь моя!

И Никита, произнеся последнюю фразу самым проникновенным тоном, повесил трубку, не дожидаясь ответа. После чего усмехнулся и посмотрел на полуобнаженную Монро, стоявшую перед ним на коленях и опутывавшую его бедра своими длинными русыми волосами:

– Что же ты остановилась, детка? Продолжай, ибо ты делаешь это совершенно бесподобно. Когда-нибудь научишь эту высокомерную дуру делать то же самое!

На следующий день, когда Наташа вышла прогуляться по магазинам, и Ольга осталась одна, в дверь их квартиры настойчиво позвонили. Решив, что сестра забыла ключи, Ольга накинула свой любимый белоснежный халат с аппликацией в виде алой розы на левом плече и пошла открывать.

Даже не спросив «кто», она небрежно щелкнула замком и тут же остолбенела от изумления. На пороге стоял не кто иной, как тот самый «дядечка», чью машину она недавно так успешно разбила.

– 3-3-здрате, – пролепетала она трясущимися губами. – Это вы чего?

– Привет, детка, – уверенно переступая порог, поздоровался с ней не кто иной, как Герман Петрович Пономарев. – Не рада меня видеть?

– Рада, – глупо кивнула все еще ошеломленная Ольга. – Но как вы меня нашли?

– Ходил по дворам и спрашивал: где живет самая задорная мордашка во всем Питере, – усмехнулся Пономарь, по-хозяйски снимая пальто и вешая его в прихожей. – Да не трясись ты так, не такой уж я страшный... Куда можно пройти?

– В большую комнату, пожалуйста. Кофе хотите?

– А ты умеешь варить? Только учти – я гурман, а потому растворимого не признаю... Если только это не «Монтеррей», но у тебя его наверняка нет.

– «Монтеррея» нет, но могу размолоть зерна...

– О нет, тогда не стоит терять времени.

Пройдя в гостиную, он бесцеремонно уселся на диван.

– Присядь-ка рядом, чего зря стоять.

Ольга села в кресло напротив него и плотно запахнула халат, зажав его между колен руками. После этого возникла небольшая пауза – Герман Петрович с откровенной усмешкой поглядывал на девушку, а та терпеливо ждала, когда неожиданный гость заговорит снова. Пономарь хорошо разбирался в людях, однако никогда не любил вдаваться в женскую психологию, считая это ниже своего достоинства и предпочитая действовать нахрапом. Девчонка, которая так лихо разбила фару его любимого «мерса», ему сразу понравилась, поэтому он и приказал своему телохранителю незаметно проследить за ней до самого дома. В начале своего визита он полагал, что будет действовать самым простым способом – предложит ей несколько сот баксов, и дело с концом. Однако теперь, судя по ее настороженному виду, надо бы придумать что-то другое...

– Так что вы хотели мне сказать? – не выдержала Ольга. – Хотите, чтобы я заплатила за ремонт вашей машины?

– Да черт с ней, с машиной, – небрежно отмахнулся Пономарь, – тем более что я ее давно отремонтировал.

– А тогда что?

– Нравишься ты мне, детка, вот что! Давненько меня никто так не заводил... Пацан у тебя есть?

– Н-нет, – неуверенно покачала головой Ольга. – А вам что за дело?

– Чего же это, такая красивая девка – и без пацана?

– А вы хотите меня с кем-то познакомить? – понемногу начиная смелеть, усмехнулась девушка.

– Что же я тебе, сводник, что ли, – ответно усмехнулся Пономарь. – А сам-то я тебя чем не устраиваю?

– Но вы же старый... Ой, простите, я не думала...

– Вот то-то и оно, что не думала! А ведь со мной нельзя так разговаривать.

– Да я вообще-то и не собиралась с вами разговаривать... – И Ольга сердито надула губы, – Чего вы пришли?

– А сама не догадываешься?

– Не догадываюсь и не собираюсь догадываться, – разозлилась девушка, нетерпеливо передергивая плечами. – Знаете, у меня сегодня еще много дел, поэтому...

– Нет, детка, так не годится, – усмешка Германа Петровича постепенно становилась все более цинично-зловещей, – ты, видимо, не понимаешь, с кем имеешь дело. Меня нельзя просто так выгнать – я уйду только по своему желанию.

Выражение лица девушки заметно изменилось – она явно напряглась, хотя и не испугалась.

– Если вы не уйдете, то я вызову милицию или начну кричать! – пригрозила Ольга.

– Во-первых, я тебе просто не позволю ни того ни другого. А во-вторых, если ты все же попытаешься это сделать, то доставишь и себе, и своей сестре очень большие неприятности. Я уже все про тебя знаю, поэтому смени тон, пока я не начал сердиться... – Заметив, что в глазах Ольги промелькнул испуг, Пономарь властно протянул руку: – А теперь иди ко мне, и по дороге можешь снять свой халат.

– Да вы просто бандит! – испуганно отшатнулась она.

– Еще раз назовешь меня подобным образом – и я сломаю тебе челюсть, – хладнокровно пообещал Пономарь. – Ну, живо, делай, что я говорю!

Но Ольга, несмотря на весь свой испуг, отнюдь не собиралась сдаваться. Она стремительно вскочила с места и бросилась в прихожую. Герману Петровичу пришлось проявить недюжинную для его лет прыть, чтобы схватить ее сзади за шею лишь в тот момент, когда она уже открыла замок и потянула дверь на себя. Та отворилась, Ольга раскрыла было рот, чтобы закричать, но расвирепевший Пономарь начал действовать крайне грубо и жестко. Одной рукой он зажал ей рот, а другой сдавил шею с такой силой, что девушка задохнулась и обмякла. Оторвав Ольгу от двери, Герман Петрович толчком ноги захлопнул ее, после чего, похожий на паука, опутавшего попавшую в паутину муху, потащил свою жертву обратно в комнату.

Прекратив душить Ольгу, но по-прежнему зажимая ей рот, он быстро схватился за воротник халата и попытался сдернуть его с нежных девичьих плеч. Попытка удалась только наполовину, поскольку Ольга ухитрилась вывернуться и даже несильно лягнула его ногой. Но все это лишь дополнительно раззадорило Пономаря.

– Не хочешь расставаться с халатом? – прохрипел он. – Да и черт с ним!

Он проворно подхватил ее в объятия, развернул к себе лицом и, бросив на диван, мгновенно навалился сверху.

– Помогите! – успела вскрикнуть Ольга в тот момент, когда он распахнул полы ее халата и на мгновение замер, оценивая красоту обнаженных грудей, она была без

бюстгальтера, в одних белых трусиках.

– Не ори, дура! – отвешивая ей увесистую оплеуху, пробормотал Пономарь, начиная расстегивать пояс брюк. – Иначе я тебя изувечу так, что никакие протезы не помогут!

Глаза девушки стали наполняться страхом и слезами. На какой-то миг она замерла, а довольный произведенным эффектом Пономарь замедлил свои действия. Одной рукой расстегивая «молнию» брюк, он принялся проводить другой по грудям Ольги, не столько лаская, сколько причиняя ей боль. И вдруг она порывисто оттолкнула его руку и, снова закричав, принялась яростно извиваться. Он ударил ее еще раз, но даже это не остановило ее яростного сопротивления, в результате которого они скатились с дивана на пол.

– Я тебе шею сверну, сука, если не прекратишь орать, – прошипел Герман Петрович, с силой сдавливая хрупкое девичье горло и с ненавистью глядя в обезумевшие глаза Ольги сверху вниз. – Неужели ты всерьез думаешь со мной справиться?

Она с трудом помотала головой.

– Что, поняла, наконец?

Уловив нечто похожее на кивок, он слегка ослабил свою звериную хватку.

– Значит, теперь ты заткнешься и будешь вести себя, как послушная девочка? Ну?

– Отпустите меня, – с трудом произнесла она, – и давайте поговорим спокойно. Неужели вам приятно насиловать девушек, когда они сами того не хотят?

– А ты что – так еще и не захотела? – гнусно ухмыльнулся Герман Петрович.

– Дайте же мне, наконец, вздохнуть спокойно, и тогда я озвучу свое предложение.

– А какое у тебя может быть предложение? – удивился Пономарь. – Чего, ну чего ты мне можешь предложить?

– Дайте мне сесть на диван и покурить, тогда и узнаете.

– Валяй, только не вздумай повторять все снова, ибо ты меня уже и так порядком разозлила. – Даже не застегивая брюк, Герман Петрович приподнялся, сел на диван и, схватив Ольгу за руку, одним рывком подтянул к себе. – Ну так что?

– Неужели вам так сильно хочется меня изнасиловать? – с трудом прикурив предложенную сигарету, спросила Ольга, потирая покрасневшее горло. – А если я еще девственница?

– Плевать. Что дальше?

– Но ведь я потом могу заявить в милицию!

– В этом случае вас с сестрой похоронят в одной могиле, а менты спишут это дело как «глухарь». Еще вопросы есть?

– Допустим, я соглашусь вам уступить...

– Никаких «допустим»!

– Подождите, я еще не договорила.

– Так договаривай побыстрей, пока у меня еще стоит!

– Короче, дядя, – и Ольга, последний раз выдохнув длинную струю дыма, загасила сигарету, – я согласна с тобой трахнуться, но только за деньги!

– Вот это уже деловой разговор! – оживился Герман Петрович. – С этого бы и начинала! Сколько возьмешь?

– Десять тысяч баксов!

– Это за что же? – поразился он.

– За один раз. Я еще девственница!

– С ума спятила, сучка дешевая? Да ты и штуки баксов не стоишь!

– В таком случае найди себе кого-нибудь получше, чего ты ко мне привязался? – огрызнулась Ольга.

Герман Петрович, немало удивленный такой логикой и пребывая в некотором замешательстве, посмотрел на нее, после чего тоже потянулся за сигаретами. Стоило ему на секунду отвлечься, как Ольга закричала изо всех сил и снова бросилась ко входной двери.

Но на этот раз Пономарь успел схватить ее за полу халата и, разъяренный этой новой попыткой, тут же принялся избивать.

– Ну ты, стерва юная, долго со мной будешь играть в эти б...ские игры? – рычал он, немилосердно пиная распростертую на полу девушку. – Сколько можно тебя учить вежливости, дура?

Ольга пыталась увернуться и приглушенно стонала, но стоило ей вскрикнуть чуть громче, как Герман Петрович затащил ее в комнату и начал бить по лицу. Прежнее вождение прошло – теперь он даже не обращал внимания на то, что халат распахнулся, обнажив девушку почти полностью, – и его сменило слепое бешенство. С какой стати эта юная сучка вздумала ему отказывать, да еще всячески пытается удрать!

В приступе накопившейся от неудовлетворенного желания злобы Пономарь мысленно отказывал своей жертве даже в праве слабого на защиту любыми доступными средствами. Нет, ему надо ее проучить, и он не остановится, пока она не будет целовать ему руки, умоляя об этом!

– Прекрати, ты же меня убьешь! – отчаянно вскрикнула Ольга и залилась слезами.

– Ага, получила свое? – удовлетворенно заметил он, останавливаясь и склоняясь над своей беззащитной жертвой. – А ну, блядина, снимай трусы и ложись на диван! Убери руки, – в этот момент она прикрывала лицо руками, – и делай, что я говорю!

– Сволочь, – простонала она и тут же съежилась, ожидая нового удара.

– Что ты там вякнула? – Пономарь насильно отвел ее руки, желая заглянуть ей в глаза.

И тут произошло неожиданное – увидев искаженное болью и унижением, залитое слезами и кровью, обильно сочившейся из разбитых губ и носа, лицо девушки, Герман Петрович вдруг почувствовал, что у него пропало всякое желание ее насиловать.

– Вот крыса паршивая! – выругался он, злясь не столько на себя, хотя было очевидно, что он явно переусердствовал со своими «воспитательными мерами», сколько на проклятое упрямство Ольги, не позволявшее ей проявить покорность даже в самой безнадежной ситуации. – Из-за тебя теперь все желание пропало... Ладно, черт с тобой, трахайся со всякими молокососами забесплатно, если не хочешь иметь настоящих крутых мужиков. Но запомни: вздумашь жаловаться – и вам с сестрой не жить!

Широкими шагами он вышел в коридор, открыл замок и покинул квартиру, раздраженно хлопнув за собой дверью. Покинув парадное, Герман Петрович направился к своей машине, возле которой уже нетерпеливо переминался телохранитель. Страх за свою жизнь, поселившийся в его душе с момента получения отрезанного пальца, так и не нашел своего выхода – и все из-за упрямства какой-то глупой девчонки...

Глава 19

Санкт-Петербург, Комендантская дача, 1837 год

Лучи послеполуденного солнца с трудом пробивались сквозь тяжелые серые облака, неожиданно набежавшие с юга. Малую дорогу подле Комендантской дачи замело ночной вьюгой, но на снегу виднелись две глубокие колеи, оставленные недавно проехавшим экипажем. Карета, внутри которой сидел нанятый бароном врач, стояла возле самого крыльца. Пока пара гнедых рыла копытами снег, взволнованный Геккерен тревожно всматривался в даль. Промозглый ветер трепал полы его длинного мехового плаща, дул в лицо, то и дело норовя сорвать шляпу. Барон был переполнен мрачными предчувствиями, – он страдал, а когда человек страдает, предчувствия приобретают в его жизни особое значение: рисуя перед ним картину будущего, они обостряют отношение ко всему происходящему до предела. Неожиданно для себя барон представил Жоржа лежащим в гробу и увидел себя стоящим перед ним на коленях, с трясущимися от рыданий плечами. Но это видение улетучилось достаточно быстро, оставив после себя странное чувство успокоения. Именно успокоения, ведь при таком исходе дел Жорж больше не будет принадлежать никому, кроме барона, а это именно то, к чему он так долго и трепетно стремился.

Глубокое беспокойство отпустило чувства и душу барона, он больше не старался в своих мыслях избегать самого худшего, что могло произойти с его мальчиком; напротив, он, можно сказать, шел навстречу этому *самому худшему*. Во внутреннем кармане камзола барон постоянно носил при себе письмо от Жоржа, написанное им своему приемному отцу более двух лет назад. И вот теперь, после тяжких видений и не менее тяжких раздумий, Геккерен, словно шепча молитву, мысленно повторял это письмо наизусть: *«Дорогой мой, вы большое дитя. К чему настаивать, чтобы я говорил вам «ты», точно это слово может придать большую ценность мысли и, когда я говорю «я вас люблю», я менее чистосердечен, чем если бы сказал «я тебя люблю». К тому же, видите ли, мне пришлось бы отвыкать от этого в свете, ведь там вы занимаете такое место, что молодому человеку вроде меня не подобает быть бесцеремонным. Правда, вы сами – совсем другое дело. Уже довольно давно я просил об этом, такое обращение от вас ко мне – прекрасно; впрочем, это не более чем мои обычные рассуждения; безусловно, не мне жеманиться перед вами, Господь мне свидетель...»*

Барон потерялся во времени и не знал, который теперь был час. Солнце клонилось к закату, тучи разбежались по сторонам, и немного усилился ветер. Ему казалось, что прошли не час и не два, а целая вечность. Вдруг где-то там, в сосновой роще прогремел выстрел! Барон замер и оцепенел. Так он стоял неподвижен, пока не раздался второй выстрел, который привел его в чувство, отчего у голландского посланника затряслись колени и задергался глаз.

Наконец, на горизонте, будто сотворенный из теней от деревьев, появился поручик, увязавший в снегу почти по колено. Он явно торопился. Без головного убора, в наполовину расстегнутой шинели, весь в снегу, с красным и мокрым от пота лицом, как всегда закрытым шарфом до самых глаз, он целеустремленно пробирался к карете. Да и сам Геккерен, горя от нетерпения, сделал несколько шагов ему навстречу, после чего замер в самом тревожном ожидании.

– Господин барон, несмотря на то что мне удалось остаться незамеченным для участников дуэли, я видел и слышал все!

– Говорите скорее правду! – крикнул барон, содрогаясь от муки и ужаса.

– Пушкин серьезно ранен в живот, а у вашего сына пробита рука, и он контужен.

– Как – контужен? – переспросил барон и тут же поднес руку к губам, словно опасаясь сказать что-то лишнее.

– Не волнуйтесь, с ним все в порядке. – И здесь то ли барону показалось, то ли на самом деле поручик подмигнул ему. – Он может ходить.

– Но Жорж знает, что я с каретой жду его здесь?

– Да, господин барон. Я говорил ему об этом еще до полудня.

Геккерен задумался, а потом резко приказал:

– Скажите извозчику, чтобы дождался их появления, а мы с вами уедем на другом экипаже.

– Слушаюсь.

– Наймите любого другого извозчика, который бы отвез нас в посольство окольным путем.

– Будет исполнено, господин барон. Я обо всем позабочусь.

Пока поручик действовал, Геккерен поднял глаза к небу, перекрестился и прошептал:

– О Святая Мадонна, ты услышала мои молитвы!

Несколько часов спустя, уже будучи доставлен домой на набережную Мойки и положен на диван в своем кабинете, Пушкин почувствовал себя совсем плохо.

– Шольц и Арендт сказали, что рана опасна, и они не имеют никакой надежды на мое выздоровление. Что скажете вы? – слабым голосом поинтересовался он у семейного врача по фамилии Спасский.

– Я ваш домашний врач и не смею скрывать правды, – строгим голосом отвечал тот. –

Они правы.

- Разве вы думаете, что я и часа не проживу? – забеспокоился поэт.
- Время у вас еще есть, но тянуть незачем. Я думаю, что самая пора послать за священником.
- Наверное, вы правы. Хочу сделать это, будучи в полном рассудке.
- За кем прикажете послать?
- Возьмите первого ближайшего священника. И пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело. Она должна все знать. Впрочем, делайте, что вам угодно, я на все согласен и ко всему готов...

Чтобы попасть к другу, Данзасу пришлось протиснуться через гурьбу взволнованных людей, толпившихся как возле самого дома, так и на лестнице. Он даже не успел открыть дверь кабинета, как она распахнулась настежь, и перед ним предстал взволнованный священник, чьи глаза были полны слез.

- Умер? – испугался Данзас.
- Пока нет...
- Тогда что означают ваши слезы?
- Вы можете мне не верить, но я все же скажу, что и для себя самого желаю такую необыкновенную силу покаяния и такого конца, какой имеет этот благочестивый человек! Он избавился от всех своих демонов, досаждавших ему доселе!

Немало изумленный подобным признанием, Данзас посторонился, случайно встав на ногу поручику, давая священнику пройти мимо, после чего поспешно извинился и проник в кабинет. Присутствовавшим было не видно выражение лица поручика, поскольку оно, как всегда, было закрыто плотным матерчатым шарфом. Зато глаза его выражали глубокую скорбь и великое разочарование, которое обычно постигает тех, кто всю жизнь шел к определенной цели и не достиг ее на самом подступе. Поручик посмотрел в сторону медленно уходящего священника, вспомнил о пистолетах, лежавших в одном из ящиков письменного стола в кабинете Пушкина, и тихо сказал на чистом русском языке:

- Еще не все потеряно...
- Тем временем Пушкин уже ждал своего друга, встретив его словами:
- Я просил Арендта передать государю, чтобы тебя не преследовали за участие в этой роковой дуэли.
- Почему ты говоришь так, словно уже умираешь? – опечаленно спросил Данзас.
- Потому что чувствую, как силы покидают меня. Шольц и Арендт сказали, что я безнадежен... Ах да, будь так любезен, передай мне вон ту шкатулку.

Приятель поднялся и принес требуемый предмет к самому изголовью дивана. Пушкин достал из шкатулки цепочку с нателным крестом и вложил ее в раскрытую ладонь Данзаса, думавшего в тот момент: «Как жестоко и, безусловно, неправильно поступили врачи, сказав ему правду о скором смертельном исходе». Затем, сделав мучительное усилие, Пушкин стянул с пальца кольцо с бирюзой.

- Возьми и носи это кольцо, – попросил он. – Мне подарил его наш общий друг Нащокин. Это талисман от насильственной смерти, который мне так и не помог...
- Мой добрый друг, – взволнованно и будто опомнившись, заговорил Данзас, машинально убрав цепочку в карман сюртука и послушно надевая это кольцо на собственный палец, – не поручишь ли ты мне, в случае твоей смерти, исполнить справедливое отмщение в отношении Геккерена и Дантеса?
- О нет, нет, – в свою очередь, разволновался Пушкин, после чего на удивление твердым голосом заявил: – Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином!

Данзас послушно склонил голову, а обессиленный поэт откинулся на подушки и утомленно закрыл глаза. Наверное, только в тот миг, когда Данзас смотрел на умирающего друга, он осознал, как много ошибок и нелепостей, подтолкнувших Пушкина к смерти,

совершил в тот день. Ведь именно он, однокашник Пушкина по Лицею, подполковник Константин Карлович Данзас, согласившись стать секундантом, не позаботился о присутствии врача на месте дуэли, именно он не оказал Пушкину первой медицинской помощи, именно он, наблюдая сильнейшее кровотечение, не повез раненого в госпиталь, и, в конце концов, именно он не сделал и малейшей попытки, чтобы предотвратить роковую дуэль на Черной речке...

День спустя в голландском посольстве состоялся примечательный разговор. К Дантесу явился его секундант – виконт д'Аршиак – и решительно потребовал объяснений.

– Что именно ты хочешь от меня услышать? – не понял Жорж – бледный и с рукой на перевязи.

– А сам ты не догадываешься? – удивился д'Аршиак. – То, что я совершил низменный поступок и не предупредил Пушкина о слабой убойной силе его пистолетов, – жалкая шалость по сравнению с твоими гнусностями!

– И теперь что с того?

– А то, что ты оказался подлее, чем можно было предположить! Как ты посмел вопреки всем правилам честной дуэли надеть под мундир кольчугу?

– Это неправда! На мне не было кольчуги!

– Не лги! Мне только что сказали, что ты всю ночь примеривал ее на себя! И даже спрашивал советов у некоторых фешенеблей!

– Делись после этого с друзьями сокровенным...

– И все же?

– Жить хотелось, – вяло усмехнулся Дантес, принявший позу человека, желающего избавиться от неприятного собеседника любыми средствами. – Я еще слишком молод, чтобы умереть от руки рогоносца! Тем более что именно он вынудил меня принять его вызов.

– Это не рогоносец, а великий поэт России!

– Да откуда тебе это известно, если ты не знаешь русского языка и не прочел ни одного из его стихотворений? Только с чужих слов?

– В этом ты прав, однако господин Пушкин вел себя как порядочный человек, в то время как ты... Мне так стыдно быть соучастником этого подлого убийства, что теперь я хочу уехать из России! В этой стране меня приняли очень радушно, зато теперь имя мое начнут проклинать из поколения в поколение.

– Ты говоришь так, словно господин Пушкин уже умер.

– Нет, он еще жив, но находится при смерти и умирает в страшных мучениях. Будь же ты проклят, Жорж, за всю свою подлость! И если бы ты только знал, как я теперь стыжусь родства с тобой!

С этими словами д'Аршиак покинул гостиную, разминувшись со входившим слугой.

– Что еще такое? – недовольно поинтересовался Дантес, морщась при мысли о том, что слуга мог невольно услышать окончание разговора.

– К вам пожаловала княгиня Долгорукая по поручению Александра Сергеевича Пушкина.

– Проси.

Слуга удалился, а Дантес принялся нервно ходить по комнате, покусывая губы и кончики усов. В этот сумеречный час он выглядел особенно хрупким и беззащитным. Голубые глаза словно посерели, золотистые волосы потемнели, а изящный нос неестественно вытянулся. Внезапно он остановился, замер и, словно бы вспомнив что-то невероятно важное, задумался, устремив свой взор в потолок, точно хотел проникнуть взглядом высоко в небеса и получить там самую высочайшую аудиенцию.

В этот момент Дантесу подумалось о том, что поскольку лишь одному Господу Богу известно все происходящее в его душе, постольку лишь Небесный Владыка мог знать выход из ужасающего мрака, царившего вокруг него все последнее время. Жорж принялся шептать молитву, в которой упоминалось о чудовищных грехах, опутавших его с головы до ног. Он

просил у Господа пощады и защиты...

Когда княгиня вошла в гостиную, Дантес учтиво склонил голову и пошел навстречу даме:

– Мое почтение, княгиня. Не соблаговолите ли присесть?

– Благодарю, – сухо кивнула Долгорукая, отрицательно покачав головой. – Я лишь хотела поинтересоваться вашим самочувствием и передать вам от Александра Сергеевича послание на словах.

– Чувствую я себя прекрасно, – самодовольно усмехнулся Дантес и, словно бы в подтверждение своих слов, качнул забинтованной рукой. – Хоть сейчас на бал. А как себя чувствует господин Пушкин?

– На второй день ему стало немного лучше, но рана очень тяжелая, и врачи не надеются на его выздоровление.

– Поздно же вы опомнились, милостивые господа и сударыни! – с каким-то злорадным упрёком произнес Дантес.

– Что вы хотите этим сказать? – удивилась княгиня.

– Вы не могли не видеть, в каком состоянии и положении находился последнее время месть Пушкин, однако ни один из вас не предложил ему руку помощи, не захотел принять посильного участия в его судьбе. А теперь вы, называя себя верными его друзьями, разом все всполошились! Ищете виновных с упорством, достойным лучшего применения! Неужели я не понимаю, что вам просто нужен козел отпущения? Решили сделать из меня Иуду своего великосветского общества! Или вам угодно видеть во мне заклеянного Каина?

Когда он говорил, на его перекошенном злобной судорогой лице играла усмешка, исполненная холодного презрения и злобы к обсуждаемой персоне. Усмешка эта так терзала сердце и вместе с тем так иссушала и губила все, что было в человеке живого и истинно человеческого, что Долгорукая, при всей своей природной смелости, не могла не вздрогнуть, видя, насколько разнуздан и страшен сделался ее нынешний собеседник. Исполнившись презрением к порочному иностранцу, она заявила дрожащим от едва сдерживаемого гнева голосом:

– Я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши обвинения. Я переступила порог этого дома исключительно по просьбе Александра Сергеевича.

– И что же он просил мне передать?

– Что он вас прощает!

Произнеся эти слова, княгиня пытливо взглянула на Дантеса, и тогда он, мигом позабывший свою браваду и будучи не в силах вынести этого осуждающего взгляда, отвернулся к окну. На какое-то время повисло неловкое молчание, а затем Дантес резко обернулся к своей гостье и холодно отчеканил:

– Я тоже ему прощаю! – После чего безудержно расхохотался.

Растерянная и рассерженная княгиня хотела было что-то сказать, но затем резко повернулась и выбежала из гостиной.

– Прощаю, – продолжая смеяться, закричал ей вслед Дантес. – Я всех вас прощаю!

В дверях появилась заплаканная жена Дантеса. Она бросилась к своему возлюбленному со словами:

– Неужели он действительно умрет? Что тогда будет с нами?

Дантес не нашелся что ответить. Он стоял в позе похожей на ту, что принял во время дуэли, а Коко обнимала и целовала его.

Последние минуты жизни Пушкина истекали со стремительной неумолимостью песочных часов, в верхней колбе которых осталась крошечная горстка песчинок. Дантес так сильно опасался в любой момент потерять своего драгоценного друга, что старался проводить в его обществе как можно больше времени, предугадывая и исполняя любые его желания. Вот и сейчас, находясь в кабинете Пушкина, он, по просьбе поэта, подал ему ручное зеркало.

– Плох я, братец, – глянув в него, слабо усмехнулся тот.

– Полно тебе.

– Скажи жене, чтобы меня положили в гроб во фраке, а не в камер-юнкерском мундире.

Не люб он мне.

– Я передам, – кивнул Данзас. – Не хочешь ли еще чего?

– Подай попить и скажи: который час?

Данзас взял со столика заранее приготовленное питье и напоил страдающего друга, сделав это так бережно, как не сделала бы и самая заботливая нянька. Потом достал из жилета часы-брегет и показал их Пушкину:

– Два часа пополудни.

– Боже, долго ли мне еще так мучиться! Хоть бы поскорее все закончилось!

– Что ты, куда торопишься! Не оставляй нас прежде времени! – заволновался Данзас, на что Пушкин отрицательно покачал головой:

– Какая тоска, братец ты мой! Сердце просто изнывает!

– Все будет хорошо, – уныло утешал друг, – еще оправишься и порадуешь нас новыми творениями.

– Я тоже так считал до дуэли. Вот убью Дантеса, думалось мне, сошлют меня в Михайловское, а там любимые сосны, два озера, покрытые заснеженным льдом, и дом, в котором мне так славно работалось. Я давно хотел подготовить к печати историю Петра Великого, да, видно, уже не судьба.

– Судьбы мы своей не знаем, поэтому говорить так преждевременно, – рассудительно заметил Данзас.

– О нет, – возразил поэт, – судьбу свою надобно предвидеть, иначе не стоит претендовать на звание умного человека. Поэтому я заранее облюбовал себе могилу на родовом кладбище. Сухая, песчаная, и лежать там будет так славно... Дай руку.

Опечаленный Данзас молча подал ему руку, и Пушкин, сжав ее изо всех своих слабеющих сил, устало улыбнулся:

– Вот и славно. А теперь поди и позови ко мне женку мою.

Когда появилась Наталья Николаевна, Пушкин встретил ее с самым мрачным видом.

– Арендт сказал мне мой приговор, я ранен смертельно, – с ходу заявил он, озабоченно щупая собственный пульс. – Мне становится совсем плохо, и я уже чувствую, как приближается смерть.

– О господи! – всплеснула руками испуганная жена. – И зачем только тебе нужна была эта дуэль?

– Неужели ты думаешь, что мне так весело было стреляться? Да что делать? Мне недовольно того, чтобы я сам, мои друзья и здешнее общество были убеждены в невинности и чистоте моей жены; мне нужно, чтобы мое доброе имя и честь были неприкосновенны во всех уголках России, где имя мое известно. – Здесь он остановился, передохнул и продолжил, сказав теперь уже жене мысль, не выходящую из его головы: – Да и потом, что греха таить? Я надеялся на то, что после дуэли, в случае благоприятного исхода, буду вновь отправлен в ссылку в Михайловское, уеду туда вместе с тобой и детьми, где целиком отдамся работе.

– Но зачем же тогда было так неистово ревновать?

– Во-первых, затем, что моя семья является для меня святыней и честью; во-вторых, ты сама дала мне для этого повод, постоянно кокетничая с Дантесом... О нет, нет, я не собираюсь тебя сейчас в этом упрекать, – поспешно заявил он, заметив тень, омрачившую прекрасное лицо жены. – Я верю в твою чистоту, но пойми, каково мне приходилось после получения диплома... Впрочем, даже если моя ревность убьет меня, ты этого стоишь.

– Не говори так, Пушкин! – взмолилась Натали. – Никакая красавица в мире не стоит твоей смерти!

– А ты стоишь! – упрямо возразил умирающий. – Ты стоишь большего, чем вся моя жизнь. Ведь с твоим лицом нельзя сравнить ничто на свете, а душу твою я люблю еще более

твоего лица... – Здесь он глубоко вдохнул, на выдохе продолжил: – Уже видел.

– Что? – Натали не совсем поняла, к чему была сказана последняя фраза.

– Ничего-ничего, – поторопился успокоить ее Пушкин, подумав про себя: «Наверное, у меня начался бред...» Затем он снова взглянул на жену и самым умоляющим тоном добавил главное, для чего ее звал: – Я сейчас прошу только об одном – исполни мой наказ.

– Какой наказ?

– Носи по мне траур два или три года. Постарайся, чтобы забыли про тебя. Потом опять выходи замуж, но не за пустозвона.

– Ну что ты...

– Я знаю, что говорю. И не упрекай себя в моей смерти: это дело, которое касалось одного только меня.

Жена не знала, что на это сказать, поэтому в разговоре возникла пауза. Глядя на ее лицо, Александр Сергеевич вспомнил, как она обычно, укладывая детей спать, подолгу их крестила и шептала молитву, а потом, ложась вместе с ним в супружескую постель, мечтала вслух о светлом будущем их общих чад. И все это делалось так по-детски наивно и естественно, что каждый раз она слышала от мужа одно и то же: «Ты сама еще ребенок, чтобы планировать чье-то будущее. Мой любимый ребенок!»

– Хочу просить тебя о прощении за тот недавний разговор, в котором я назвала тебя умалишенным, – тихо сказала Натали, глядя в глаза мужа.

– Полно. Я и сам уж думал, лишаюсь рассудка, но теперь все иначе. Сейчас мой разум светел, как никогда. Злой дух, под знаком которого я родился, оставил меня, наконец, в покое. И ты ни в чем передо мной не виновата... – Неожиданно Пушкин слегка оживился, явно вспомнив нечто важное: – Позови ко мне Данзаса, а сама иди к детям. Немедля...

Жена исполнила его просьбу, и уже через минуту Константин Карлович стоял у дивана.

– Я дал тебе цепочку с крестиком.

– Да-да. Она здесь, – поспешно сказал Данзас и достал ее из кармана сюртука.

– Так вот, устрой мне срочно встречу с княгиней Вяземской.

Время текло медленно и одновременно быстро. Между тем, после многочисленных посетителей и горестных прощаний, Пушкину делалось все хуже и хуже, он, не теряя рассудка, слабел с каждым мгновением. Его лицо совсем посерело и как-то неестественно вытянулось, что вызвало у жены, метавшейся между кабинетом мужа и детской комнатой, сильное дрожание рук.

Вдруг Пушкин почувствовал, что нестерпимая боль притупилась и почти исчезла – наверное, действовали капли с опием, данные по назначению Арендта. Он, лежа с закрытыми глазами, видел перед собой картины из прошлого, проносящиеся одна за другой с искрометной скоростью. Вся его непродолжительная жизнь пролетела, как один короткий предутренний сон, оставив после себя размышления о смысле существования и бессмыслице собственной жизни перед смертью как таковой. Пушкин подумал, что жизнелюбие, делавшее всегда из него неисправимого эгоиста, теперь родило в нем великодушие. А это значит, что он, привыкший наслаждаться жизнью, хотел, чтобы все остальные, и даже враги, радовались жизни так же, как научился делать это он сам. От этой мысли ему стало еще легче и спокойнее, несмотря на то что пульс стал едва заметен, руки совсем похолодели, дыхание стало частым, отрывистым, с неравномерными паузами.

Пушкин тускло посмотрел на красавицу жену, в тот момент напомнившую ему своим профилем дорогую сердцу Александрину, с которой ему так и не удалось проститься, оставшись наедине, поскольку после дуэли он видел ее только мельком, один раз, когда она глубокой ночью привела детей для прощания. Его глаза чуть заблестели, и из последних сил он попросил:

– Как же мне хочется моченой морошки!

– Сейчас принесу, – тут же встрепенулась Натали.

Оставшись наедине с Данзасом, Пушкин с тяжелым стоном вытянулся во весь рост и

посмотрел в потолок:

– Боже мой, так больно и так скучно! Скоро ли это кончится?

Не прошло и пяти минут, как Натали вернулась и, подсев к изголовью, стала кормить мужа с ложечки. Улыбаясь, он медленно съел несколько ягод, после чего заявил:

– Довольно.

Натали убрала тарелку и погладила его по голове, вздрогнув от ужаса, когда муж, пристально глядя ей в глаза, вдруг тихо, но очень внятно произнес одну короткую фразу, от которой и сейчас у всякого истинно русского человека щемит сердце:

– Кончена жизнь...

Она покачала головой, кусая губы, чтобы не разрыдаться, и, схватив мужа за руку, в сердцах крикнула:

– Пушкин, не умирай!

– Теснит дыхание... – продолжал он и, повернув голову к книжной полке, с унылым вздохом произнес: – Прощайте, друзья...

Глава 20

В ночь смерти Пушкина в костеле Святой Екатерины, что на Невском проспекте рядом с домом Энгельгардта, одинокая фигура женщины в шелковом платье цвета темного меда, с шерстяной накидкой на плечах и в капюшоне на склоненной голове, сидела в абсолютно пустой церкви на самом дальнем ряду и что-то старательно прятала в муфте. Но вот она выпрямилась, подняла голову, и оказалось, что это вовсе не женщина, а переодетый Дантес. Француз маскировался под свою возлюбленную, одевшись в точно такое же платье, которое она любила больше всех. Оглядевшись по сторонам, что было абсолютно излишне ввиду его полнейшего одиночества, он извлек из муфты бутылку коньяка и принялся пить прямо из горлышка. Причем при всей стремительности и суете Дантес выглядел весьма подавленным, угрюмым, павшим духом и совсем не походил на победителя. Более того, стороннему наблюдателю он показался бы человеком, утратившим всякий интерес к жизни и погруженным в состояние полнейшего безразличия. Физические силы его были надломлены усталостью и бессонными ночами, а душевные – непрерывным и непереносимым преследованием. Однако, как вскоре выяснилось, Дантес явился сюда вовсе не затем, чтобы помолиться о прощении своих грехов или о душе убиенного им поэта, а чтобы получить плату от его Демона.

Тот возник внезапно и незаметно, бесшумно опустившись на скамью рядом с Жоржем. Из-под длинного серого плаща выглядывал кончик шпаги, которую Демон поправил за рукоятку, чтобы та не мешала принять ему максимально удобную позу. Его лицо до самых глаз закрывал плотный матерчатый шарф, тщательно обмотанный вокруг шеи и головы. Они встретились взглядами, причем их глаза, казалось, спрашивали друг друга: «Ну и каково теперь?» Но если Дантес был подавлен, то в облике Демона не было ничего примечательного; держался он очень спокойно, и единственное, что было в нем необычного, так это все те же глаза, которые постоянно поражали Дантеса своей ненасытностью, вызывая какое-то страшное чувство, ни понять, ни объяснить которое он не мог.

– А, господин Демон, – наигранно вяло усмехнулся Жорж, протягивая ему бутылку. – Где же ваш мундир поручика?

– Меня разжаловали...

– Коньяка не желаете?

– Вы предлагаете мне пить в храме? – сухо осведомился посланец Темных Сил.

– Не смешите. Мы с вами все равно здесь чужие. Или боитесь показать мне свое лицо?

– Я боюсь не столько за себя, сколько за вас, ведь, увидев меня, вы явно разочаруетесь и впадете в депрессию, что нам с вами обоим сейчас будет весьма некстати.

– Ну и черт с вами... Где моя плата?

– Извольте. – И Демон, достав из кармана серого плаща увесистый кошелек с золотыми

монетами, положил его рядом с Дантесом. Тот не торопился брать его в руки, сделав еще пару глотков. – Вы совершили все, что от вас требовалось.

– И теперь у меня перед глазами всю жизнь будет лежать в снегу окровавленное тело этого несчастного ревнивца!

– Не преувеличивайте, Жорж, – коварно усмехнулся Демон, – любые воспоминания рано или поздно тускнеют и блекнут. Кроме того, выстрели Пушкин первым – и о вас бы впоследствии никто не вспомнил!

– О боже! Неужели вам неизвестно, что в России убийство поэта равносильно богоубийству. Уж лучше быть забытым, чем проклятым!

– Об этом не вам судить! – строго заметил Демон. – Кроме того, в вашей дальнейшей жизни все сложится прекрасно. Более того – ваше имя навсегда окажется вписанным в историю величайшей на свете культуры! Да и потом, сбылась ваша мечта – вам удалось осчастливить Наталью Николаевну.

– Каким образом?

– Вы избавили ее от преждевременной смерти в нищете, после рождения очередного ребенка от сумасброда Пушкина. Своим выстрелом вы принудили императора издать этот указ. – С этими словами Демон передал Дантесу записку следующего содержания:

«1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсион и дочерям по замужество. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать за казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единоновременно 10 т. Император *Николай* ».

Когда Дантес закончил чтение и поднял глаза, то снова встретился с взглядом Демона, которого никто не мог выдержать, не испытав при этом леденящего страха. И в который уже раз он поразился дьявольской алчности. Причем это была не просто алчность, не просто жадность до чужих душ, а некий особый смысл, некое обещание покровительства за любое преступление, связанное с самыми великими грехами.

– Одним словом, довольны остались все, – продолжал Демон, – а вот я... О, моя участь намного более печальна! Брошенный Пушкиным, которому я служил всю его жизнь, кому я теперь буду нужен! И даже имя обезглавят, не спросив поэта!

Не слушая стенаний Демона, Дантес размышлял о поджидавшем его в загробном мире судилище, а затем стал пристально всматриваться в висящее над алтарем распятие. Ему вдруг показалось, что в ушах его раздается чей-то искусительно-предательский женский шепот:

– Избавь его от мучений – и будешь вознагражден!

Дантес сделал последний глоток и выронил на пол мгновенно разбившуюся бутылку. Затем вскочил на ноги и, не обращая внимания на протесты Демона, выхватил из-под плаща пистолет, выстрелив в распятого на кресте Христа. Тот скорчился от боли и через мгновение мучительно умер, причем его увитое терновым венцом чело внезапно напомнило Дантесу облик Пушкина.

Под сводами храма послышался громогласный хохот и раздался торжествующий возглас:

– Теперь уже он не вознесется!

В ужасе зажав уши руками, Дантес бросился прочь, путаясь в подоле шелкового платья цвета темного меда. А Демон смотрел ему вслед и, судя по уголкам прищуренных глаз, невесело улыбался.

Санкт-Петербург, Ковенский переулок, 2004 год

– Чего ты орешь, котик? – лениво поинтересовалась Надежда, просыпаясь рядом с Никитой. – Приснилось что-нибудь ужасное? Тогда расскажи своей Монро, своей

развратной потаскушке, и успокойся. – Она принялась гладить его по всклокоченным волосам. – Ну же, что тебя так напугало? Закончилась последняя папироса с травкой или тебе перестали давать женщины?

– Отстань, дура, – глухо буркнул Никита, отталкивая ее блудливые руки. Перед его глазами все еще стояло видение корчившегося на кресте Христа, – в чью грудь он только что вогнал пулю из старинного дуэльного пистолета! – да звучала в ушах странная фраза: «И даже имя обезглавят, не спросив поэта!»

Спустив ноги с кровати, он яростно помассировал виски пальцами. И тут его затуманенный взгляд случайно упал на раскрытую книгу, лежащую на ночном столике. Заметив на одной из страниц портрет Пушкина, Никита недоуменно повернулся к сонно зевавшей Монро:

– Пушкина на ночь читаешь? Вот уж не ожидал! Зачем тебе это надо?

– Как – зачем? К семинару готовлюсь, – охотно отвечала она. – Ты уже забыл, что я учусь в универе на филолога?

– В самом деле?

– Ну да. А сейчас пишу дипломную работу о фригидности жены Пушкина.

– Не понял...

– Вот дурачок! Ты что, не знал? Наташка-то была фригидной, как моя знаменитая тетка Мэрилин Монро! Отсюда и все проблемы. Кроме всего прочего, она происходила из такой семейки, что о-ля-ля! Дед был пьяница и развратник, потративший почти все состояние на непотребных девок, отец – душевнобольной человек, а мать – постепенно спивающаяся святоша. Да в наше время такую семейку стоило бы подвергнуть насильственной стерилизации! Кстати, именно суровая мамаша всеми силами подавляла в своих дочерях сексуальные чувства. Отсюда у Натали родился страх перед сексом, за которым последовала фригидность. Неужели ты не знал о том, что в свете ее называли стыдливо-холодной красавицей?

– А как же дети, роман с Дантесом?

– Ну, то все легко объяснимо: дети – плод не секса, а банально-регулярного супружеского совокупления, в котором страсти было не больше, чем в равномерном покачивании железнодорожных вагонов. Что касается флирта с французиком, то это не что иное, как желание пококетничать от скуки и усладить свои нежные ушки горячими восторгами иностранца. Ведь секса-то у них не было, поскольку Натали он был просто не нужен. По крайней мере, так сказано в этой книжке.

Никита потянулся к книге и нехотя пробежал первый, попавшийся на глаза абзац:

«Стихотворение «Мой Демон» было написано Пушкиным в 1823 году, в следующем году опубликовано и впоследствии появлялось уже под другим заглавием, более обобщенным: «Демон». Советские текстологи совершили нелепую поправку – в романе «Евгений Онегин», в строке «Иль даже Демоном моим», стали писать слово «Демон» с маленькой буквы. Тем самым они умышленно обескровили и искалечили весь смысл, где в тексте Пушкина исчез сам Пушкин, который знал своего Демона в лицо...»

– Так вот что означала эта странная фраза – «и даже имя обезглавят»! – осенило Никиту. Пораженный внезапной догадкой, он заглянул на первую страницу обложки, где была помещена информация об авторе, и похолодел от ужаса:

«А.В. Воронцов . Доктор исторических наук, лингвист и крупнейший пушкиновед. Даты жизни: 1941-1992 гг.».

Глава 21

Такси остановилось у ворот отдельно стоящего двухэтажного здания, окруженного новеньким чугунным забором с завитушками. Никита попросил таксиста подождать его и бросился к калитке. Уже через мгновение он стоял на ступеньках крыльца, названивая в видеофон. Бронированную дверь отворил коренастый охранник.

– Привет. Дядя Гера на месте?

– Герман Петрович у себя в кабинете.

Проворной мышью Никита юркнул мимо охранника, взбежал по мраморным ступеням на второй этаж и открыл массивную дверь из красного дерева. В просторном кабинете, где приятно благоухал дорогой освежитель воздуха, по шелковому чилийскому ковру разгуливал Герман Петрович, негромко разговаривая по мобильному телефону. Его экономные движения обычно умиляли Никиту, но теперь он даже не обратил на них внимания.

– Здравствуй, дядя Гера...

– Ты что? Не видишь, я занят! Сядь в кресло и подожди, – недовольным тоном некстати потревоженного начальника приказал Герман Петрович и, подойдя к высокому окну, продолжил прерванную беседу.

Никита молча повиновался. Удобно устроившись в мягком кожаном кресле, он принялся ждать.

Ему хотелось поделиться со своим покровителем всеми событиями последних дней – рассказать ему о странном Воронцове, то ли восставшем из мертвых, то ли использующем имя умершего, и о его двенадцатилетнем спектакле, о ссоре с Сергеем и ухаживании за Наташей. Однако Герман Петрович был так прочно занят, что его разговор по телефону явно затягивался.

От нечего делать Никита принялся рассматривать хорошо знакомый ему интерьер кабинета, некогда принадлежавшего его отцу. Почти все здесь осталось неизменным. И дорогой письменный стол из черного африканского дерева по-прежнему стоял в правом углу, и на мраморном камине виселись большие старинные часы со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шпагой, а на щите красовалась эмблема древнего французского рода. И картина, писанная неизвестным русским художником XVIII века, изображавшая вид Швейцарских Альп, висела в той же громоздкой раме над книжным шкафом со стеклянными дверцами. Вот только у окна теперь стоял не отец, а его бывший заместитель – Герман Петрович Пономарев. Спокойная и уютная обстановка подействовала на Никиту столь умиротворяюще, что он, как-то незаметно для самого себя, пустился в философствования...

Размышлять о месте человека во Вселенной, о беспредельности пространства и бесконечности времени лучше всего на природе, тихой летней ночью, когда ярко сияют звезды – ведь их отдаленный свет начал свой путь, еще когда по земле бродили динозавры, а будущее человечества таилось в генах небольших теплокровных млекопитающих.

Размышлять о счастье и любви лучше всего во время романтических прогулок по Венеции, держа в руке теплую маленькую ладонь любимой женщины, которой долго добивался и с которой обвенчался только перед самым отъездом.

Размышлять о бренности всего сущего лучше всего на кладбище, среди мраморно-черных крестов и надгробий, под которыми лежат те, кто мучился такими же вопросами задолго до тебя. Впрочем, размышления о смерти не требуют особых обстоятельств – они сопровождают нас везде и всюду, отравляя самые прекрасные мгновения жизни и смягчая тягостную невыносимость самых ужасных ее мгновений.

И наконец, размышлять о смысле своей быстролетной жизни лучше всего именно в таких уютных и солидных кабинетах, которые словно бы хранят дух твоих предков! Никиту так поразило одно неожиданное соображение, что он достал мобильник, включил калькулятор и погрузился в вычисления.

Предположим, что средняя продолжительность человеческой жизни составляет 70 лет. Сразу отнимем 15 лет, ибо примерно с этого возраста человек начинает задумываться над смыслом собственной жизни. Оставшиеся 55 лет разделим на 3 – время, отводимое для сна, – и получим примерно 18 лет. Однако как минимум 2-3 часа в день у нас уходит на удовлетворение элементарных житейских потребностей – и то если предположить, что мы зарабатываем на жизнь любимым делом, а не тратим по 8 часов в день исключительно ради

хлеба насущного. Вычитаем еще два года и получаем 16 лет – это при самом идеальном для занятий философией образе жизни!

Забавная получается ситуация – одна из величайших философских проблем сводится к тому, чем заниматься в этой жизни на протяжении всего-навсего 16 лет! Да одно только чтение философских трактатов, посвященных данной проблеме, способно сократить это время как минимум вдвое! Чему же посвятить свои 16 лет земной жизни, если предположить, что никакой другой жизни нет?

«А что я, собственно говоря, здесь сижу, тратя впустую столь драгоценное время? – неожиданно спохватился Никита. – И чего жду от делового человека, занятого решением собственных проблем? Да и кто я такой, чтобы по каждому пустяку ломиться к столь солидному дяде?»

Устав от всех этих вопросов, которых у него скопилось гораздо больше, нежели ответов, Никита испытал адское желание немедленно взорвать ¹ папиросу, забитую хорошими афганскими шишками! ² Где еще искать прибежища от всех этих проклятых и неразрешимых проблем, как не в сладком и обволакивающем сознании дурмана?

И вот именно после этой многообещающей мысли Никита, совершенно неожиданно для себя самого, нашел единственно приемлемый ответ на все возникшие ранее вопросы. И этим ответом стал любимый афоризм покойного отца, который, по его собственным словам, принадлежал Оливеру Кромвелю: «Дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда идти!»

А действительно, зная ответы на все вышеставленные вопросы, не захочешь слезать с собственного дивана! Зато, не зная ничего этого, будешь идти до тех пор, пока что-нибудь не остановит... смерть или хотя бы милиция. Никита опомнился, и его лицо озарила та улыбка, которой он уже покорило немало женских сердец и надеялся покорить еще больше. Он берег эту улыбку, как карточный шулер – козырного туза, промотавшийся аристократ – последнюю фамильную драгоценность, отчаявшийся самоубийца – заветную ампулу с ядом...

Короче говоря, наш герой снова ожил и встрепенулся, будто очнувшись от затяжного сна. Когда раздался бой старинных часов со всадником и один забавный охранник, постоянно дежуривший около дверей кабинета, привычно воскликнул «Опаньки!», Никита принял окончательное решение.

– Пока, дядя Гера, – негромко сказал он, пружинисто вскакивая со своего места. И, поймав вопросительный взгляд покровителя, на секунду оторвавшегося от мобиля, поспешно добавил: – Я лучше заскочу после премьеры.

И он поспешно покинул кабинет, забыв, что человек предполагает, а Бог располагает.

Сергей подошел к зданию театра за пятнадцать минут до начала спектакля, который был назначен на час дня. Взявшись за дверную ручку, он в который уже раз прочел знакомое объявление: «Жизненная Школа Драматургии» – и вдруг призадумался. Забавно, но ведь первые буквы этого названия полностью совпадают с инициалами Жоржа Шарля Дантеса!

– Любопытно, – пробормотал он, вспомнив записку Донцова. – Пули у нас, значит, настоящие, посмотрим, каким получится само представление...

Пока он спускался в подвал, вслед за ним в то же самое здание вошел еще один человек, одетый во все серое. Перед тем как запереть за собой входную дверь, он снял табличку с названием театра и объявление о начале спектакля «46 часов до дуэли»...

Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 1837 год

¹ [1] Взорвать – (здесь) прикурить. (Примеч. ред.)

² [2] Афганские шишки – афганская трава. (Примеч. ред.)

Вечерело. Вдоль набережных Невы наступило затишье, город тонул в серых сумерках. Едва можно было разглядеть шпиль с ангелом над Петропавловской крепостью. Метель закончила свою печально-заунывную песню, обильно накрыв улицы Северной столицы белоснежным спокойствием, а сама отправилась вволю порезвиться на просторах Финского залива.

Барон Геккерен стоял на каменных ступенях набережной, словно намереваясь спуститься на заметенный снегом лед застывшей реки. Теперь в нем непросто было бы узнать благополучного и богатого нидерландского посла, принадлежавшего к одной из самых знатных голландских фамилий. Еще вчера обладавший самыми надежными и обширными связями в вельможных кругах Петербурга, сегодня он выглядел одиноким и подавленным. В его нагрудном кармане, рядом с заветным письмом Дантеса, лежало новое, написанное самим бароном часом ранее и адресованное графу Нессельроде: *«...Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить Вас прислать мне в нескольких строках оправдание моего собственного поведения в этом грустном деле; оно мне необходимо для того, чтобы я мог себя чувствовать вправе остаться при Императорском дворе. Я был бы в отчаянии, если бы должен был его покинуть...»*

Запыхавшийся виконт д'Аршиак стоял чуть выше барона. Он только что подошел и не смел начать разговор первым. Геккерен смотрел вдаль, будто пытаясь там, на самой линии горизонта, увидеть правильное направление для всех своих дальнейших действий. Наконец, виконт не выдержал и произнес:

– Господин барон, ваш сын не в себе от случившегося.

– Теперь все не в себе, – глухо ответил Геккерен, не оборачиваясь.

– Возможно, но он хочет просить государя о разжаловании в солдаты и отправке на Кавказ, где он собственной кровью смоет совершенное преступление. После смерти Пушкина господин Дантес будто пришел в себя...

– Что вы имеете в виду?

Виконт замаялся.

– Ну, с его глаз словно бы упала пелена былой ненависти к собственной жертве.

От этих слов барон резко повернулся, зло взглянул на секунданта своего сына снизу вверх и отчеканил:

– Жорж просто напился, и ему неприятно осознавать, что он убил человека.

– Нет, господин барон, – покачал головой д'Аршиак. – Жорж абсолютно трезв. И кроме всего прочего, в случившемся несчастье он винит не только себя...

Создалась долгая пауза. Мороз был весьма силен, но собеседники этого не замечали.

– Вы тоже так считаете, виконт?

– Да, господин барон. Дуэль была не честна по отношению к господину Пушкину, и вам это известно лучше, чем кому бы то ни было, поскольку именно вы сначала сделали из него жениха Екатерины Николаевны, а после толкнули на это убийство.

– Во-первых, это было не убийство, а честная дуэль; во-вторых, вы сами знаете, что Жорж, не собиравшийся никого убивать, намеренно целился в ногу и случайно попал в бедро, и, наконец, в-третьих, вам не хуже меня известно, что свадьба с Catherine есть не что иное, как подвиг высокого самопожертвования со стороны Жоржа ради спасения чести госпожи Пушкиной!

– В таком случае, сделав теперь госпожу Пушкину безутешной вдовой, от кого вы спасли ее на этот раз?

– Она сама может засвидетельствовать, сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она могла сорваться; сколько раз в своих разговорах с ней я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся... Я даже умолял ее предотвратить эту дуэль и увести своего мужа прочь, подальше от Петербурга, однако...

Барон спустился на две ступени вниз, на какое-то время замер, затем резко обернулся, бегом вернулся к д'Аршиаку, схватил его за грудки и закричал:

– Жоржу не в чем себя упрекнуть! Он абсолютно невиновен! Его противником был безумец, вызвавший его на дуэль без всякого разумного повода! Ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир! Понятно тебе это?!

Не дожидаясь ответа, Геккерен отпустил виконта, повернулся к реке, оперся о ледяной парапет и закрыл лицо руками. Глаза барона слезились, к горлу подкатил ком, в груди все сжалось. При этом он беззвучно шевелил губами: «Я виноват, что сделал из своего мальчика убийцу... Но что же мне теперь делать? Исправить случившееся невозможно... Кроме того, даже если бы Пушкин остался жив, все равно обвиняли бы только моего юного друга, а не этого злобного ревнивца! Однако теперь мне предстоит одолеть немало трудностей. Смерть Пушкина не предвещает ни Жоржу, ни мне ничего хорошего... Впрочем, следует быть справедливым по отношению к себе: ведь как бы ни поворачивалось колесо фортуны, победа в этих маневрах осталась за нами. Одно досадно – Жорж не хочет понять ничего этого. Он ставит карьеру превыше всего, и даже превыше меня... Боже мой, милый мальчик, почему же ты так строг ко мне... За что?»

И тут барон издал столь странный звук, что пораженный д'Аршиак покачал головой и долго еще не осмеливался потревожить застывшего, как ледяная статуя, Геккерена...

Глава 22

Санкт-Петербург, близ Волковского кладбища, 2004 год

– ...Наш режиссер – потомок древнего рода Воронцовых, который был оскорблен Пушкиным во время его южной ссылки, – шептал Донцов на ухо Никите, переодевавшемуся в костюм Дантеса, – поэтому главная цель этого спектакля состоит в том, чтобы отомстить Пушкину за его неблагодарность.

Никита удивленно приподнял правую бровь, а Донцов поспешно продолжил, пытаясь ничего не упустить:

– Да-да, все именно так, как я вам рассказываю. Граф Михаил Сергеевич Воронцов был боевым генералом, героем Отечественной войны 1812 года и всех последующих кампаний против Наполеона. В знаменитом Бородинском сражении он проявил такую доблесть, что был ранен штыком. Представляете? Генерал ранен штыком! После падения Наполеона Воронцов еще много полезного сделал для России. Это настоящий герой, и недаром его портрет висит в галерее Зимнего дворца, посвященной самым знаменитым деятелям восемьсот двенадцатого года...

– И что дальше? – поторопил Никита. – Зачем вы мне все это рассказываете?

– А затем, чтобы вы прониклись к тому персонажу, которого вам предстоит убить, теми чувствами, которых он заслуживает. Когда граф Воронцов, будучи уже одесским губернатором, встретил ссыльного Пушкина, то отнесся к нему со всей доброжелательностью. Он ввел его в свой дом и предоставил ему возможность заниматься в своей уникальной библиотеке, сто лет собиравшейся его предками. А чем же отплатил Пушкин? Соблазнил жену графа, да еще написал на него крайне оскорбительную эпиграмму, благодаря которой мы вспоминаем не героя Отечественной войны, а черт знает кого...

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Просто удивительно, как Воронцов еще это стерпел! Зато наш режиссер, как прямой потомок того самого Михаила Сергеевича, мстит Пушкину за своего прапрадеда уже двенадцать лет подряд. Послушайте моего совета, юноша, и бегите отсюда, пока еще не

поздно...

– Господин Дантес, не забудьте надеть кольчугу, – входя в гримерку, потребовал режиссер, по случаю премьеры одетый в черный фрак и белые перчатки. От его прежнего повседневного наряда осталась неизменной лишь красная бабочка и гладковыбритый подбородок.

Донцов тут же замолчал и отошел от Никиты.

– Да зачем она мне? – удивился Никита, которому совсем не улыбалась мысль снова переодеваться, расстегивая и застегивая многочисленные и весьма тугие пуговицы конногвардейского мундира.

– Таково условие спонсора, – пояснил Воронцов, и «Дантесу», еще не успевшему переварить как сбивчивый рассказ Донцова, так и его более чем странный совет, пришлось нехотя подчиниться.

Через минуту в гримерке появился запоздавший Сергей. Сухо поздоровавшись со всеми, он принялся быстро переодеваться.

– Куда ты пропал и зачем отключил мобильник? – подошла к нему Наташа, на что он лишь холодно пожал плечами:

– После спектакля поговорим.

– Совершенно верно, – поддержал его режиссер. – Никаких разговоров на отвлеченные темы. Все мысли только о трагедии Пушкина. Сейчас на дворе не две тысячи четвертый, а восемьсот тридцать седьмой год. И давайте поживее, скоро начало. Кстати, как настроение, мой дорогой Жорж?

– Как у Дантеса, – без тени улыбки отвечал Никита, сразу вспомнивший сегодняшнее открытие, которому он был обязан развратной филологине Монро. Скорее всего, в той книге была какая-то опечатка... Или их режиссер – полный тезка автора. А Донцов? Он может просто лгать, чтобы насолить Алексею Владимировичу, которого явно недолюбливает.

– А с вами, отец Петр, все в порядке? – И Воронцов повернулся к Донцову.

Тот едва заметно кивнул, отвернувшись и поправляя замызганную рясу.

– Постарайтесь настроиться на главную мысль – в тот момент, когда душа умирающего Пушкина находится, так сказать, в зоне неопределенности, долг изображаемого вами священника – молитвой способствовать возрождению этой души для вечной жизни. Вы должны молиться за него так, чтобы наш Пушкин, – и режиссер указал на притихшего Сергея, – действительно ощутил себя смертельно раненным.

Донцов снова кивнул, по-прежнему не поднимая глаз, а Воронцов окинул взглядом гримерку, посмотрел на часы и с ужасом воскликнул:

– О боже! Где же наша Catherine?

Актеры недоуменно переглянулись, и Марина спросила первой:

– Кто-нибудь знает ее телефон?

В ответ последовала тишина. Воронцов принялся рыться в своем портфеле, недовольно бурча себе что-то под нос. Впрочем, не прошло и пяти минут, как дверь открылась и на пороге появилась запыхавшаяся Евгения, держащая за руку миловидного малыша лет семи. Он радостно улыбался, мать сняла с него шапку, и по плечам рассыпались длинные русые кудри.

– Это кто же у нас такой красивый... – восхитилась Марина, но ее тут же прервал возмущенный окрик режиссера:

– Это еще что за киндерсюрприз? Я же предупреждал, что никаких посторонних людей на спектакле быть не должно!

– Это мой сын Жорик, – принялась виновато оправдываться Евгения, – так получилось, что именно сегодня мне его совершенно не с кем оставить. Да вы не волнуйтесь, Алексей Владимирович, он у меня тихий. Посидит тут в гримерке, книжку почитает... Он не помешает, обещаю вам!

Несмотря на ее уверения, данная ситуация явно напрягла режиссера. В какой-то миг присутствующим даже показалось, что от нахлынувших на него чувств Воронцов готов

впасть в истерику. Пока он боролся с самим собой, пауза затянулась. Наконец, после того как он выглянул в зал и надел на голову цилиндр, ему удалось перебороть свою ярость.

– Наш спонсор уже прибыл, так что давайте начинать, – оживленно сообщил режиссер. – А ты, молодой человек, – самым внушительным тоном обратился он к мальчику, – сиди здесь, никуда не выходи и, пожалуйста, не шуми!

Жорик радостно кивнул и заулыбался еще шире. В ответ на эту чудесную детскую улыбку невольно улыбнулись и остальные, и только Никита застыл от ужаса, напоминая собой окаменевшую статую. Они встретились взглядами с Евгенией, и его буквально пронзило одно воспоминание...

Это случилось давно, на вечеринке, посвященной окончанию школы. Празднование происходило на квартире их старосты, чьи родители предупредительно уехали на дачу в Ораниенбаум. Среди приглашенных одноклассниц и одноклассников Никиты еще была старшая сестра старосты, не слишком красивая, зато и не отличавшаяся строгим нравом девушка, которую звали... Боже, ведь это и была Евгения!

Никита вспомнил, как долго он, уже прилично захмелевший, танцевал с Женей на глазах у остальных, а потом, воспользовавшись тем, что большинство одноклассников или перепились, или стали собираться домой, незаметно увлек ее в ванную и запер за собой дверь.

– Зачем ты это делаешь? – лукаво спросила Евгения.

– Сейчас поймешь, – пробормотал Никита, поворачивая девушку лицом к себе и жадно впиваясь в ее ярко накрашенные, улыбающиеся губы.

Сначала Евгения отвечала на его поцелуи и прижималась к нему с такой откровенной страстью, что он терял голову, но затем, когда его руки оказались под ее джемпером, начала отстраняться.

– Ты что? – шепотом спросила она.

– А что? – так же шепотом отвечал он и даже зачем-то включил воду.

– Ты же не собираешься прямо здесь?

– А почему бы и нет?

– С ума сошел?

– Да хоть бы и так!

С этими словами он решительно задрал на ней джемпер и на удивление быстро расстегнул простенький белый бюстгальтер. Грудь у Евгении были маленькие, мягкие и нежные, с красивыми, идеально круглой формы светло-розовыми сосками.

Она лишь засмеялась, когда он начал их целовать, делая это не слишком умело и оставляя всюду влажные следы.

– Никит!

– Ну что?

– Ты меня уже всю обслюнявил!

– Хватит издеваться! – И Никита, чтобы избежать дальнейших насмешек, снова приник к ее губам, жадно вбирая в рот ее горячий язык.

При этом, оставив в покое джемпер, он пытался расстегнуть ее брюки, но никак не мог найти «молнию».

– Дурачок, ты не там ищешь. Она вот здесь. – Задыхаясь от страсти, Евгения взяла его руку и положила себе на левое бедро.

Через минуту Никита уже стягивал с нее брюки вместе с трусиками, а Евгения ловко расстегивала «молнию» его джинсов. Когда она высвободила его возбужденный член и тонкими шаловливыми пальчиками принялась играть с ним, Никита зарычал.

– Тебе приятно?

– Еще бы! Где ты этому научилась?

– Места надо знать!

Теперь они целовались, полуприкрыв глаза и одновременно лаская друг друга, причем делали это со столь откровенно-развратной жадностью, что Никита всерьез начал опасаться

собственной несдержанности.

– Евгения!

– Ну чего?

– Повернись, пожалуйста, спиной и садись на меня.

– Ты думаешь, так у нас получится?

– Почему бы и нет?

– Тогда дай я хоть брюки сниму!

Пока она это делала, Никита опустил перед ней на колени и принялся целовать ее упругие белые ягодички, стараясь раздвинуть их как можно шире и проникнуть языком как можно глубже.

Наконец она выпрямилась, повесила брюки на крючок рядом с полотенцем и с молчаливой усмешкой оглянулась на Никиту. Он тут же вскочил, сдернул до колен джинсы и, присев на холодный край ванной, привлек ее к себе. Она слегка приподняла правую ногу, благодаря чему он вошел в нее почти сразу же – вошел и даже вскрикнул от совершенно невыносимого удовольствия.

– Тише ты. – Она шлепнула его по обнаженному бедру. – Чего ты так орешь?

– Ой, детка, ты такое блаженство... – едва выговорил он заплетающимся языком.

– Знаю, что блаженство. Но ты все равно не вздумай в меня кончать! – И она умело заелозила бедрами.

Совершенно обессиленный и умирающий от счастья, Никита не продержался и пяти минут, после чего, не сдержавшись, кончил, не успев ничего понять. Евгения не обиделась, более того, когда он принялся нежно и благодарно ласкать ее, томно промурлыкала совершенно риторический вопрос:

– Нет, ну тебе правда очень понравилось?

И вот спустя семь лет он встретил свое юношеское блаженство в образе коллеги-актрисы, с которой им предстояло сыграть в одном спектакле. Более того, судя по многозначительному взгляду Евгении, этот Жорик был его сыном!

Что за черт! Не спектакль, а какой-то цирк! Кругом одни сюрпризы.

Как оказалось, представление должно было состояться для одного-единственного зрителя! Это был весьма странный господин, одетый во все серое. Мало того, несмотря на царивший в зале полумрак, на нем были темное пенсне и широкополая шляпа, скрывавшая лицо до гладковыбритого подбородка. Правая рука покоилась на рукоятке длинной испанской шпаги средневекового образца, которую спонсор снял с пояса и аккуратно разместил поперек колен. Лишь при ближайшем рассмотрении можно было заметить, как подергивается мизинец, беззвучно касаясь длинным ногтем набалдашника рукоятки, во всем остальном единственный зритель был очень спокоен.

Спектакль начался с появления на сцене Воронцова, причем под весьма игривую мелодию из знаменитой оперетты Оффенбаха «Орфей спускается в ад». Когда музыка стихла, режиссер замер посреди сцены и задумчиво изрек:

– Итак, Александр Сергеевич Пушкин... Человек, который, живя во мраке, умел писать о свете. Поэт, который всеми своими произведениями утверждал непреложную истину – никакое злодеяние не может быть оправдано высокими целями. И никакой смертный не может карать и миловать по своему усмотрению даже во имя искусства. Наш мир изначально устроен разумно и гармонично, поэтому один из самых страшных грехов – пытаться переделать создание Всевышнего. Чтобы доказать все это, мы покажем поэта в последние сорок шесть часов его жизни, причем жизни до дуэли, поскольку в нашем варианте Пушкин умрет сразу после выстрела. Представление начинается.

Воронцов зажег свечу, после чего и без того скудное освещение сцены окончательно погасло, и прислонил к лицу маску мраморно-белого цвета. Маска имела прорезы для глаз и изображала в точности лицо Александра Сергеевича Пушкина. Какое-то время режиссер ходил по сцене, словно бы кого-то разыскивая, а потом вдруг наткнулся на диван и

склонился над лежащим на нем человеком. Разумеется, это был Сергей, заgrimированный под Пушкина. Он лежал с закрытыми глазами, не шевелясь, словно бы уже умер. Воронцов присел рядом с ним, провел рукой по его волосам и вкрадчиво спросил:

– Готов ли ты идти со мной?

И тут погасла даже свеча, после чего наступила крошечная темнота. Когда зажегся прожектор, то Сергей по-прежнему лежал на диване, однако вместо Воронцова рядом с ним сидел Андрей, заgrimированный под Данзаса. Сергей вздрогнул и открыл глаза со словами:

– Только что за мной приходил слуга Сатаны!

– Да Бог с тобой! – не поверил «Данзас». – Тебе это пригрезилось.

– Нет-нет, все было настолько явственно, что мне до сих пор страшно. Причем он предстал предо мной в виде моего же двойника. Неужто Демон каждого смертного является пред ним как зеркало? Или, что еще хуже, тем, кого сам смертный увидит в Демоне своем и возжелал? О боже, как мне тяжело...

– Может быть, позвать доктора?

– Уж лучше послать за священником. Видно, душа моя исповедаться хочет.

– Сейчас все исполню, – кивнул Данзас-Андрей и поспешно удалился в темноту.

– О боже, как мне тяжело, – оставшись в одиночестве, застонал Сергей. – Я больше не в силах терпеть эти муки...

Из темноты вновь появился Воронцов. Подойдя к Сергею, он вручил ему пистолет и так же молча удалился.

– А ведь мой вечный спутник тьмы прав, – задумчиво произнес Пушкин-Сергей, приставляя пистолет к своей груди. – В моем положении это наилучший выход...

Его лицо исказилось, словно бы он намеревался нажать на курок, но ему не хватало силы духа. И так продолжалось до тех пор, пока не вернулся «Данзас».

– Я все устроил, – сообщил он, – так что священник скоро будет. Что это у тебя в руке? Откуда ты взял пистолет?

– Сам Сатана вложил его мне в руку, но я не смог...

– Отдай немедленно.

«Данзас» вырвал из руки «Пушкина» пистолет и отбросил его в сторону.

Одна сцена сменяла другую, и, наконец, состоялся разговор «Дантеса» с «Долгорукой», после чего подмости в очередной раз погрузились в темноту, а когда прожектора вспыхнули снова, перед единственным сидевшим в зале зрителем предстала сцена дуэли. Данзас-Андрей и д'Аршиак-Олег обозначили барьеры шинелями, после чего первый из них обратился к Пушкину-Сергею, одетому в красный с зелеными клеточками архалук:

– Александр Сергеевич, по нраву ли тебе это место?

– Мне решительно все равно, где это состоится. Главное, делайте все поскорее.

Когда приготовления были закончены, Данзас-Андрей картинно взмахнул шляпой, прочертив ею полукруг в воздухе. Однако Дантес-Никита повел себя весьма странно. Вместо того чтобы первым сделать свой выстрел, он вдруг замешкался и провел перед глазами рукой с зажатым в ней пистолетом. Ему вдруг почудилось, что, стреляя в «Пушкина», он совершает самоубийство, то есть стреляет в самого себя! От такого видения Никите стало трудно дышать, и тогда он свободной рукой начал расстегивать верхнюю пуговицу мундира.

– Что, мерзавец, совесть замучила? – не сдержался Сергей. – За всю твою жалкую жизнь до тебя никто пальцем не дотронулся. Никто тебя не запугивал, никто тебя ничего не лишал, вот и вырос ты натуральным жлобом! Все время был под крылышком у отца, а теперь к дяде Герману присосался. Жалкое существо! От природы ты пошляк, ленивый хам и бездарь! Торгуя наркотиками, сам стал зависимым торчком и хотел, чтобы жизнь твоя складывалась без проблем и в полном блаженстве? Хрен тебе! Так не бывает! И вообще, ты самый заурядный предатель, для которого слово «дружба» ничего не значит. Ведь ты посягнул на самое святое, на невесту друга! И теперь наступил час расплаты! Ты, жалкий червяк, не достоин даже ползать по этой земле... И уж кто действительно на этой сцене сообщник Сатаны, так ты и есть!

Не в силах более терпеть импровизацию Сергея, на сцене появился Воронцов с натянутой улыбкой. Он сделал несколько шагов к «Пушкину», протянул к нему руки и собрался что-то сказать, как вдруг на сцене грянул самый настоящий выстрел, который, сам того не желая, произвел ошеломленный Сергей. Никита выронил свой пистолет и медленно опустился на пол, прижимая левой рукой к туловищу пробитую пулей правую руку, из которой на сцену закапала самая настоящая кровь. Из-за кулис выскочила Евгения и с криком бросилась к Никите.

Человек в сером наряде встал с кресла и замер, но на него уже никто не обращал внимания. Вслед за «Catherine» Воронцов подбежал к Барскому и склонился над ним.

– Ты жив?

– Да, но ранен... И по-настоящему!

– Однако вставай, голубчик, вставай! Тебе нужно сделать свой выстрел.

– Я не могу, – простонал Никита.

– Он не может, – повторила Евгения, пытаясь поддержать раненого дуэлянта.

– Неужели так больно? Ну же, наберись сил! – яростно подзуживал словно бы обезумевший режиссер. – Давай я помогу тебе встать. Или, если хочешь, стреляй лежа!

– Я не могу выстрелить в Пушкина, – упрямо покачал головой Никита, отталкивая руку Воронцова. – Он этого не заслужил.

– Как – не заслужил? Да ведь этот человек хотел тебя убить! Ответь ему тем же!

– Не могу...

– Да оставьте же его, наконец, в покое! – отчаянно закричала Евгения. – Не видите, он кровью истекает...

– Какой же ты кретин после этого, Дантес! – не обращая ни малейшего внимания на «Catherine», презрительно заявил режиссер. – И не тебе решать, чему суждено быть! В конце концов, ты актер, и твой долг на сцене – следовать тексту роли!

Как ни странно, но напоминание об актерском долге неожиданно подействовало. Стоящий на коленях Никита локтем отодвинул Евгению, зажмурился и тяжело поднял руку с пистолетом, направив его в сторону Сергея. Присутствующие замерли в напряженном ожидании. В последний момент Никита все же дрогнул, отвел пистолет, и пуля, выпущенная им в сторону Пушкина-Сергея, гордо стоявшего на своем месте, нашла себе самую неожиданную жертву.

Иначе говоря, она попала в шею «священника», отчего тот охнул и упал на руки находившегося позади него «Данзаса». Не удержав разом обмякшее тело, тот осторожно опустил Донцова на пол. Из зала послышался возглас досады, после чего забытый всеми спонсор громко щелкнул пальцами, одним рывком вдел шпагу в перевязь и направился к выходу.

– Остановите его! – зажимая рану рукой, прохрипел Донцов. – Это и есть разочарованный Демон Пушкина. Он не может успокоиться оттого, что остался на земле, в то время как Пушкин давным-давно вознесся на небеса.

Заметив неподалеку от себя шкатулку с двумя еще не разряженными пистолетами, Никита бросился к ней, выхватил один из них и не своим голосом закричал:

– Стой, иначе буду стрелять!

Человек в сером остановился и с любопытством посмотрел на сцену:

– Вы действительно хотите меня убить? Это чертовски любопытно.

С этими словами спонсор приблизился к сцене, движимый теми чувствами, которые ни один смертный никогда бы не смог разгадать. Оказавшись у самой рампы, он поднял голову и снял пенсне, после чего все присутствующие, исключая режиссера и Донцова, замерли в ужасе. Ведь лицо молочного цвета было лицом самого поэта Пушкина, но только не живого, а мертвого с закрытыми глазами. Немного постояв, «спонсор» открыл веки, обнажив еще более страшные, чем само лицо, глаза, метнул в раненого Никиту бездушным лучом презрения, от которого тот содрогнулся, и надменно произнес:

– Впрочем, раз уж все пошло совсем не так, как было запланировано, попробуйте

сделать это на глазах у вашего сына.

Обескураженный столь хладнокровным предложением, Никита снова вздрогнул, глянул в сторону кулис, из которых выглядывала русоволосая голова мальчика, и нерешительно опустил руку.

– Будь ты проклят, Дантес! – заметив его колебания, снова прохрипел умирающий Донцов. – Да будь же мужчиной! Это не человек, говорю тебе, так хоть попробуй это сделать!

– Что сделать? – не сразу понял Никита.

– Убить Демона, который двенадцать лет назад обманул и меня самого, из-за чего я теперь прямиком отправлюсь в ад. Ну же, Дантес, перекрестись, прошепчи молитву и стреляй прямо в лоб!

И вновь, воодушевленный страстными заклинаниями умирающего, Никита поднял пистолет. «Спонсор» продолжал стоять перед рампой, скрестив на груди руки, причем на губах его играла самая инфернальная усмешка.

– Стреляй же, друг мой, нам уже не страшно, – патетично произнес Демон и тут же добавил шепотом: – Хотя постой. Быть может, перед тем как нам расстаться, ты возжелаешь Демона увидеть своего? Какой он? Ты еще не знаешь... У каждого он свой...

Никита стоял, окаменев в буквальном смысле слова. По крайней мере, так ему казалось, поскольку он не мог пошевелить даже мизинцем. Тем временем Демон Пушкина продолжал свой монолог:

– Так что ж, устрою тебе радость. Не всякому дано увидеть лик, вершащий то, что вы судьбой своей зовете.

– Убей его... – последний раз попросил Донцов и затих навеки.

И тут Демон, подобно фокуснику, извлек небольшое зеркало и показал его Никите. Тот, выйдя из оцепенения и увидев кого-то в зеркале, затрясся, подобно умирающему в предсмертной лихорадке.

Евгения кинулась к сыну, чтобы утащить его в гримерку и тем самым избавить от столь драматического зрелища. Демон убрал зеркало и поинтересовался:

– Каково?

И вдруг Никита, прошептав: «Господи, не оставь меня в столь трудный час», выпрямился, перестал трястись, и с неожиданной отчетливостью осознав всю свою несостоятельность и почувствовав отвращение к себе, вспомнив все прожитые годы, уже хотел было нажать на курок, как в дело вмешался режиссер. Навалившись сзади, он обхватил Никиту обеими руками и попытался опрокинуть на пол.

– Проклятый щенок! – шипели его злобно кривящиеся губы. – Я доверил тебе такую роль, а ты ее так бездарно провалил. Отдай пистолет, и я сам тебя прикончу!

Они повалились на сцену и стали яростно кататься под ногами пытавшихся разнять их актеров, каждый из которых стремился завладеть пистолетом. Никита настолько искренне поверил угрозе режиссера, что боролся с ним изо всех сил, позабыв про раненую руку. Да и могло ли быть иначе, если теперь речь шла о его собственной, пусть даже пустой и ничемной жизни...

Когда раздался глухой выстрел, никто поначалу не понял, что именно произошло. И лишь когда Воронцов, закатив глаза, распростерся навзничь, а Никита боязливо отполз прочь, все стало ясно. Воспользовавшись всеобщим оцепенением, «спонсор» закрыл глаза, надел пенсне и незаметно исчез, навсегда оставив свой холодный образ в сердце Никиты. Первой, заметив, как быстро слабеет Никита от потери крови, опомнилась Наташа.

– Что же ты стоишь как истукан! – набросилась она на Сергея. – Его надо срочно отвезти в больницу! Беритесь же и помогите! – обратилась она к остальным актерам.

Во время суматохи, пока они, все вместе, взяв Никиту за руки и за ноги, уволокивали его со сцены, кто-то, сам того не заметив, наступил на труп Воронцова. Наступил, но не упал и даже не споткнулся, поскольку тело бесследно исчезло, и теперь на сцене валялись только черный фрак и белая манишка...

Глава 23

Потрепанная «корейнка» Сергея оказалась набитой до отказа. На заднем сиденье разместили потерявшего сознание Никиту, рядом с которым оказалась Наташа, успевшая перевязать его рану собственным кашне. Ей активно помогали Андрей и Марина. Олег сел спереди, и Сергей немедленно завел двигатель. Разумеется, что никто из них и не подумал переодеваться, поэтому на всех были театральные костюмы. Когда машина выезжала из двора мрачного здания, на крыльце появилась Евгения, держащая за руку сына. Она бросилась следом, но Сергей, не заметив или не захотев заметить девушку с ребенком – все равно сажать уже было некуда! – поддал газу, и его машина рванула вперед.

У Никиты начался жар, он стал бредить:

– Я не виноват... Не виноват в том, в чем меня обвиняют. Эти глупцы никогда и ничем не смогут доказать, что я – сообщник Сатаны, что Демон прельстил меня обманом и толкнул на это преступление. Господь все видит! Он мой свидетель... И Он поможет моему сыну...

Стремясь поскорее доставить друга в больницу, Сергей вел машину, пренебрегая всеми правилами дорожного движения и не обращая внимания на озверелые свистки гаишников. Разумеется, столь беспардонная езда по обледевшим дорогам старого Петербурга не могла не закончиться плачевно. «Корейнка» выскочила на набережную Обводного канала, где едва не столкнулась со снегоуборочной машиной. Сергей надавил тормоз и вывернул руль, в результате чего машину занесло, она врезалась в ограду и, со скрежетом проломив ее, упала на лед.

Удар перегруженного автомобиля был столь тяжел, что лед сразу треснул и раскололся, отчего «корейнка» быстро провалилась в полынью. На какой-то миг, от прикосновения ледяной воды, к Никите вернулось сознание. Но единственное, что он успел спросить, было: «Где мой сын?» Олег и Сергей еще сумели открыть передние дверцы, однако этим только ускорили всеобщую кончину. Ледяная вода хлынула в салон так стремительно, что не прошло и минуты, как все было кончено...

Когда взбаламученная полынья немного успокоилась, откуда-то из глубины черных вод зловещим напоминанием об изначальной причине трагедии медленно всплыл последний лист брошюры «Не мог щадить он нашей славы?», так и не дочитанной Никитой до конца...

«Что ж? Веселитесь...» Поручик Дантес, снедаемый загадкой – кто пасквильянт, кто разрушил его так славно начавшуюся карьеру, не слишком веселился в это время. После дуэли он был арестован, содержался в Петропавловской крепости и по решению военного суда «за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина» был лишен чинов и разжалован в рядовые. Однако Николай I, как мог, смягчил приговор и выслал Геккерена-младшего из России, что было исполнено 19 марта 1837 г.

Во Францию он вернулся, на удивление всем своим землякам, отнюдь не разбогатевшим героем. Для хитроумной интриги против Пушкина, в которой обвиняли и до сих пор обвиняют его вместе с приемным отцом, конец бессмысленный и беспощадный.

Его жена Екатерина Николаевна последовала за ним, сказав напоследок своей младшей сестре во всеуслышание, что «готова забыть прошлое и все ей простить...». Уже не вовлечение ли в интригу, связанную с дуэлью и последующим изгнанием из страны, собиралась Catherine простить Nathalie?

Она умерла через шесть лет от родильной горячки, в 1843 году подарив Дантесу четвертого ребенка – сына. До этого, к прискорбию самого Жоржа, рождались только дочери, а ему необходим был наследник. Екатерину Николаевну, баронессу Дантес, похоронили в Сульце. Сохранилось предание, что, умирая, она шептала слова, написанные в 1837 году мужу, уже уехавшему за границу: «Единственную вещь, которую я хочу, чтобы ты знал, в чем ты уже вполне уверен, это то, что я тебя крепко, крепко люблю и что в одном тебе все мое счастье, только в тебе, тебе одном!»

Младшая их дочь Леони боготворила Пушкина и не разговаривала с отцом, которого

прилюдно называла «убийцей гения». Она обожала своего русского «дядю» до такой степени, что даже повесила его портрет вместо иконы. Более того, Леони сочиняла стихи, посвященные великому русскому поэту, которые, впрочем, остались неизвестны даже ее современникам...

Поговаривали, что она была душевнобольной, поскольку закончила свои дни в психиатрической больнице, дожив до сорока восьми лет. Вскоре к Дантесу переехал барон де Геккерен, который был удален из России с позором. Впрочем, голландский король скоро назначил его на не менее важный пост – посланником при австрийском дворе. Геккерен умер в глубокой старости, окруженный всеобщим почетом в доме своего приемного сына Жоржа.

Судьба самого Дантеса, как и обещал ему Демон, сложилась вполне удачно. Он стал сенатором Франции, учредителем ряда банков, а также промышленных и страховых обществ. Кроме того, он был лучшим мэром города Сульца, жители которого его просто обожали. И после смерти Дантеса они даже назвали главную улицу в его честь, причем серьезной заслугой убийцы величайшего российского поэта стало проведение городской канализации. Известно еще, что своими политическими воззрениями он весьма раздражал оппонента, которым был не кто иной, как сам Виктор Гюго. Правда, упрекал ли тот его в убийстве своего русского собрата по перу, истории осталось неизвестно.

Зато хорошо известно, что скончался Дантес в 1895 году, причем современники описывали его как статного старца.

«За что ты покарал меня, Господи? И почему единственная женщина, которую я любил, осталась для меня недостижимой?» – эти слова Жорж Дантес написал незадолго до своей смерти. В этой связи уместно вспомнить и еще один эпизод. Однажды Дантес был с сыном в парижском театре. В одной из лож он увидел немолодую, но все еще красивую женщину и сказал ему: «Видишь, малыш, вон ту даму в ложе? Так вот, это твоя тетя Nathalie». Сам подойти к Натали он не осмелился. Таким образом, для многих современников Пушкина, не говоря уже о его бесчисленных почитателях, главным вопросом истории русской литературы остается все тот же, весьма интимный: изменила ли Наталья Николаевна своему мужу или нет? И признать, будь на этот вопрос четкий ответ, гигантская пушкиниана для многих утратила бы основную часть своей привлекательности.

Итак, в заключение истории о Жорже Шарле Дантесе хочется привести одно давнее, относящееся к 80-м годам XIX века высказывание, принадлежащее писателю, члену Французской академии Полю Эрвье.

В те годы Дантес жил в собственном особняке на авеню Монтедь, в районе Елисейских Полей. Он был частым посетителем аристократического клуба «Серкль эмпериаль», где неоднократно встречался с вышеупомянутым писателем. И тот, будучи безжалостным обличителем высшего общества, не сдержался, чтобы не написать, что, встречая в салонах Дантеса, «этого рослого, с великолепной выправкой одинокого старца», он говорил себе: «Вот тот, кто принес смерть Пушкину, а Пушкин принес ему бессмертие, как Эфесский храм тому, кто его разрушил».

Тем временем в опустевшем театре, за кулисами, в забытой всеми сумке Никиты постоянно, с периодичностью в пять минут, мерцал экран мобильного телефона. Это звонил Герман Петрович, почуявший что-то неладное, хотя не прошло и получаса после ухода Никиты. С некоторым опозданием Пономарь все-таки понял, что молодого человека привело к нему нечто важное, а потому и хотел пригласить его на ужин в свой любимый китайский ресторан, чтобы уже там без помех побеседовать.

К своей досаде, Герман Петрович поздно осознал, что не успел узнать даже адреса или названия театра, где должен был состояться спектакль. Как назло, мобильник Никиты безмолвствовал, поскольку тот умышленно отключил звук перед премьерой, и лишь на экране неизменно высвечивалось: «Дядя Гера... Дядя Гера... Дядя Гера...» Вот только

прочитать эту надпись было уже некому...

«Мерседес» Пономаря подъехал к его любимому рыбному ресторану класса люкс – «Матросская Тишина», где для Германа Петровича всегда готовили блюдо на чешуйчатом льду с устрицами и мидиями. Прежде чем выйти из машины, он, не теряя надежды встретиться сегодня с Никитой, отправил тому SMS-сообщение: «Жду тебя в Тишине!» – и немного задумался...

Большинство мгновений сменяют друг друга совершенно незаметно, но есть среди них и такие, которые словно бы застывают, впитывая в себя вечность. Именно в такое мгновение Герман Петрович и успел понять, что конец света – это совсем не обязательно термоядерная война или глобальная космическая катастрофа. Напротив, это всего-навсего короткий автомат в руках у человека в черной маске, который неожиданно появится и, разрядив в тебя весь «рожок», так же незаметно исчезнет...

Впрочем, увидев киллера через тонированное стекло своего «мерса», Пономарь еще успел дернуться, вскинул руки к лицу, словно пытаясь защититься, и даже почувствовал, как обожгло простреленную ладонь, – но все это было так же тщетно, как, стоя у подножия вулкана, пытаться оттолкнуть катящуюся на тебя лавину...

А спустя еще полчаса на месте преступления уже всюду шустро шли знаменитые питерские менты. Роскошный «мерседес» Пономаря напоминал дуршлаг. Судя по количеству пулевых отверстий, в него выпустили целый рожок из автомата Калашникова. За милицейским оцеплением, то и дело хватаясь за голову, ходил бледный и трясущийся телохранитель Пономаря – единственный, которому чудом удалось уцелеть. Сам Герман Петрович, залитый свежей кровью, раскинулся на заднем сиденье и уже начал остывать. На переднем, уронив простреленную голову на руль, застыл водитель-охранник.

На улице Марата, неподалеку от Театра имени Ленсовета, собралась небольшая толпа, человек пятнадцать зевак, не считая нескольких милиционеров и сыщиков в штатском, двух фоторепортеров, а также врача и медсестры. Так уж устроена человеческая психика, что при виде чужой смерти непроизвольно, в самой глубине ужасающегося сознания, неизбежно всплывает одна и та же мысль: «Как хорошо, что умер он, а не я, как хорошо, что еще не настала моя очередь...» Недаром же знаменитый Блез Паскаль сравнил человечество с толпой людей в цепях, приговоренных к смерти. «Каждый день некоторые из них умерщвляются в виду остальных; остающиеся видят свое собственное положение в положении им подобных, и, смотря друг на друга с чувством скорби и безнадежности, ожидают своей участи...»

И как бы в виде мрачной иронии судьбы, над всем этим зловещим побоищем каким-то издевательски-задорным диссонансом гремела песня Пугачевой, доносившаяся из мощной магнитолы изрешеченного «мерседеса», настроенной, естественно, на волну «Русского радио»: «Ледяной горою айсберг из тумана вырастает...»

– Что тут случилось? – прошепелявила какая-то любопытная старушка, из числа тех знаменитых «Аннушек», которые готовы везде и всюду проливать свое масло – что в Москве, что в Питере.

– Заказное убийство, бабуля, – недовольно буркнул молодой лейтенант. – Сами, что ли, не видите? – Затем, покосившись на красивую даму, стоящую за милицейским оцеплением, повернулся к своим подчиненным и раздраженно рявкнул: – Да выключите вы кто-нибудь эту проклятую музыку!

«А ты такой холодный, как айсберг в океане...» – еще успела пропеть прима российской эстрады, перед тем как милицейский сержант, осторожно заглянув в окровавленный салон «мерседеса», выключил магнитолу.

Глава 24

Санкт-Петербург, набережная Мойки, 1837 год

Зима была на своем пике; кружились февральские метели, тяжелые свинцовые тучи с утра до вечера медленно и уныло тянулись по небу и такой же тоской отзывались в душе каждого человека, так или иначе причастного к гибели Пушкина. В тот сумрачный и тоскливый день, вызывавший единственное желание – чтобы он поскорее кончился, в доме на Мойке царила всепоглощающая тишина. Вдова Пушкина отсутствовала – на ее голову навалилось так много суетных дел, связанных с приготовлением к отъезду из Санкт-Петербурга, что иногда ей хотелось просто убежать из дому, в поисках поддержки где-то на стороне. И она часто находила содействие и понимание в семье Карамзиных, где Ташу жалели, защищали от нападков и называли бедной жертвой собственного легкомыслия и людской злобы. Только дети Пушкина не принимали участия в поголовной печали, они словно птицы резвились и смеялись в детской, где с ними были неизменная Азя и старая няня.

Сильно осунувшийся камердинер, старый, поседевший «дядька» Никита, знавший Александра Сергеевича с юных лет, открыл дверь без стука:

- Александра Николаевна, к вам пожаловала княгиня Вяземская.
- Пригласите ее в гостиную.

Вера Федоровна сидела на кушетке со спинкой из красного дерева в небольшой, уютно обставленной комнате. На стене прямо над кушеткой висело широкое полотно французского живописца с пейзажем гор, обрамленное в массивную позолоченную раму. В углу стояли высокие напольные часы, достававшие башенкой почти до потолка и размеренно махавшие своим медным маятником. Камердинер вытащил из высокого дубового комода поднос с чайным сервизом на одну персону и поставил его на круглый столик около кушетки. Также из комода он достал небольшую картонную коробку с плитками твердого английского шоколада фирмы «Фрей», что говорило о явном улучшении финансовых дел в этом доме. В квартире было прохладно, и Вера Федоровна пожалела, что разделась до платья, оставив в прихожей вместе с верхней одеждой свой шерстяной платок. Теперь она пила чай маленькими глотками, испытывая некоторое волнение перед встречей с Александриной. Ведь княгиня Вяземская пришла нарочно в то время, когда в доме отсутствовала Натали.

На пороге гостиной появилась Азя. Но она, одетая во все черное, была не такой, какой ее привык видеть петербургский свет. Лицо осунулось и побледнело, глаза, всегда светившиеся безудержной страстью, погасли, словно потеряли необходимый для сияния источник энергии. Вера Федоровна встала и кинулась к ней со всем простодушием и нежностью, однако неторопливые шаги Александрины, та сдержанность, с которой она протянула обе руки и склонила голову на плечо княгини, чтобы потом тут же вскинуть ее и посмотреть на княгиню пристальным взглядом своих погасших глаз, остановили ее и поставили в неловкое положение. Коротко поздоровавшись, они отстранились друг от друга.

- Как ты, душа моя? На тебе лица нет.

Азя подошла к кушетке и села на край, ровно держа спину.

- Здорова ли ты? – спросила Вера Федоровна и пристроилась рядом.

- Мне уже легче.

- Вот и славно. Когда собираетесь в дорогу?

- На днях.

- Сменив обстановку и круг общения, вы с Натали найдете утешение в деревне.

– Теперь я живу только мыслью о скорейшем возвращении в наш тихий дом в Заводе. Там нас ждет брат Дмитрий, единственный верный друг...

– Кстати, – княгиня сделала глоток чая, создав тем самым небольшую паузу, – я пришла сюда, чтобы исполнить одно из последних желаний Александра Сергеевича. Он просил передать это тебе.

Вера Федоровна достала из потайного бокового кармашка цепочку с крестиком и протянула ее Александрине. В этот миг печальные глаза Ази вспыхнули, вернее даже сказать, вцепились в предмет, лежащий на ладони княгини, и лишь спустя некоторое время

она, совладав с собой, отвела их в сторону. Не глядя на цепочку с крестиком, почти на ощупь, Александрина взяла загробный подарок и сжала в кулаке. Вслед за этим по ее бледному лицу побежала паутина тонких красных нитей, превратив его в багряное и дышащее жаром.

– С тобой все в порядке?

– Да-да, просто я не ожидала...

– Ты вся горишь. Что стряслось?

Александрина встала, подошла к окну и, стоя спиной к собеседнице, надела на себя цепочку с крестиком. Лицо ее продолжало гореть, взгляд был устремлен куда-то над домами в небо, руки торопливо перебирали кружевной платок, который от волнения Ази превращался то в комок, то в крученую веревку, то в помятое полотно. Наконец она повернулась к княгине и, собравшись со всеми силами, ровно, без душевного срыва, произнесла:

– Теперь у меня больше опыта, ум более спокойный и рассудительный, и я полагаю, лучше совершить несколько безрассудных поступков в юности, чтобы избежать их позднее, тогда с ними покончишь, получив урок, иногда несколько суровый, но это к лучшему.

Санкт-Петербург, Английская набережная, 2004 год

Если перефразировать поэтическую метафору, утверждающую, что жизнь – это сон, сказав, что сон – это жизнь, можно прийти к тому выходу из лабиринта, который ведет в лабиринт следующий. Хотя кто заявил, что сон, снящийся кому-то, является частью именно его жизни? И, принимая участие в том или ином видении, именно этот человек пребывает главным действующим лицом? Так ли это? Не знает, наверное, никто.

Зато всем точно известно, что во сне можно родиться и умереть, перенестись во времени и в пространстве, попасть из реального мира в ирреальный, поскольку сон любого человека есть не что иное, как тень вечности, с пересекающимися параллельными мирами...

Нежные и умелые женские руки имеют неописуемую власть над мужским телом. И даже во время самого тяжелого и тревожного сна они сумеют возбудить раньше, чем начнется пробуждение сознания. Никита еще не проснулся, но уже начал дышать часто и напряженно. Лиза откинула с него одеяло и принялась быстрыми, мелкими поцелуями покрывать его лицо, губы, грудь. Его веки дрогнули, и он что-то пробормотал. Постепенно это бормотание переросло в сладострастное рычание, он пошевелился, перевернулся на бок и скользнул рукой между ее теплых бедер...

Через несколько минут и она сама, покраснев и прерывисто дыша, изнемогала от страсти. Никита по-прежнему не открывал глаз, а Лиза уселась на него верхом и принялась раскачиваться – то быстро и размеренно, а то вдруг прогибая спину и замирая со стоном на губах. В какой-то момент, после очередной бурной серии вздохов, она внезапно опустилась на колени и быстро поймала губами его влажный, вибрирующий от напряжения член. Теперь уже застонал Никита, кусая губы и проводя дрожащими руками по ее тонким черным волосам, разметавшимся по его бедрам.

И вновь Лиза села на него, на этот раз повернувшись спиной, после чего стала осторожно опускаться, и опускалась до тех пор, пока не прижалась к нему всем телом, в то время как его руки неистово ласкали ее груди с великолепно гладкой кожей, умело массируя крупные бутоны сосков...

Увы, но всему прекрасному на свете приходит конец! Минут через пятнадцать Лиза уже плескалась в ванной, а Никита, облаченный в свой любимый стеганный халат, направлялся на кухню. Увидев на столе журнал, раскрытый на статье о Пушкине, Никита надолго замер, тщетно пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли.

«Россия – единственная страна в мире, которая не перестает скорбеть по своим поэтам». Трижды перечитав этот патетичный заголовок, Никита сразу перешел к концу статьи, где в качестве своеобразного резюме было безапелляционно заявлено, что главной

виновницей гибели Поэта все-таки оказалась его любимая жена, а потому вся история дуэли с неизбежностью превратилась в семейно-бытовую драму.

Однако эта статья, несмотря на столь банальный вывод, сумела извлечь из его натруженной памяти какие-то необычные воспоминания. Никита напрягся, пытаясь уловить и зафиксировать подробности.

Странный спектакль... Нет, более чем странный спектакль!... Режиссер Воронцов в неизменной красной бабочке, который вроде бы вовсе и не режиссер, а покойный пушкиновед... Причем пушкиновед, мстящий Пушкину за оскорбление своего прапрадеда – героя войны восьмьсот двенадцатого года...

Далее, какой-то таинственный то ли спонсор, то ли Демон... Попытки соблазнить невесту лучшего друга... Сцена дуэли... Дикая, невероятная, сверхъестественная... Неожиданное появление сына Жорика... Кто-то, кажется, погиб, а он сам был ранен, и его повезли в больницу... Потом машина дьявольски завертелась и рухнула вниз с парашюта... И все – ледяная нельская вода и полнейшее беспамятство... Что все это была за чертовщина?...

Из тяжелых раздумий его вырвал звонок Сергея.

– Ты жив? – невольно вырвалось у задумавшегося Никиты, с радостью узнавшего голос друга.

– Да, благодаря моей Натахе не только жив, но уже и поправился, – самодовольно похвастался тот.

– А вам уже предложили роли Пушкина и Гончаровой? – с нескрываемым ужасом в голосе спросил Никита.

– Чего? – изумился Сергей. – Какие роли, ты чего? Никитос! Опять, что ли, с наркотой перебрал? Сам же вчера жаловался на то, как долго тебя из-за нее в КПЗ продержали.

– Ну да, верно... Ладно, считай, что я пошутил... И как же ты поправился?

– Да Натаха моя поутру в магазин сбегала. И как только подняться сумела – вчера ведь была совершенно никакая! Короче, пивка принесла и бутылочку сухого. Сейчас мы его допьем – и айда на каток! Вы как, с нами?

– Почему бы и нет? – сразу повеселел Никита. – Чем портвейном похмеляться, лучше на коньках кататься! Пойду вытаскивать Лизулю из купальни.

– Ну и отлично. Тогда встретимся на Марсовом поле часа через два...

И все же, несмотря на успокоительный разговор с другом, Никиту снедало беспокойство. Он смутно помнил, что вся эта мистическая эпопея со спектаклем началась с приглашения, пришедшего по электронной почте, поэтому не удержался от того, чтобы включить компьютер. И, лишь убедившись в том, что никаких новых писем, кроме всякого рекламного мусора, у него нет, окончательно развеселился. Более того, ему даже вспомнился забавный анекдот. «С чего начинается Первое послание апостола Павла к коринфянам?» – «Внимание, это не спам...»

Пребывая в самом замечательном настроении, Никита бросился в спальню.

– Ну и чего случилось, что ты так торжествующе улыбаешься? – недовольно прищурилась успевшая принять душ Лиза. Сейчас она сидела перед трюмо и занималась тем, что у женщин всего мира называется наведением марафета.

– Случилось то, что мы с тобой идем на каток! – объявил Никита.

– А сколько сейчас времени?

– Время не имеет значения. Значение имеют только люди и их судьбы!

– Чего?

– Собирайся, говорю, и побыстрее!

– Да собираюсь я, собираюсь, – пробормотала Лиза, вставая с места и открывая платяной шкаф. И вдруг добавила: – Хорошо еще, что на коньках идем кататься, а не на лыжах!

– А с чего это лыжи тебя так пугают? – поинтересовался Никита. – Изнасиловали тебя на них, что ли?

– Почти! – коротко ответила Лиза, сосредоточенно перебирая свои многочисленные шмотки.

– Это как понимать?

– Как, разве я тебе не рассказывала? Пару лет назад мы с подругой поехали в Павловск. Ну а там взяли лыжи напрокат и решили немного покататься. И так получилось, что первой по лыжне, проходившей по опушке леса, шла Вера, а за ней, стараясь не слишком отставать, катила я. И тут вдруг откуда-то из-за поворота показался лыжник – высокий такой мужик лет тридцати пяти. Увидев нас, он остановился и одним движением сдернул лыжные штаны до колен...

– Что, серьезно? – захохотал Никита. – Неужели прямо на морозе обнажил свое, так сказать, мужское достоинство?

– Ну, я тебе говорю! Причем это самое достоинство у него оказалось во-о-от такое! – показала руками Лиза.

– И что дальше было?

– А дальше он не спеша двинулся нам навстречу. Ну мы, естественно, остолбенели и думаем об одном и том же: «Во, блин, даже здесь на маньяка нарвались!» Хорошо еще, что нам повезло – сзади нас догоняли еще двое лыжников. Заметив их, этот гад-экспрессионист поспешно развернулся и, даже не надевая штанов, помчался вперед по лыжне, сверкая на солнце голым задом. Все это выглядело так прикольно, что мы потом долго не могли насмеяться. Однако с тех пор на лыжах больше не ходим...

– Ну и правильно, поскольку это один из самых тяжелых видов спорта. Ладно, ты собирайся, а я пока вызову такси...

Никита несколько лукавил. Просто ему, для самого банального самоутверждения, вдруг потребовалось с кем-то пообщаться. Бывают такие минуты, когда просто необходимо узнать, что тебя помнят, тебе рады, тебе готовы помочь... Дело в том, что после сегодняшнего пробуждения его душа наполнилась восторгом и гордостью за собственную персону, как будто он победил весь мир! И чем это было вызвано, он совершенно не понимал, да и не особенно «парился» по этому поводу.

Короче говоря, Никита быстро набрал номер Германа Петровича, еще раз извинился за случившийся инцидент с милицией, поблагодарил за участие и пообещал съездить на кладбище к родителям. Затем, выслушав недолгое отеческое напутствие типа «Веди себя достойно, а не как уркаган позорный!» – попрощался и со спокойным сердцем повесил трубку.

Все вроде бы было улажено, вот только Евгения, явившаяся в его сон за руку с ребенком по имени Жорик, слишком прочно засела в подкорке нашего героя, не давая сосредоточиться на реальности. Никита даже порывлся в старой записной книжке в надежде найти телефон сестры своего одноклассника с таким же именем... Кажется, он действительно ухаживал за какой-то Женей, но не до такой же степени, чтобы иметь от нее детей!

Однако, не обнаружив никаких координат, он окончательно успокоился. В конце концов, чего можно ждать от сновидений, которые так похожи на жизнь, что великий Шекспир однажды написал по этому поводу следующее:

Когда-нибудь, поверь, настанет день,
Когда все эти чудные виденья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увенчанные башни,
И самый наш великий шар земной
Со всем, что в нем находится поныне, -
Исчезнет все, следа не оставляя.
Из вещества того же, как и сон,
Мы созданы. И жизнь на сон похожа,

И наша жизнь лишь сном окружена.

Поэтому, естественно, никаких детей у него нет и в помине. По крайней мере, Никита попытался себя в этом убедить.

Самое забавное, что, уже сидя в такси вместе с Лизой и проезжая мимо того самого места, где машина в его страшном сне проломила ограду и упала на лед, Никита не удержался от любопытствующего взгляда. Разумеется, чугунная ограда была цела и невредима.

Встретившись на катке с Сергеем и Наташей, они вскоре познакомились с компанией симпатичных молодых людей – Мариной, Олегом и Андреем, так что день закончился очередной – и весьма удачной! – вечеринкой.

Единственное, что по непонятной причине напрочь стерлось из памяти Никиты после его пробуждения, было маленьким, но весьма значительным эпизодом странного сна – момент, когда Демон Пушкина показал Никите зеркало...

Самые чудесные мгновения на свете мы не можем передать словами, поскольку тут же ощущаем их фальшь и банальность; самые блаженные минуты мы почти не создаем, поскольку наше «я», поблуждав в ослепительных эмпиреях и вернувшись обратно на землю, непреднамеренно их забывает; самые восхитительные часы жизни кажутся нам крошечными искорками, неспособными растопить ледяную глыбу безвозвратно и бессмысленно утраченного времени. Однако именно эти мгновения, часы и минуты возносят нас так высоко, куда не донесет и самая безудержная мечта!

Эпилог

Париж, парк Андре Ситроена, 2004 год

Вечерние тени медленно покрывали осенний парк Андре Ситроена, приютившийся на набережной Сены, отчего разноцветные, зелено-желто-красные листья деревьев и кустарников, отражавшихся в разнообразных прудиках, становились одинаково серого цвета. Вокруг скамьи, на которой сидели двое мужчин, слышался стук экипажей, катавших по набережной туристов, и смех иностранных студентов, вывалившихся из ближайшего кабака. Скорее всего, это были немцы, поскольку грубые вопли «О, ja, ja, das ist phantastisch» разносились по всей округе.

И каким же диссонансом с ними прозвучали прекраснейшие стихи величайшего русского поэта, которые медленно и с чувством продекламировал барон Геккерен:

Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира.
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Закончив цитату, он внимательно посмотрел на своего собеседника, которым был таинственный спонсор то ли состоявшегося на самом деле, то ли всего лишь приснившегося Никите спектакля. Посмотрел и подумал: «Теперь забавно вспоминать, как тогда он, используя меня в своих целях, изображал из себя поручика с травмированным лицом после дуэли. Лишь теперь я понимаю, как был бы удивлен, увидев его без шарфа. Наверное, я лишился бы дара речи, обнаружив, что сам Пушкин принес мне кольчугу и пистолеты для собственного убийства...»

– Эх, господин Пушкин, господин Пушкин. Жить не умел, зато как писал! – только и вздохнул барон, увидев в пенсне Демона отражение своего смертельно белого лица.

– Именно поэтому он и выбрал вашего любовника для совершения самоубийства, – иронично заметил Демон, снимая свою широкополую шляпу, чтобы поправить прическу.

Своей не слишком уместной кокетливостью он чем-то напоминал ведьму, собравшуюся лететь на шабаш на Лысую гору.

– Вы в этом уверены? – вежливо осведомился Геккерен.

– О, вполне! Уйти вовремя – это качество истинно великого поэта. Вон Гете дожил до восьмидесяти лет – и ради чего? Чтобы к первой, замечательно написанной части «Фауста» присовокупить вторую – огромную, рыхлую и неудобочитаемую, с позволения сказать, ахинею. Нет-с, господин Пушкин поступил гораздо мудрее, а потому все его поэмы совершенны.

– Значит, вы все-таки считаете, что правильно поступили, забрав Пушкина таким молодым?

– Даже не сомневаюсь, – уверенно заявил представитель Темных Сил. – Больше всего на свете наш поэт опасался творческой импотенции, поэтому, когда она все-таки наступила, причем почти одновременно с физической, он принялся искать удачный повод, чтобы вовремя уйти из той жизни, в которой уже не мог совершить ничего достойного. Как вы сами помните, его журнал не пользовался никаким успехом, поэтому все чуланы в квартире на Мойке были забиты нераспроданными экземплярами. Знаете, похожий случай был и с господином Дюма. Как заявил мне один из его издателей: «Господин Дюма пишет, не зная усталости, однако французский читатель уже устал от господина Дюма»...

– К чему вы клоните? – перебил барон, утомленный столь долгой прелюдией к ожидаемому ответу.

– А к тому, что таковым поводом стали чрезмерно раздутые слухи об отношениях вашего сына с женой господина Пушкина. Последнему они явно показались возможностью красиво уйти из жизни, одурачив своих современников. Более того, своей смертью господин Пушкин, разумеется благодаря мне, осчастливил все свое окружение, и не только!

Барон приподнял брови, будто не понимая, о чем идет речь, и тогда лукавый Демон, явно пародируя его мимику, также приподнял брови, после чего напомнил:

– Николай Первый, дождавшись своего часа, не только погасил все долги Пушкина и взял под покровительство его детей, но и сделал Наталью Николаевну своей наложницей. Именно благодаря его высочайшему покровительству прекрасная вдова столь удачно вышла замуж за генерала Ланского. Оказавшись в чине генеральши, «чистейшей прелести чистейший образец» безбедно прожил двадцать шесть лет после смерти своего первого мужа.

Что касается вашего любовника, господин барон, то он не только сделал крупную политическую карьеру во Франции, но и пережил свою жертву на пятьдесят восемь лет. – Здесь Демон улыбнулся и надел шляпу. – А Екатерина Николаевна, будучи женой Дантеса, нарожала ему детишек и, даже перебравшись в Европу, отнюдь не чувствовала себя обездоленной. Да и вы сами, господин Геккерен, успешно продолжили вашу дипломатическую карьеру и пережили Пушкина на сорок семь лет. Подумать только – насколько же ваши совместные усилия были не напрасны! Выстрели господин Пушкин первым – и не было бы пятидесяти восьми лет в жизни господина Дантеса, да и вы, я думаю, умерли бы от тоски по убитому любовнику гораздо раньше!

– К чему вы мне все это говорите? – хмуро осведомился Геккерен.

– О, не переживайте, вовсе не к тому, чтобы вас оскорбить или унижить, – живо откликнулся Демон. – Самое главное во всей этой истории состоит в том, что, опять же благодаря моим немалым усилиям, никто из авторов анонимного пасквиля так и не был разоблачен.

– А почему же господин Пушкин подозревал в написании того пасквильного диплома именно меня? Причем единственным поводом для этих подозрений послужила заграничная бумага хорошего качества.

– О нет! Отнюдь не только это!

И вновь барон удивленно поднял брови, но на этот раз Демон обошелся без пародирования. Напротив, все дальнейшее он изложил самым серьезным тоном:

– Итак, слушайте меня внимательно. Наталья Николаевна поведала мужу, что из посторонних людей никто, кроме вас, не знал о ее злосчастном tête-a-tête с Жоржем в доме ее подруги Идалии Полетики. Пушкин, естественно, сделал следующий вывод: встреча состоялась второго ноября, а уже третьего Дантесом и Идалией был написан «диплом» под руководством умного и образованного человека, прекрасно осведомленного о дворцовых нравах прошлого царствования и о занятиях самого поэта историей. Ну и кто мог руководить ими, кроме вас?

– Подождите, подождите... – заторопился барон и, как когда-то, в январе 1837 года, стоя у окна голландского посольства на Невском проспекте, закрыл глаза.

Но если тогда он пытался расслабиться, чтобы хоть немного отвлечься от мрачных событий, то теперь хотел элементарно сосредоточиться, чтобы сделать правильные выводы. Неизвестно, насколько у него это получилось, но Геккерен вдруг резко открыл глаза, повернулся к Демону и заявил:

– Следовательно, если я и мой Жорж не писали того пасквиля, – а ведь мы его не только не писали, но и не были инициаторами создания «диплома рогоносца», и вам это прекрасно известно! – то он мог быть сочинен только Идалией, и только под руководством... – Не договорив фразы, барон обеими руками закрыл рот, словно боясь вымолвить страшную тайну.

– Да-с, господин барон, именно под ее руководством, – хладнокровнейшим образом подтвердил Демон. – Именно благодаря этой коварной особе ваш род стал проклятием в устах всех бывших, прошлых и ныне живущих почитателей господина Пушкина.

Напоминая барону события давно минувших лет, Демон думал лишь о том, что, кроме Геккерена, его приемного сына и «коварной особы», тогда во всем свете не было людей, которые настолько были бы преданы ему всей душой и телом. И если бы не эта роковая троица, то, пожалуй, даже он, задумавший забрать Пушкина раньше положенного времени, так и не осуществил бы своего замысла.

Увидев мучительную гримасу, исказившую заметно состарившееся лицо барона, Демон сделал милостивую передышку. Вопреки своей природе, он сжалился над Геккереном. Да, в сущности, разве виноват был голландский посланник в том, что никогда не мог бы полюбить красивую, полноценную женщину, неизменно сходя с ума от белокурого красавца Дантеса? А вот в чем был виноват сам Дантес, позволяя любить себя именно барону и при этом постоянно делая детей вполне нормальной женщине?

– Кстати, позвольте полюбопытствовать, как прошел ваш спектакль в этом году? – после недолгой паузы учтиво осведомился барон, из головы которого не выходила страшная новость. Если только можно назвать новостью то, что касалось жизни и страстей человека, умершего более ста лет назад!

– Довольно необычно, – усмехнулся Демон, ковыряясь ногтем мизинца в длинном бакенбарде, словно пытаясь поймать там кого-то, – «Дантес» слишком долго колебался, и «Пушкин», выстрелив первым, сумел ранить соперника в руку... В результате, совершая ответный выстрел, актер, игравший Дантеса, промахнулся, после чего события пошли совсем иным чередом...

– И это вам о чем-нибудь говорит?

– Что вы имеете в виду, господин барон?

– Я полагаю это лишним доказательством того, что люди – не марионетки в руках Господа или его оппонентов, – здесь Геккерен учтиво поклонился собеседнику, – а существа, обладающие свободой воли. Именно на этой почве они вольны менять череду событий, вступая в схватки с высшими силами и порой даже одерживая над ними верх!

– Все это верно, – задумчиво согласился Демон, – но при этом они слишком слабы и отягчены своей человеческой природой, а потому в конечном итоге проигрывают.

– Однако господин Пушкин, поддавшись своим страстям и козням близких ему людей – о чем я только что узнал из ваших уст! – проиграл всего лишь моему возлюбленному мальчику, зато победил вас, господин Демон, перед лицом вечности! – язвительно парировал

Геккерен.

И посланник Сатаны не нашел на это достойного ответа.